

9(47.922)

A — 161

З. АВАЛОВЪ.

9(47.922)

A — 161

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ КЪ РОССІИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Монтвида. Уг. Конной ул. и Тельжваго пер., д. 3—5.
1906.

Предисловіе ко второму изданію.

Въ предисловіи къ первому изданію этой книги говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Присоединеніе Грузіи къ Россіи было политическимъ событіемъ первостепенной важности. Именно со времени этого присоединенія Россія становится на путь, который, можетъ быть, приведетъ ее къ берегамъ Персидскаго залива. Будущее всегда гадательно, но достаточно возможности такого будущаго, достаточно обладанія тѣмъ, что Россія теперь имѣетъ за Кавказомъ, чтобъ видѣть всю многозначительность событія, съ котораго, собственно, начинается распространеніе русскихъ владѣній въ этой части Азіи“.

Но, присоединеніе Грузіи къ Россіи, помимо его историческаго значенія для роста русскаго могущества, было для самой Грузіи событіемъ роковымъ по своей неизбѣжности и послѣдствіямъ.

Особыя, своеобразныя условія этого присоединенія въ теченіе всего XIX-го вѣка отражались на политическомъ самочувствіи грузинъ. А именно: они всегда считали себя народомъ, добровольно вступившимъ въ составъ Россіи.

Сближеніе съ послѣдней было догматомъ грузинской политики задолго до присоединенія. Тому были глубокія причины, о которыхъ и рассказано ниже.

Послѣ того какъ грузины перестали имѣть свою собственную политику, и завѣдываніе ихъ судьбами перешло въ руки русской власти, они неоднократно имѣли основаніе лихомъ помянуть день своего вступленія въ составъ Имперіи; и, оглядываясь назадъ, они часто признавали образъ дѣйствія своихъ предковъ — ошибочнымъ.

Но, сожалья иногда объ упорствѣ, съ какимъ грузины XVIII-го столѣтія стремились подъ державу Россіи, грузины нашихъ дней побуждались къ этому нынѣшнимъ печальнымъ положеніемъ ихъ родины, а не критической оцѣнкой прошлаго.

Да и вообще говоря, не память о прошломъ, а современныя острые нужды — въ свободѣ, въ просвѣщеніи, въ развитіи производительныхъ силъ страны — даютъ въ Грузіи пищу общественному движенію; не національные лозунги преобладаютъ тамъ пока, а общечеловѣческіе или, по крайней мѣрѣ, общерусскіе.

Какъ бы то ни было, народы Закавказья уже достигли или скоро достигнутъ той ступени развитія, на которой неудовлетворенныя стремленія служатъ почвой для политическихъ формулъ и борьбы за ихъ осуществленіе.

И будущность этого края неминуемо станетъ въ зависимость отъ двухъ вещей: во-первыхъ, отъ того, сочетается-ли въ гармонической формѣ дѣйствіе русской государственной власти и русскаго культуртрегерства съ самодѣятельностью, исканіями и потребностями туземныхъ элементовъ населенія; во-вторыхъ, отъ дальнѣйшаго развитія въ соотношеніи силъ на Ближнемъ Востокѣ.

Въ соотношеніи этомъ, съ ростомъ германскаго вліянія въ Малой Азіи, съ обостреніемъ турецкаго кризиса и англорусской конкуренціи въ Персіи, могутъ произойти перемѣны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько историческихъ замѣчаній.

I.

Въ 1901 году истекло сто лѣтъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи; но, строго говоря, не всей Грузіи, а той ея части, которая играла болѣе видную политическую роль въ XVIII в., т. е. соединеннаго царства Карталинскаго и Кахетинскаго. Если же имѣть въ виду всѣ части грузино-абхазской монархіи, окончательно раздробившейся въ XV вѣкѣ,— части, и послѣ связанныя единствомъ культуры и религіи,— то присоединеніе Грузіи въ этомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ нельзя будетъ приурочить къ одному какому-нибудь моменту, а придется разсматривать это присоединеніе, какъ серію историческихъ событій, какъ послѣдовательную утрату независимости отдѣльными грузинскими царствами и владѣніями, въ связи съ поступательнымъ движеніемъ Россіи въ Передней Азіи; къ событіямъ этимъ примыкаетъ, въ дальнѣйшемъ, отвоеваніе отъ Турціи тѣхъ грузинскихъ земель, которыя были отторгнуты въ теченіе предыдущихъ вѣковъ. Къ первому ряду фактовъ относится вступленіе въ составъ Имперіи соединеннаго царства Карталинскаго и Кахетинскаго, царства Имеретинскаго и княжествъ: Гурійскаго, Мингрельскаго, Абхазскаго и Сванетіи. Ко второму циклу придется отнести: отвоеваніе области Ахалцыхской и Адчары. Это — приобрѣтенія Восточныхъ войнъ истекшаго столѣтія. Земли, отошедшія такимъ образомъ отъ Турціи, составляли прежде часть грузинской монархіи, а потомъ особое вассальное княжество или такъ называемое атабекство (Саатабаго), игравшее видную роль въ судьбахъ Грузіи, пока оно не превратилось въ передовую постъ турецкой имперіи.

Впрочемъ, присоединеніе частей такъ называемой Турецкой Грузіи къ Россіи насъ ни мало не интересуеетъ. Это не болѣе какъ эпизоды русско-турецкихъ войнъ. Что же касается присоединенія самостоятельныхъ до того грузинскихъ владѣній, то здѣсь наибольшее значеніе выпадаетъ на долю присоединенія царства Карталино-кахетинскаго, такъ какъ политическое событіе это, первое по времени, повлекло за собой, какъ неизбежное послѣдствіе, судьбы остальныхъ частей Грузіи. Итакъ, каковы пути, приведшіе царство Грузинское къ манифесту 12 сентября 1801 г.?

Историческая перспектива необходима: надо знать общій ходъ грузинской исторіи, и, въ особенности, политическую обстановку XVIII столѣтія, иначе намъ не понять, почему возможна была такая скорая и рѣшительная развязка въ самомъ началѣ XIX вѣка.

II.

Ограничиваясь рамками нашего тысячелѣтія, мы можемъ въ немъ разобраться, взявъ за вѣхи важныя историческія событія, совершавшіяся въ Передней Азіи. Мы видимъ, что всякій разъ, когда является здѣсь какой-нибудь крупный собиратель земель, когда слагается или усиливается какое-нибудь мощное — хотя бы недолговѣчное — политическое тѣло, монархія изъ числа „міровыхъ“,— Грузія оказывается или стѣсненной, или поработенной. Напротивъ, когда Передняя Азія представляетъ картину разложенія и политическаго упадка, Грузія возрождается, разцвѣтаетъ, крѣпнетъ,— пока стихійный поворотъ исторіи снова не пресѣчетъ нормальнаго развитія страны.

Тотъ, сравнительно небольшой, промежутокъ, когда (въ текущемъ тысячелетіи) Грузія

является настоящей державой (конечно, средневекового склада) с силой и значением, — лучшая пора эпохи грузино-абхазских монархов — по времени совпадает с периодом разложения сельджукского государства в Персии (т. е. приблизительно, XII вв.). Эпоха этой предшествует расцвету сельджукской монархии — и в это-то время Альпаслан совершил вторжение в Грузию; тяжело пришлось ей и при Маликшахе, когда могущество сельджукидов достигает высшей точки (1072–92).

После Маликшаха наступило благоприятное для Грузии время, когда, вследствие династических несогласий и распрей атабеков, совершалось распадение сельджукской монархии; в Малой Азии образовалось царство Иконийское, воспрянул униженный халиф Багдадский, во всем ряду провинций власть сделалась наследственной и независимой, сложились сильные местные династии в Фарсе, Луристане, по соседству с Грузией — из Ганджи распространилось могущество пехлеванидов.

Восточный Иран не отставал от Западного в смысле политической путаницы и отсутствия единства.

Только благодаря этим условиям, возможен был тот подъем политического могущества и культурное оживление, которые делают XII вв. золотым веком грузинской истории. Тогда-то, во вв. Давида Возобновителя и Тамары окончательно сложилась традиция православной монархии Багратидов, традиция, к которой и позже готовы были вернуться, но которой так мало благоприятствовали дальнейшие обстоятельства.

Завоевание Персии монголами началось в 1219 г. Скоро дошла очередь до Грузии: она была разорена, уничтожена. Ясно, что политическая обстановка круто изменилась. В половине XIII вв. великий хан Мангу поручил управление Ираном Гулагухану, с которого и начинается династия гулагидов; они властвовали непосредственно над значительной частью Ирана, сопредельные же владения находились в вассальной от них зависимости.

К концу XIII вв. монгольские завоеватели сливаются с персами; затем они становятся мусульманами-шиитами и не признают даже и номинальной зависимости от великого хана.

К таким соседям Грузия должна была стать в подневольное отношение, отношение данницы. Но стоило лишь измениться картина, стоило лишь ослабить монгольским властителям — а при Абусаиде (1316–25) начинается распадение и междоусобная борьба мелких владетелей, и мы видим в Грузии успехи Георгия Блестящего. Историк отмечает: „1318. Георгий, сын Димитрия Самоотверженного, становится царем и начинает блистать как утренняя звезда“¹.

Но звезда если не Георгия, то Грузии — скоро померкла в мраке Тамерланова нашествия.

Что экспедиции мировых завоевателей, их вторжения в бассейны Куры и Риона должны были подрывать крылья Грузии, извратить и разрушить ее политическую карьеру — это очевидно. Так и было на деле. Однако, распадение империи Тамерлана дало повод Грузии обнаружить еще раз ее живучесть и выносливость. В последний раз она была „собрана“ и наслаждалась сравнительным покоем под скипетром Александра (1413–1442), который, однако, так мало был проникнут идеей государственного единства, что не поколебался распределить земли своей короны между сыновьями своими.

¹ См. в известном издании грузинских хроник академика Броссе (*Histoire de la Géorgie*). Date de Wakhoucht. Hist. Mod. II, livr I. 1, p. 378.

III.

Согласно традиції, єдина Гурзія розділена на частини царемъ Александромъ. Съ этого времени „Иверія не существуетъ болѣе“¹; но отдѣльныя царства и княжества влечать свое, исполненное превратностей, существованье. Современемъ князь Циціановъ увидить Божию волю въ томъ, что царство Грузинское, Александромъ раздѣленное, „Александромъ же І Императоромъ Всероссійскимъ соединено паки во едино“².

Однако, раздѣленіе царства царемъ Александромъ не можетъ имѣть значенія какой-то роковой грани между старой, единой Грузіей и „разсыпанной храминой“ позднѣйшихъ вѣковъ. Нѣтъ, если послѣ „раздѣла“ Грузія уже не объединялась, то и до раздѣла она далеко не всегда была единою³. Напротивъ, составныя части Грузіи, пережившія ея единство, существовали задолго до раздѣленія царства и были въ условіяхъ того времени — гораздо болѣе жизнеспособны и крѣпки, чѣмъ цѣлое, изъ нихъ слагавшееся. Входя въ составъ единой Грузіи — Мингрелія, напр., Сванетія или Кахетія не переставали быть Мингреліей, Сванетіей и Кахетіей. Не было монарха, признаннаго всей Грузіей — не было единой Грузіи, какъ политической величины; Мингрелія же и Кахетія оставались (но, конечно, объ неизмѣнности и постоянствѣ состава отдѣльныхъ областей также нельзя говорить).

Какъ всякое общество средневѣковаго склада, старая Грузія и въ эпохи единства, эпохи могущества, носила въ себѣ центробѣжныя силы, которыя неминуемо дѣлали непрочнымъ это единство. Элементы раздвоенія Грузіи на западную и восточную (по ту и по сю сторону Лихскихъ горъ), а также дальнѣйшаго дробленія той и другой, имѣлись испоконъ вѣковъ, такъ какъ находились въ тѣсной связи съ самыми, можно сказать, стихійными условіями исторической жизни Грузіи. Это — классическая страна долинъ и ущелій, не столь мелкихъ и не столь замкнутыхъ, чтобы дѣлать невозможной всякую гражданственность, но, во всякомъ случаѣ, являющихся мѣстомъ старинной осѣдлости, издавней солидарности. Эти территоріальныя единицы — основаніе, почва для созданія *изъ нихъ* — и *надъ ними* — высшаго цѣлаго, государства. Спрашивается, окажутся ли узлы этой новой организаціи настолько сильными, чтобы преодолѣть внутреннюю солидарность отдѣльныхъ единицъ?

Мы знаемъ, что въ условіяхъ средневѣковой жизни, церковь можетъ способствовать объединенію. Такъ было и въ Грузіи. Но церковь, монастыри, письменность — все это совмѣщается съ какимъ угодно положеніемъ вещей — единствомъ, раздробленіемъ, завоеваніемъ.

¹ Броссе. Исторія Грузіи. пред. къ II части (на груз. яз.), пер. Гогоберидзе.

² Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова отъ 25-го апрѣля 1804 года. Акты, собранные Кавказск. археограф. комиссією, т. II, № 748.

³ Хотя, по словамъ историка (Hist. Mod. I, 205), при Багратахъ „вся Иверія стала подъ законы и власть одного монарха“, и это длилось до Давида, сына Георгія Лаши, — т. е. 264 года, но и въ этотъ, якобы сплошной періодъ единства, Кахетія, напимѣръ, имѣла своихъ царей. Прочное присоединеніе ея къ остальной Грузіи произошло при Давидѣ Возобновителѣ.

Раздѣлена была Грузія и при монголахъ. Понятное дѣло, что мы не имѣемъ въ виду временъ болѣе отдаленныхъ. Мы желаемъ сказать, что единство монархіи Багратидовъ было и непродолжительно, и не особенно прочно, какъ основанное на подверженной всякимъ случайностямъ вассальной зависимости частей. О характерѣ и судьбахъ монархизма въ древней Грузіи см. прекрасное новѣйшее изслѣдованіе И. Джавахова „Царь и царская власть въ Грузіи“. Тифлисъ 1905 (на груз. яз.).

Об'єднання, в тій формі, в якій оно ім'яло місце в Грузії, було ділом політики династическої, опиравшійся на інтереси національні і релігійні, котрі повинні були почуватися особливо остро, завдяки постійним зіткненням з народами іншої раси, іншої в'єри.

Но, коли так і інакше досягається єдинство, коли утворюється одне ціле з окремих земель, значить ли це, що над єдиною отриманою територією возвишається влада єдиного державства? Или, правильно: признавану в теорії владу вдається ли здійснювати з достаточною повнотою на практиці?

Це саме той крок, котрий треба здійснити щоб досягнута таким чином державність могла стати заставою дальнішого політичного розвитку.

Типичні монархії середньовікового складу не здійснюють цього кроку. Вони лишаються сукупністю (комплексом) окремих земель під одним скипетром, а в своїх об'єднательних прагненнях легко пасують перед стихійністю центробіжних сил, з яких головною є можливість для окремих ячеек общества, будь то самостійна громада или помістя, обходитися власними силами. Влада, військо, фінанси — все це тяготеє до землі, до окремим більше или менше малим центрам, де зосереджені засоби прожиття, при слабкому ще об'єднанні.

Центробіжні сили цього роду в Грузії були особливо сильні, завдяки характеру місцевості. При інших умовах, при більшій безпеці зовні і ускладненню громадського життя, може бути, монархи грузинські і суміли би об'єднати, як слідують Грузію, і зіграти для неї роль Капетингов і великих князів Московських. Но величайший монарх Грузії, справжній будувальний державства, Давид II¹ не нашав преемника, котрий пошов би дальше него: знаменита Тамара була може бути, добрим генієм, но отчасти і жертвою своїх могуттвенних васалів. В'єк її був часом могуттвенства і культурного розвитку, но влада корони понесла ушкоду в її руках². І пізніше царям удавалось зібрати знов грузинські землі воєдино, но устроить державства вони не могли, тому що для подолення перешкод тому потрібні були особливо благопріятні зовнішні умови і точка опори в яких-небудь шарах народу; а цього-то і не доставало Грузії; зовні — повна необезпеченність, всередині — безсиліє державної ідеї перед торжествующою сословністю. І одночасно громадські протиріччя не були так різкі, щоб дати пошув для посилення монархії.

Правда, може показатися на перший погляд, що постійна війна за народність і в'єру повинна була допомогти Багратидам в створенні грузинського єдинства і монархії. Вообще говоря, війна часто являлась їм горнилом, в котрому державства находили прочный закал. Лавровий в'єнок побідителя часто превращался в царственный в'єнец, а до золоту корони прекрасно ідеє зелень побідного лавра. Но могли ли грузинські монархи побідити Чингис-хана, Тамерлана і інших сильних владок Востока?

Не могли, і воть, присматриваясь до умовам боротьби (мы ім'ємо в виду переважно нашествія) грузин з їх ворогами, не знайдемо ли мы зде лишніх обставинств в пользу центробіжних впливів? Оборона в замках, недоступних місцях, монастирях, партизанські нападення — все це вело до того, що люди еще більше прятались в свої кріпкі жилища. Очень часто захищались, як хто мог.

¹ Давид II Будувальний (1089—1125).

² О боротьбі царів з феодалами, об обмеженні царської влади і, в частности, об испытаннях, пережитых державою царицы Тамары см. вышеназв. сочинение г. Джавахова (особ. гл. VI—VIII)

Грузины всегда любили родные поля. Оборона страны и своего собственного клочка земли — для них это было одно и то же.

Условия защиты и вообще военная организация Грузии не благоприятствовали власти царей.

Словом, средства объединения были особенно бедны, а центробежные силы — особенно постоянны и действительны.

Изъ всего сказанного слѣдуетъ, что когда по смерти царя Александра Грузія оказалась раздѣленной, то это вовсе не находится въ какомъ-либо потрясющемъ несоотвѣтствіи съ прошлымъ страны.

Въ XV ст. мы видимъ въ Грузіи совокупность издавна сложившихся областей, съ мѣстными, частью также издавна сложившимися, династіями. Независимость или полунезависимость княжествъ не помѣшаетъ Багратидамъ считать эти княжества своимъ наслѣдіемъ: здѣсь источникъ вѣковыхъ неурядицъ и междоусобій, гдѣ каждый по своему правъ, и гдѣ все — въ порядкѣ вещей, даже самый безпорядокъ.

Но борьба царей съ владѣтелями — это еще борьба съ политическимъ значеніемъ; конечно, междоусобицы не ограничивались этимъ.

Владѣтели, не связанные между собой какими-либо отношеніями, кромѣ частныхъ, разрѣшали оружіемъ вопросы и недоразумѣнія, которые между ними возникали. Начало авторитета почти утрачивается: все основано на началѣ вѣрности подданнаго владѣтелю, владѣтелей между собой.

Такое положеніе вещей возрастало прогрессивно; въ XV вѣкѣ дѣла обстояли лучше, чѣмъ въ XVII.

IV.

Для насъ важно имѣть въ виду общую картину Грузіи во 2-й половинѣ XV вѣка, потому что эта Грузія стала лицомъ къ лицу съ фактами, имѣвшими фатальный исходъ для нея.

Во-первыхъ, паденіе Константинополя.

Въ 1453 году загородили навсегда дорогу, ведущую изъ Грузіи въ единовѣрную Византію, — а черезъ нее — ко всей христіанской Европѣ.

Грузія оказалось какъ бы замурованной въ передней Азіи, отдѣленная отъ Запада стѣной ислама, неизмѣримо сильнѣйшаго, часто безпощаднаго и фанатическаго.

Именно въ эту эпоху сложились двѣ могущественныя величины по сосѣдству съ Грузіей — Персія и Турція, обѣ одинаково враждебныя послѣднему оплоту христіанства въ Азіи и въ то же время, враждебныя между собой. Это — основное условіе, опредѣлившее политическую жизнь Грузіи въ XV–XIX вѣкахъ.

Отнынѣ, раздѣленіе Грузіи на восточную и западную, коренящееся въ чисто туземныхъ условіяхъ, искусственно обостряется и становится въ связь съ соперничествомъ двухъ великихъ восточныхъ монархій. Оставляя въ сторонѣ подробности, скажемъ, что Западная Грузія (Имеретія, Мингрелія, Гурія) входитъ въ сферу вліянія Оттоманской имперіи, Восточная (Карталинія и Кахетія) — въ сферу вліянія Персіи¹. Что же касается княжества или

¹ Искендеръ Мунджи, персидскій историкъ, сообщаетъ что когда въ 1553 году былъ заключенъ миръ между шахомъ (Тахмаспомъ) и султаномъ Сулейманомъ, и установлены границы, шахъ и султанъ раздѣлили между собой покровительство надъ Грузіей: именно, Месхетія, Карталинія и Кахетія отданы были подъ протекторатъ Персіи; Имеретія, Мингрелія и Гурія, до Трапезунда — отошли подъ верховную власть турокъ (Хроники Иск. Мунджи въ

атабекства Самцхйского, то эта чрезвычайно важная, культурная часть Грузии, авангардъ ея на югъ и западъ, вынесла въ XVI столѣтіи самые тяжкіе удары персіянъ и турокъ, и постепенно была вовсе отторгнута отъ Грузии и перешла въ исламъ, долго однако не утрачивая національнаго облика. Потомки грузинскихъ атабековъ облекались званіемъ пашей ахалцхскихъ и, пользуясь большой свободой, играли роль въ дѣлахъ грузинскихъ земель до самаго конца дней Грузии.

Этотъ огромный и ничѣмъ не вознаградимый проигрышъ ея мусульманскому востоку тѣсно связанъ съ упроченіемъ вліянія Турціи и Персіи по обѣ стороны Лихскихъ горъ. Надо имѣть въ виду слѣдующее: что въ войнахъ Турціи и Персіи (а каждая изъ нихъ дѣйствовала сообразно „историческимъ“ задачамъ и никогда не спускала глазъ съ противника) Грузія не могла оставаться безучастной зрительницей хотя бы потому, что воюющія стороны изъ грузинской территоріи дѣлали часто побочный театръ военныхъ дѣйствій. Брать сторону турокъ, это значило стать врагами персіянъ — и наоборотъ.

Приходилось хитрить, пользоваться обстоятельствами. Но Персія и Турція умѣли извлекать выгоду изъ положенія Грузии. Подкупъ, поддержка желательныхъ претендентовъ, поощреніе раздоровъ — все пускалось въ ходъ. Конечно, и Персія, и Турція были заинтересованы въ томъ, чтобы у нихъ былъ обезпеченъ флангъ, и ихъ усилія имѣли тѣмъ большій смыслъ, что, въ боевомъ отношеніи, грузины были и въ плохія времена силой, съ которою считались. Ее надо было сломить, или купить. Къ тому же, бранная жизнь легко прививала грузинскимъ владѣтелямъ инстинкты кондотьеровъ, съ которыми не трудно было вступать въ сдѣлки.

V.

Замѣтимъ также, что съ окончательнымъ раздробленіемъ Грузии, оставалась еще возможность отдѣльнымъ ея частямъ разрѣшить удачно вопросъ государственной консолидаціи, правда, въ меньшемъ масштабѣ, но все же съ вліяніемъ на судьбы всѣхъ грузинскихъ земель. Нельзя отрицать того, что цари грузинскіе дѣлали иногда рѣшительный шагъ къ упроченію власти. Такъ, напримѣръ, царь кахетинскій Георгій I (въ концѣ XV в.) уничтожилъ наслѣдственныхъ правителей областей (эриставовъ) и поставилъ на ихъ мѣсто своихъ чиновниковъ-моуравовъ. Точно также, онъ приурочилъ военные округа (хоругви) къ епархіямъ, чтобы начальствованіе надъ каждой изъ 4-хъ хоругвей не стало наслѣдственнымъ. Такая осмысленная дѣятельность могла, конечно, дать самые лучшіе результаты. Но, повторяемъ, обстоятельства слишкомъ благоприятствовали центробѣжнымъ стремленіемъ — въ отдѣльныхъ царствахъ также, какъ и въ цѣлой Грузии.

Сильный феодалъ, въ борьбѣ съ своимъ царемъ, легко могъ найти поддержку извнѣ. Его всегда приласкаютъ въ Испаганѣ; его поддержитъ кто-либо изъ сосѣднихъ хановъ или паша; къ услугамъ его — полудикіе кланы Дагестана, охотно занимавшіеся набѣгами, добычей рабовъ, службой за деньги. Приглашеніе грабить и жечь они прінимали съ восторгомъ — и были, по своему, правы, такъ какъ жить они могли только промышляя хищничествомъ¹. Мало-по-малу (въ XVII-XVIII в.) появленіе лезгинскихъ партій сдѣлалось дѣломъ обыкновеннымъ; это былъ истинный бичъ для Карталиніи и Кахетіи, которыя въ

приложеніяхъ къ *Histoire mod. d. G.* т. I, I, р. 450). Но, конечно, здѣсь лишь подтверждено нѣчто, сложившееся раньше.

¹ Понятное дѣло, это относится не ко всему Дагестану, представляющему, какъ извѣстно, много пестроты.

своихъ дѣйствіяхъ на югѣ никогда не имѣли обезпеченнымъ тыла¹.

Нѣтъ необходимости настаивать на томъ, что внѣшнія условія крайне обостряли и безъ того сильно выраженную феодальную разрозненность. Это слишкомъ очевидно.

Лучшіе грузинскіе цари, цари-крестоносцы, были всегда поглощены элементарной борьбой за существованіе. Объ организаціонной работѣ не могло быть и рѣчи. А цари-мусульмане, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., Ростомъ, правили достаточно долго и достаточно спокойно, не вносили какихъ-либо благопріятныхъ измѣненій, вреда же принесли очень много — въ смыслѣ ущерба христіанству и народности.

Какъ бы то ни было, и въ XVIII столѣтіи лучшимъ монархамъ этой эпохи Ираклію II и Соломону I Имеретинскому приходится вести напряженную борьбу съ вассалами. И если заговорщики, дѣйствовавшіе противъ Ираклія, могутъ сойти за крамольниковъ, то этого нельзя сказать, напр., о Ростомѣ, эриставѣ Рачинскомъ, могущественномъ феодалѣ, доведшемъ въ своемъ упорствѣ Соломона до изнеможенія.

При такихъ условіяхъ, могла ли какая-нибудь часть Грузіи стать оплотомъ политическаго обновленія страны? Конечно, не могла и это тѣмъ болѣе, что ни одна изъ этихъ частей не была достаточно сильна, чтобы повелѣвать другимъ. Карталинія, Кахетія уравнивались Имеретіей, Мингреліей, Гуріей. Въ восточной половинѣ Грузіи силы Кахетіи и Карталиніи были приблизительно равны²), въ западной — Имеретіи не сильнѣе и не слабѣе Мингреліи, вдобавокъ, подъ бокомъ у нихъ, Абхазія и Гурія, которыя едва ли кого завоюютъ, но и себя завоевать не дадутъ. Прибавьте къ этому еще разграниченіе сферъ вліянія между Турціей и Персіей въ Грузіи — совпадающее съ дѣленіемъ ея на Западную и Восточную — примите во вниманіе, что всякій „поискъ“ Карталиніи и Кахетіи на западъ отъ Лихскихъ горъ (и наоборотъ) могъ вести къ осложненіямъ между Персіей и Турціей³, — и станетъ ясно, почему идея національнаго единства до второй половины XVIII вѣка не могла стать мотивомъ практической политики.

Но надо отдать справедливость анархическому состоянію грузинскаго общества въ теченіе ряда вѣковъ; благодаря ему, благодаря этимъ полунезависимымъ ячейкамъ, этимъ замкамъ въ ущельяхъ, этимъ убѣжищамъ въ недоступныхъ мѣстахъ — народность и религія не могли быть уничтожены самыми послѣдовательными, самыми упорными изъ угнетателей Грузіи.

Недостаточно выиграть большія сраженія; недостаточно взять главные города и

¹ Какъ опасно было приглашеніе на службу лезгинъ и, вообще, какія послѣдствія влекла за собой вѣчная война между феодалами, объ этомъ писали и иностранцы. Ср. напр. *Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la Noire et la mer Caspienne* (1797), p. 52.

² Раздѣленіе Восточной Грузіи на два царства и всяческое поощреніе розни между ними было, со временъ шаха Аббаса I, однимъ изъ догматовъ персидской политики. Сближеніе, напр., Луарсаба Карталинскаго и Теймураза Кахетинскаго въ началѣ XVII ст. показалось Аббасу посягательствомъ на интересы Персіи.

³ Когда Вахтангъ V, царь Карталинскій (въ XVII в.) имѣя партизановъ въ Имеретіи и Гуріи, перешелъ черезъ Лихскія горы, взялъ Кутаисъ, вступилъ въ Мингрелію и посадилъ на имеретинскій престолъ сына своего Арчила а дадіаномъ (т. е. владѣтелемъ Мингреліи) сдѣлалъ угоднаго себѣ Левана — ахалцихскій паша основательно увидѣлъ въ этомъ вторженіе въ сферу турецкаго вліянія со стороны вассала Персіи, и сдѣлалъ представленіе султану. Въ концѣ концовъ, по желанію шаха, Вахтантъ отозвалъ своего сына изъ Имеретіи (которая, однако, еще три раза видѣла Арчила своимъ царемъ!).

крѣпости, заняты ихъ своими гарнизонами; недостаточно поставить на престолѣ вѣрнаго человека — еще вопросъ, будутъ ли его признавать. Когда шахъ Тахмаспъ отдалъ Карталинѣ вѣроотступнику Давиду (Давдхану), то послѣднему пришлось терпѣть неоднократныя пораженія отъ законнаго царя, рыцарственнаго Симона; наконецъ, послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ персіанами, Давдханъ утвердился въ Тифлисѣ, но многіе князья его вовсе не признавали.

Не разъ духовные и свѣтскіе вельможи, сильные своимъ значеніемъ на мѣстахъ, сберегали часть того, что проигрывалось царями.

Такъ, общественный строй, ставившій помѣхи лучшимъ начинаніямъ царей-патріотовъ, одновременно препятствовалъ разрушительной дѣятельности завоевателей и царей-тирановъ.

При почти непримѣрныхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось жить христіанской Грузіи, самыя несовершенства общественнаго строя, тормазившія исполненіе любой болѣе широкой политической мысли — послужили странѣ въ пользу.

Но въ XVIII ст. объ эти несовершенства разбивались замыслы Вахтанга VIII Ираклія II — замыслы, оказавшіеся мечтами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе Восточной Грузіи и Персіи при Сефевидяхъ.

I.

1.

Въ эпоху присоединенія Грузіи къ Россіи, Персія считала себя истинной владычицей Грузіи, точнѣе, Карталинѣ и Кахетіи. Правда, въ ст. III Гюлистанскаго трактата (1813 г.)¹ она торжественно отрекается и отъ Мингреліи, Имеретіи — но это ничего не значущая фраза, такъ какъ еще по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату страны эти считаются въ зависимости Порты².

На чемъ же основаны были притязанія Персіи? Обладала ли она Грузіей; когда установилась эта зависимость и въ чемъ проявлялась?

Прежде чѣмъ войти въ оцѣнку исканій шаховъ каджарской династіи (что сдѣлано будетъ въ своей мѣстѣ), необходимо, въ общихъ чертахъ, обозрѣть отношенія Грузіи къ Персіи въ предшествующія времена. Отношенія эти такъ многосложны, имѣютъ такую длинную исторію, что даже не очень подробное ихъ разсмотрѣніе разрослось бы въ цѣлое изслѣдованіе. Обходя молчаніемъ все время до конца XV вѣка, обратимся къ этой эпохѣ — непосредственно предшествующей началу династіи Сефевидовъ. Именно при государяхъ

¹ П. С. З. № 25, 466. „Его Шахское Величество... симъ торжественно признаетъ какъ за Себя, такъ и за Высокихъ преемниковъ Персидскаго Престола, принадлежащими въ собственность Россійской Имперіи ханствы... Притомъ Грузію съ Шурагельскою провинціей, Имеретію, Гурію, Мингрелію и Абхазію и т. д.

² Ст. 23 Кучукъ-Кайнардж. трактата (1774 г.)... „какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты“ etc. П. С. З. № 14, 164.

этой знаменитой династии Грузия вступает в более тесную связь с Персией.

Несчастия Грузии, т. е. „персидский“ цикл несчастий начинается с Узун-Гасана, противника победоносного султана Магомета II. До Узун-Гасана, по словам Вахуштия, внешние дела Грузии обстояли благополучно. Шахи еще не властвовали над всей Персией, турки были заняты войной с европейцами.

Вторжение Узун-Гасана в Грузию произошло в 1478 г. Удачно боролся с ним Константин III. Дело кончилось почетным миром и оставлением гарнизона в цитадели Тифлиса. С легкой руки Узун-Гасана преемники его посылают неоднократно войско для вторжения в Грузию (все в конце XV века). Пока, грузинам удавалось отражать своих врагов и разрушать крепости, которые они строили. Но, затем, начинают падать на них удары Сефевидов.

В начале XVI века шах Измаил уже господин земель от Персидского залива до Каспийского моря. Войны с Турцией для Сефевидов обладание Грузией или ее возвращение — прямой необходимостью. Тучи стали все более сгущаться над этой страной.

История отношений шаха Измаила к Грузии (первая четверть XVI ст.) уже включает в себя главные моменты грузино-персидской распри и связи. С одной стороны — требование покорности¹, обещание милостей, занятие крепостей гарнизонами и сооружение укреплений в стратегических пунктах; с другой — лавирование между турками и персиянами, готовность ежеминутно вернуть утраченное.

Преемник Измаила шах Тахмасп (1524–86) совершил, в течение долгого своего правления, целый ряд походов в Грузию.

Отныне, политическая связь Грузии и Персии постепенно крепнет. Скоро наступит время царей-мусульман.

Так постепенно готовится Эпоха, где нет иного выбора, как между неподчинением и борьбой с одной стороны, подчинением, переходящим в угодничество, и сравнительным покоем — с другой. Но первая позиция безнадежна, вторая — шатка, потому что Персия капризна, а Грузия бурлива. Оба типа отношений процветали в Грузии, в различных степенях и с различными вариациями. Устойчивости же не могло быть, потому что все от начала до конца было дисгармонично.

При всей пестроты эпохи, ясно, что Персия домогается всячески овладеть страной, народ же, обреченный на заклание, так или иначе обороняется.

2.

Чем же решилось это дело для Грузии и Персии?

Последней так и не удалось обезпечить себя со стороны Прикавказья. Грузия погибла, но погибла в интересах христианской цивилизации, а не для успехов мусульманского Востока.

Для Персии же конец Грузии был началом политического унижения и полного

¹ Впрочем, в письме, написанном во 2-й половине XV в., как предполагают, Константином III Изабелл Кастильской, мы уже встречаем формулировку, с которой грузинам суждено было обращаться к разным правительствам в течение трех столетий — всегда безуспешно. „Тебе известно, пишет царь, что нечестивые персияне мучают нас жестоко. Они сделали нам много зла и требуют от нас трех вещей: платите нам, говорят они, огромную дань, сражайтесь всегда в наших рядах, наконец, примите нашу веру. Они многочисленны, а мы, после падения Константинополя и Трапезунда, остались здесь одни“

измельчанія.

А что гнетъ со стороны Ирана могъ сокрушить жизнеспособность страны, это не диво. Одного XVI вѣка было бы достаточно, чтобы разбить историческое призваніе народа — а вѣдь Грузія вступила въ это столѣтіе, переживъ далеко не одно разореніе и нашествіе — арабовъ, сельджуковъ, Чингисъ-хана, Тамерлана и многихъ другихъ — а впереди ее ожидала еще эпоха шаха Аббаса I, затѣмъ турецкое завоеваніе 2-й четверти XVIII вѣка, Надиръ-шахъ и, наконецъ, несчастія самаго конца XVIII вѣка. Прибавьте къ этому такіе хроническіе недуги, какъ постоянное воровство лезгинъ, работорговля, междоусобія.

Какое огромное количество крови пролито въ этой борьбѣ за существованіе! Рядомъ съ ручьями крови крестоносцевъ течетъ кровь крамольниковъ, измѣнниковъ родины и кровь, пролитая въ междоусобіяхъ. Но какъ мало удалось сберечь цѣною этихъ жертвъ!

Желѣзомъ и кровью не удалось тогда разрѣшить вопросовъ Прикавказья, хотя и не скупилась ни на то, ни на другое.

Иранъ могъ бы обезопасить себя со стороны Грузіи — только уничтоживши поголовно ея населеніе. Но это не легко было даже Ирану. Персія примѣняла къ Грузіи всѣ методы воздѣйствія, начиная съ дипломатическихъ ласокъ и кончая безпримѣрными кровопусканіями и насильственными выселеніями. Но, помимо того, что и Персіи это обходилось весьма не дешево, цѣль никогда не была достигнута, Грузія никогда не была поглощена Персіей, потому что оставшіеся въ живыхъ при первой возможности отлагались, мстили, сбрасывали его.

Здѣсь не мѣсто излагать ходъ этой борьбы, ея результаты для Персіи и Грузіи. Это значило бы излагать исторію Восточной Грузіи, за два съ половиной вѣка (т. е. до половины XVIII вѣка).

Исторія эта богата истинно трагическими моментами, но нить борьбы религіозной и національной не есть единственная, или даже главнѣйшая нить этой исторіи.

Крестоносная Грузія¹, Грузія храбрыхъ царей, доблестныхъ іерарховъ, монаховъ ученыхъ и благочестивыхъ, рыцарей, не имѣвшихъ себѣ равныхъ на полѣ брани, Грузія земледѣльцевъ, защищавшихъ родныя долины до послѣдняго издыханія — это не вся Грузія, это лишь одна (хотя и лучшая) изъ стихій ея исторической жизни.

Есть и другая Грузія не менѣе, если не болѣе дѣйствительная, чѣмъ та, первая: Грузія царей-вѣроотступниковъ, льстецовъ шаха, пастырей-волковъ, князей-работорговцевъ, военной челяди съ инстинктами грабителей. Эти двѣ Грузіи живутъ бокъ-о-бокъ, никогда одна не растворяется въ другой, но часто одна изъ нихъ выступаетъ на первый планъ, а другая остается въ тѣни.

II.

Трудно выразить съ отчетливостью, въ чемъ заключалась политическая связь Персіи и Грузіи, потому что эти отношенія представляются чѣмъ-то весьма зыбкимъ; зыбка была Персія, зыбка и Грузія. Упроченію связи (т. е. окончательному поглощенію) мѣшала религія

¹ Увлеченіе ея тѣнью проглядываетъ не только у грузинъ, но и въ писаніяхъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Преувеличивать христіанство грузинъ также односторонне, какъ преувеличивать ихъ пороки; между тѣмъ, до сихъ поръ можно встрѣтить какъ чрезмѣрное восхваленіе грузинскихъ „доблестей“, такъ и наивное цитированіе Шардена, и другихъ, менѣе известныхъ путешественниковъ въ доказательство безнравственности и испорченности грузинъ въ старину.

и политическая живучесть нации. Въ зависимости отъ степени могущества Персіи въ данный моментъ и отъ силы сопротивленія, какое могли оказать грузинскіе владѣтели — находилась и форма, въ которую отольется отношеніе Грузіи (Карталиніи и Кахетіи) къ Ирану. Поэтому, заранее можно предвидѣть пестроту въ этихъ отношеніяхъ. Очень важно еще и слѣдующее обстоятельство: Карталинія и Кахетія вовсе не одинаково вели себя по отношенію къ Персіи. Сплошь и рядомъ одно царство борется, а другое признаетъ свою вассальную зависимость. Въдѣ соперничество Багратидовъ кахетинскихъ и карталинскихъ, вопросы престолонаслѣдія въ каждомъ изъ царствъ, тяготѣніе къ Россіи — все это принималось въ расчетъ умнѣйшими изъ властелиновъ Ирана. Само собой разумѣется, что эгоистическіе расчеты владѣтелей играли также важную роль. Да и странно было бы ожидать или требовать отъ царей и народовъ постоянной борьбы, безъ надежды на побѣду.

Приведемъ нѣкоторые примѣры. Пока Карталинія во главѣ съ царемъ Константиномъ III ведетъ удачно борьбу съ войсками Узунъ-Гасана, Георгій I, царь Кахетіи, при первомъ вступленіи войскъ шаха въ предѣлы царства, посылаетъ ему богатые дары въ знакъ покорности и отвращаетъ такимъ образомъ направленное уже противъ него оружіе. Онъ отказалъ поэтому въ помощи Константину. Понятное дѣло, такая политика должна была укрѣпить его власть въ Кахетіи.

Вообще, благодаря оппортизму и признанію верховенства шаха, Кахетія нѣкоторое время не знала персидскихъ вторженій.

Александръ I Кахетинскій, при усиленіи шаха Измаила, отправилъ къ нему въ Ширванъ сына своего съ знаками покорности, тогда какъ Карталинія боролась съ этимъ шахомъ.

Леванъ II (царь Кахетинскій) поддерживалъ карталинскаго Давида въ борьбѣ съ персіянами, но когда шахъ Тахмаспъ разрушилъ Тифлисъ, Леванъ явился къ нему въ Карабагъ; его отпустили съ почетомъ. Это не помѣшало Левану, въ союзѣ съ упорнымъ врагомъ персіянъ Луарсабомъ I Карталинскимъ, позже воевать въ Азербейджанѣ. Однако, Леванъ перешелъ потомъ опять на сторону Тахмаспа.

Вотъ почему, когда Тахмаспъ совершилъ новую экспедицію въ Самцхе и завоевалъ Карталинію, покой Кахетіи не былъ нарушенъ. Во время борьбы Симона съ персіянами, Леванъ ухитрился одновременно подарками задабривать шаха, свидѣтельствуя о своей вѣрности — и посылать помощь Симону.

Вообще, Кахетія умѣла ладить съ Персіей все XVI столѣтіе¹. Въ это самое время Карталинія и ея цари: Константинъ, Давидъ, Луарсабъ — являются настоящимъ оплотомъ вѣры и независимости.

Какая изъ этихъ двухъ политикъ была разумнѣе, сказать трудно. Цари-оппортисты не разъ избавляли страну отъ нашествій, но ничего не сдѣлали для національнаго самолюбія и для Христа; цари-крестоносцы не разъ накликали бѣду на свое несчастное отечество, но ихъ любили и память ихъ почитали.

Позже роли мѣняются. Силы Карталиніи были сломлены, и она все болѣе поддавалась персидскимъ вліяніямъ. Уже одновременно съ Симономъ сидитъ въ Тифлисѣ ставленникъ персіянъ, Даудханъ. Сынъ же его Ростомъ, въ которомъ мусульманинъ и персидскій

¹ По словамъ Вахуштія, Кахетія была въ это время такъ густо населена, что тамъ трудно было найти дикихъ животныхъ. Александръ, царь Кахетинскій (въ концѣ XVI в), страстный охотникъ, выражалъ шутливое желаніе, чтобы Кахетія подверглась разоренію при его жизни, такъ какъ у него будетъ тогда въ изобиліи дичь. Желаніе это исполнилось при Теймуразѣ (когда Кахетія опустѣла); но, прибавляетъ историкъ, этому некогда было охотиться.

вельможа уживался съ грузиномъ, открылъ самую широкую дорогу и безъ того всегда сильному въ странѣ персидскому вліянію. А его соперникъ Теймуразъ I, сынъ замученной Аббасомъ Кетеваны и царь Кахетіи, до того цвѣтущей, но тѣмъ же Аббасомъ превращенной въ груды развалинъ — вѣрный традиціямъ православнаго царства, борется всю жизнь съ превосходящими обстоятельствами и обнаруживаетъ по истинѣ великую силу духа.

III.

Органическое единеніе Грузіи съ Персіей не могло имѣть мѣста хотя бы потому, что сама Персія не была органически цѣлостнымъ государствомъ въ европейскомъ смыслѣ, а скорѣе сложнымъ политическимъ тѣломъ — образованнымъ изъ единицъ не административнаго, а государственнаго характера (т. е. Staatenstaat нѣмецкихъ публицистовъ), какъ бы этотъ государственный характеръ составныхъ единицъ ни былъ слабо выраженъ. Конечно, огромное значеніе, при такомъ строѣ, играетъ фактическое соотношеніе силъ шаха и вассаловъ.

Если имя шаха — Аббасъ I, то узы единства чувствительно сжимаются, если это — шахъ Гуссейнъ — картина мѣняется. Вообще, можно сказать, что громкій титулъ „царь царей“ можетъ быть одинаково комплиментомъ какъ шаху, такъ и вассаламъ: смотря по обстоятельствамъ, титулъ этотъ означаетъ или: изъ всѣхъ царей царь, или же: надъ *царями* царь. Такими царями подъ шахомъ — были одно время грузинскіе цари.

Правда, неоднократно Грузію просто на просто завоевывали. Но, во-первыхъ, оккупация никогда не бывала полной (почему — сказано выше). Во-вторыхъ, чтобы удерживать страну въ повиновеніи, брали заложниковъ — преимущественно изъ царевичей и знати, занимали цитадели гарнизонами, а главное — ввѣряли страну человѣку, на котораго полагались. Если бы персіане обладали сами развитымъ административнымъ механизмомъ, то, конечно, они могли бы прочнѣ держаться въ Грузіи. На дѣлѣ же, имъ приходилось устанавливать *modus vivendi* съ побѣжденными. Договорнымъ соглашеніемъ кончилось и страшное разореніе Кахетіи Аббасомъ I ¹.

Персіане поступали совершенно въ духѣ праворазвитія той эпохи и сообразно доступнымъ для нихъ средствамъ, когда ограничивались привлеченіемъ на свою сторону — или, въ случаѣ нужды — захватомъ царя и сильнѣйшихъ феодаловъ. Оставляя царю или же (если онъ находился въ Испаганѣ) его замѣстителемъ текущія функции суда и отраслей управленія, шахъ снабжалъ своего избранника (принадлежавшаго, стало быть, къ мѣстной династіи) инвеститурными знаками, осыпалъ его подарками, возлагалъ на него порученія. Такимъ образомъ, вопросъ разрѣшался очень просто: народъ продолжалъ имѣть правителей изъ національной исторической династіи, но существеннымъ условіемъ занятія престола

¹ „Власть Персіи никогда не была такъ прочна надъ этой страной, чтобы персидское правительство могло дѣйствовать независимо отъ желаній Грузіи“. Watson. A history of Persia etc., p. 87.

Разбираемой эпохѣ посвящена старая хорошая монографія Пл. Юсселиани „Грузія подъ властью царей мусульманъ“. Множество данныхъ относительно положенія Грузіи за эти вѣка сообщается въ писаніяхъ европейскихъ путешественниковъ, но, важнѣе всего, конечно, груз. хроники, грамоты и такіе юридическіе памятники какъ Уложеніе Вахтанга и, особенно, т. наз. Дастулама (сводъ правилъ и инструкцій смѣшаннаго характера). Многое указано также у Brosset, Introduction et table des matières.

была шахская инвеститура. Въ рамкахъ вассальной завѣсности отъ Персіи продолжали жить традиціи монархіи Багратидовъ, и Персія мирилась съ этимъ, коль скоро ей ничего не угрожало.

А разъ зависимость Грузіи сказывалась въ вассальности ея царей, то, припоминая вліяніе вообще иранской культуры на грузинъ и близость царей-вассаловъ къ Испаганскому двору, — мы не станемъ удивляться той двойственности въ роли грузинскихъ царей, которая такъ бросается въ глаза въ теченіе XVII и начала XVIII вѣковъ. Они одновременно грузинскіе Багратиды и первостепенные персидскіе вельможи, одновременно православные и мусульмане. Даже тѣ, которые какъ Ростомъ, родились въ мусульманствѣ, не обходятъ своими щедротами и церквей, какъ настоящіе Багратиды Божіей милостью. А въ качествѣ персидскихъ вельможъ, они играютъ порой видную роль въ Персіи, часто занимая первыя должности государства. Но сила ихъ въ Персіи, конечно, основывалась на томъ, что въ качествѣ царей грузинскихъ, они располагали извѣстными ресурсами. И вотъ, подвизаясь на почвѣ иранской политики, цари и первѣйшіе князья (тоже сильные люди въ Персіи) постепенно втягивали массу грузинъ въ персидскія дѣла¹. Въ такихъ случаяхъ, цари не разъ осыпались золотомъ и безчисленными подарками со стороны шаховъ, а доблестное воинство снискивало не малое количество добычи на поляхъ сраженій, въ которыхъ слѣдовало за своими природными царями и князьями.

И, конечно, это было занятіе весьма подходящее и для царей, и для ихъ воиновъ: война стала для грузинъ родной стихіей и, разъ нельзя было ихъ оружію найти примѣненіе для блага родины, они охотно служили этимъ оружіемъ и за ея предѣлами, тѣмъ болѣе, что съ ними всегда были ихъ начальники, и, на этомъ поприщѣ, они находили и славу, и деньги, и сильныя ощущенія. Многіе умирали на чужбинѣ, отпадали отъ христіанства, ложились костью, распинаясь за чуждое дѣло — но это ужъ неудобства ремесла.

Такъ называемая эпоха „царей мусульманъ“, ² отъ 1632 г. до паденія Вахтанга (1723), къ которой относится все только что сказанное, представляетъ, такимъ образомъ, нѣкоторое постоянство и опредѣленность въ отношеніяхъ Персіи и Грузіи. Объясняется это не чѣмъ инымъ, какъ бѣльшимъ сближеніемъ съ Ираномъ царей и дворянства.

Но, опять-таки, здѣсь много отгѣнковъ и различій. Болѣе прочный *modus vivendi* устанавливается въ Карталиніи, которая живетъ совершенно въ ладахъ съ Персіей при царѣ Ростомѣ. Этотъ, во всякомъ случаѣ выдающійся царь прикладывалъ къ своимъ грамотамъ печать съ надписью: „Ростомъ, прахъ ногъ шаха“, и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иранскимъ правительствомъ, на дѣлѣ же распоряжался какъ безусловный хозяинъ въ Грузіи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ въ Персіи, совѣтчикъ шаха Сефи, которому помогъ занять престолъ; не удивительно, что персидскіе гарнизоны въ

¹ Шахъ Аббасъ, въ видахъ сближенія грузинъ съ Персіей. а въ частности, чтобы гарантировать себя отъ ихъ интригъ съ Турціей, ввелъ въ обыкновеніе давать имѣнія въ Иранѣ царямъ и князьямъ. Съ этого времени грузины играютъ весьма видную роль на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности въ Персіи.

² Цари принимали исламъ иногда по принужденію, чаще добровольно, какъ необходимое условіе инвеституры. По бѣльшей части мусульманство ихъ было чистой формой. Нѣкоторые (напр., Іессей, братъ Вахтанга) становились шіитами, а затѣмъ, въ угоду туркамъ, превращались въ суннитовъ. Иногда происходилъ массовый переходъ въ исламъ, но возвращаясь на родину, грузины, обыкновенно, снова дѣлались христіанами. Сохранилось любопытное извѣстіе, что, переходя въ мусульманство, грузины выговаривали себѣ право пить вино.

Гори и Тифлисъ служили не столько Персіи противъ Грузіи, сколько Ростому противъ его грузинскихъ непріятелей.

Въ Кахетіи же одновременно, Теймуразъ, дѣйствуетъ, какъ патріотъ и христіанинъ. А позже, ханы, правившіе въ Кахетіи, играли роль настоящихъ церберовъ.

Часто рядомъ съ царями грузинами мы видимъ персидскихъ чиновниковъ, какъ бы для контроля; о гарнизонахъ въ крѣпостяхъ и занятіи обсерваціонныхъ пунктовъ мы уже говорили. Дань (невольниками, шелкомъ, денежными взносами) несомнѣнно существовала, также новогодній подарокъ шаху. Но характеръ и тяжесть дани, конечно, зависѣли отъ положенія вещей въ данный моментъ — она могла сбиваться на контрибуцію, могла и возвращаться назадъ, въ видѣ дара сюзерена вассалу. Что же касается количества платежей, регулярности ихъ, а также того, насколько налоги, взимавшіеся подъ предлогомъ уплаты дани, служили дѣйствительно этому назначенію, а не иному — объ этомъ пока трудно высказаться.

Относительно же заложниковъ добавимъ, что ими часто являлись и наслѣдники престоловъ; они облакались высокими званіями и должностями, напимѣръ, правителей испаганскихъ, куларагасовъ, т. е. начальниковъ гвардіи, мдиванбеговъ Ирана т. е. верховныхъ судій и проч.

Въ эпоху царей-мусульманъ много заимствовано изъ административныхъ порядковъ ¹ Персіи, не говоря уже о нравахъ и обычаяхъ, которые изрядно походили на персидскіе.

Вообще, по скольку мы имѣемъ дѣло съ указаннымъ выше *modus vivendi* и участіемъ грузинъ въ жизни Ирана — не можетъ быть и рѣчи о грузинахъ, какъ „народѣ-крестоносцѣ“; нельзя особенно подчеркивать и угнетеній со стороны персіянъ. Рисовать грузино-персидскія отношенія за эти вѣка подъ однимъ угломъ зрѣнія: православія и мусульманскихъ утѣсненій — односторонне, неправдоподобно и набило оскомину. Грузинское воинство — что вполне нормально — порой забывало свое христіанство, и паѣосъ боевой едва ли не говорилъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ паѣосъ религіозный.

Можно ли говорить объ угнетеніи, когда, напр., на Георгія XI (погибъ въ 1709 г.) съ его грузинскимъ отрядомъ возложено было устройство дѣлъ Афганистана и смежныхъ провинцій²

Правда, Георгій передъ тѣмъ принужденъ былъ просить прощенія за вины, но скоро этотъ угнетенный сталъ первымъ человѣкомъ Персіи, и пришлось думать о томъ, какъ бы ослабить его силу. Титуль его звучалъ такъ: царь карталинцевъ, спасаларъ войскъ всего Ирана, бегларбегъ Кандагарскій и Кирманскій и проч. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды излагать полностью исторію этого знаменитаго въ лѣтописяхъ Персіи и Грузіи царя, нашедшаго трагическую смерть въ Афганистанѣ. Замѣтимъ, кстати, что когда экспедиція въ Афганистанъ племянника Георгія (и его наслѣдника въ Карталиніи) Кайхосро окончилась также катастрофой, то, недовольные своими товарищами по оружію, персіянами, грузины

¹ Нельзя отрицать того, что власть царей нѣсколько усиливается въ Восточной Грузіи, въ виду этихъ вліяній. Но называть ее, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы, „деспотической“ — ни съ чѣмъ не сообразно; достаточно привести слѣдующія меланхолическія размышленія Вахтанга, относящіяся къ эпохѣ сильнѣйшихъ мусульманскихъ вліяній: „Цари грузинскіе иногда... одно только названіе сохраняли; *подданные ничего уже болѣе имъ не оставляли и какъ сами хотѣли, такъ и ихъ побуждали царствовать и судить*. Я самъ свидѣтель сему и многіе старше меня...“ Законы царя Вахтанга § 2. Вахтангъ ничего не говоритъ о Персіи; собственныя подданные — вотъ кто умаляетъ царскую власть.

² Для чего ему было поручено управленіе этими провинціями и высшее начальство надъ персидской арміей.

предложили устроить дѣло (усмирить афганцевъ) безъ участія персіянъ: но предложеніе это, по словамъ Крузинскаго, было отклонено, изъ боязни чрезмѣрныхъ успѣховъ грузинъ. Во всякомъ случаѣ, это показываетъ, какъ они втянулись въ чужое для нихъ дѣло.

IV.

Эпопея Георгія XI (или, какъ его называли по персидски, Шахъ-Наваза II) ясно показываетъ разительную, на первый взглядъ, двойственность въ положеніи и поведеніи грузинъ эпохи царей-мусульманъ. Притомъ, это интересный, поучительный эпизодъ грузино-персидскихъ отношеній. Георгій добивался одно время полной независимости отъ Персіи: въ чемъ не успѣлъ благодаря своимъ же магнатамъ¹ и тонкой дипломатіи персіянъ.

Затѣмъ, при посредствѣ брата своего Левана, верховнаго судьи въ Иранѣ, онъ испросилъ прощеніе у шаха, и его услугами воспользовались на юго-восточной окраинѣ Персіи, гдѣ притязанія Великаго Могола и броженіе страны требовали диктатуры. Персидское правительство пришло къ остроумной мысли возложить эту миссію на Георгія, человека съ прославленной энергіей и мужествомъ. Одновременно этимъ путемъ достигалось умиротвореніе Грузіи и отвлеченіе на другой край Персіи лучшихъ изъ ея бойцовъ.

Всякая попытка царей усилиться у себя на родинѣ нашла бы неодолимую преграду въ крупныхъ феодалахъ, которымъ болѣе улыбалась номинальная зависимость отъ далекаго Испагана, чѣмъ прямая подчиненность царю-сосѣду. И эти феодалы вовсе не обязательно измѣнники родины и вѣры: напротивъ, не разъ именно они защищали религію и „народность“. Но отступить сознательно отъ выгодныхъ имъ интригъ и содѣйствовать, либо не препятствовать усиленію власти царей, какъ бы это ни было полезно для національныхъ идеаловъ — этого они никогда бы не сдѣлали. Ихъ образъ дѣйствій послѣдовательно вытекалъ изъ общественнаго строя эпохи.

Что же касается до видимой двойственности, то всмотримся ближе въ этихъ людей, патріотизмъ которыхъ не государственнаго, а феодальнаго характера. Они привыкли сражаться у себя дома не только съ невѣрными, но и съ христіанами-грузинами, будь то подданные другого царя, другого владѣтеля — или только другого князя-сосѣда.

Такіе профессиональные рубаки уже перестаютъ различать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, а если въ Персіи они слѣдуютъ за своими царями и князьями и имѣютъ столь нужную имъ добычу, то развѣ они не въ своей тарелкѣ? Этотъ рядъ явленій составляетъ одну изъ главныхъ струй грузинской исторіи и занимаетъ видное мѣсто въ отношеніяхъ грузинъ къ Византіи, къ монголамъ, къ туркамъ, къ персіянамъ².

¹ Крузинскій сообщаетъ о немъ „... a suis Magnatibus (Eristau vocant) Persico Auro corruptis defertus, fuga sibi consulere coactus est". *Krusinski, Tragica vertentis belli Persici historia*. Leopold. 1740. § 254. Вообще о Георгіи много говорится въ трудахъ, посвященныхъ персидской исторіи XVIII вѣка, потому что афганское возстаніе, которое ему поручили (а послѣ помѣшали) усмирить, открыло двери дальнѣйшимъ персидскимъ „революціямъ“.

² Не безъинтересно, что авторъ анонимной исторіи Надиръ-шаха приписываетъ грузинамъ ту роль, которую швейцарцы играли въ Европѣ, какъ военная наемная сила (... le roi de Perses a beaucoup de confiance en leur bravoure et en leur fidelité... Il leur arrive fort souvent en Asie, ce qui arrive aux Suisses en Europe c'est à dire de se battre ensemble en servant deux puissances ennemies). *Histoire de Thamas Kouli-kan, I partie*. Amsterd. & Leipzig, 1740, p. 35.

V.

Мы нарочно не останавливались на грузино-персидских отношеніяхъ при шахѣ Аббасѣ I, не смотря на то, что съ именемъ этимъ у грузинъ долго были связаны мрачныя воспоминанія. Время этого шаха, названнаго по заслугамъ Великимъ, для Грузіи знаменательно не только по неизгладимому ущербу, который оно принесло христіанской странѣ, не только по войнамъ, исполненнымъ глубокаго драматизма и неожиданностей, но и потому, что теперь окончательно сложилась политическая программа Персіи въ Грузіи, выяснились всѣ пружины этой политики. Входить въ ея разсмотрѣніе излишне, достаточно представить себѣ завѣты Макиавели, исполняемые въ масштабѣ, который и не снился какому-нибудь Цезарю Борджіа — совѣты Макиавели, исполняемые грознымъ повелителемъ Ирана.

Съ юридической точки зрѣнія интересно, что царь Грузіи получаетъ въ Персіи титулъ вали и выдвигается, такимъ образомъ, на одно изъ первыхъ мѣстъ среди вассаловъ короны¹. *Modus vivendi*, установленный Аббасомъ, носитъ характеръ договорный, обоюдный (*pacta conventa*, какъ выражается Крузинскій).

Едва ли есть надобность въ краткомъ обзорѣ касаться этихъ *pacta conventa*, такъ какъ, каково бы ни было юридическое положеніе вещей², спокойствіемъ Грузія наслаждалась лишь урывками — почти вся первая треть XVII столѣтія (о которой идетъ рѣчь) наполнена войнами, исключавшими нормальное теченіе дѣлъ. Правило „*inter arma silent leges*“ получило въ тогдашнія времена не какой-либо узкій, а самый общій омысль.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ случаи оккупации страны и управленія черезъ персидскихъ чиновниковъ, а также періоды длящихся смутъ и борьбы, когда тщетно было бы разбирать, гдѣ право и гдѣ фактъ — и ограничиться обрисованной выше эпохой царей-мусульманъ, то мы найдемъ что Грузія образуетъ привилегированное вассальное владѣніе, связанное по отношенію къ сюзерену-шаху вѣрностью и обязательствомъ уплачивать дань и служить войскомъ. Во главѣ страны — по общему правилу, лица, принадлежащія къ національной династіи, снабженныя надлежащей инвеститурой, и отправляющія всѣ отрасли управленія. Они принимаютъ (хотя бы наружно) исламъ. Надзоръ за царями, конечно, усиливается или ослабляется въ зависимости отъ личностей и обстоятельствъ.

Иногда онъ равенъ нулю, иногда же проявляется въ рѣзкой формѣ назначенія конкурирующаго правителя, частичнаго вмѣшательства изъ Испагана, и т. д. Въ связи съ этимъ надзоромъ стоитъ и занятіе гарнизонами цитаделей: имъ, съ одной стороны, дополняется надзоръ и гарантируется (другой такой гарантіей являются заложники)

Извѣстно, что лучшія войска Востока — персидскіе гуламы, турецкіе янычары и египетскіе мамелюки — насчитывали много грузинъ въ своихъ рядахъ. Кажется, грузины попадались на службѣ даже Великаго Могола. Многочисленные эмигранты-грузины служили въ рядахъ русской арміи еще задолго до присоединенія Грузіи къ Россіи (напр. въ Семилѣтней войнѣ). А въ XIX вѣкѣ тяготѣніе грузинскихъ дворянъ къ русской военной службѣ и, въ частности, къ конвоямъ бросается въ глаза.

¹ Званіе вали сообщалось, преимущественно, мѣстнымъ династамъ въ земляхъ, не входившихъ въ составъ коренной Персіи. Кромѣ Грузіи (Гурджистана), имѣли валиевъ Арабиستانъ, Лористанъ и Курдистанъ. Въ современной Турціи вали означаетъ просто генераль-губернатора.

² Характерно, что Крузинскій опредѣляетъ его какъ *dominium seu clientelav Monarchiae Perscae*, ib. § 167.

соблюдение status quo, сь другой стороны — это есть пользование территоріей вассального государства въ интересахъ (военныхъ) сюзерена. Политическое значеніе этихъ гарнизоновъ не только удержаніе въ повиновении Грузіи, но и наблюдательная роль въ сторону Турціи, отъ которой часто можно было ожидать наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ, стремленіе обезпечить себя со стороны Турціи и, позже, Россіи было главнымъ интересомъ, ради котораго Персія добивалась упрочиться въ Грузіи — интересомъ, за который пришлось расплачиваться послѣдней.

Что указанное выше соотношеніе подвергалось частымъ колебаніямъ и нарушеніямъ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны — это совершенно очевидно, да и естественно, если принять во вниманіе, сколько вѣсятъ рознь религіозная, національная и шаткость общественнаго строя, вмѣстѣ взятая. Благодаря этой пестротѣ и путаницѣ, общая характеристика поневолѣ выходитъ гибкой, допускающей много оттѣнковъ и отклоненій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Между Персіей и Россіей.

I.

Но для того, чтобы сложившіяся между сюзереномъ и невольнымъ вассаломъ отношенія, pacta conventa, были прочны и жнзеспособны, для этого имъ недоставало — помимо ихъ шаткости, невыгодности и унижительность для Грузіи — еще одного чрезвычайно важнаго условія, оцѣнка котораго приведетъ насъ къ новой цѣпи вопросовъ.

Какъ ни велико и разносторонне было вліяніе Персіи на грузинъ, слѣды котораго очевидны на ихъ языкѣ, литературѣ, нравахъ, обычаяхъ, вещественной культурѣ, административныхъ порядкахъ — для полнаго сліянія и сближенія съ Ираномъ (или, вѣрнѣе, для установленія такой связи, которая существовала между другими его частями съ цѣлымъ) не доставало религіознаго единства.

Персія не умѣла — или не успѣла уничтожить христіанство въ Грузіи. Въ самыя худшія времена, тамъ было достаточное количество лицъ, закоренѣлыхъ въ православіи, и этотъ источникъ міровоззрѣнія, если не очень богатый, давалъ, во всякомъ случаѣ, мѣрило для оцѣнки мусульманства, его приверженцевъ и политическихъ явленій, имъ окрашенныхъ.

Въ самомъ общественномъ строѣ Грузіи было болѣе чѣмъ достаточно данныхъ для противодѣйствія всякимъ властнымъ попыткамъ, все равно, исходили они отъ персидскихъ или грузинскихъ монарховъ. Но, по отношенію къ Персіи, центробѣжныя силы осложнялись еще рознью религіозной и національной. Напротивъ, при существованіи такой розни, цари грузинскіе, даже в рамкахъ вассальной зависимости, даже руководясь интересами болѣе династическими, чѣмъ національными, найдутъ всегда возможность, въ своемъ стремленіи прочь отъ Ирана, опираться на религію и національность. При условіяхъ общественнаго развитія и силахъ Грузіи, стимуловъ этихъ недостаточно для политики успѣшной, достигающей желанныхъ результатовъ; но ихъ достаточно для политики неудачной, кончающейся катастрофами, — политики, которая продлитъ агонію, разобьетъ планы Персіи и дастъ, затѣмъ, поводъ Россіи серпомъ православія пожать обильную жатву политическихъ успѣховъ и пріобрѣтеній.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, нѣкоторые эпизоды этой

политики, представителями которой, со стороны Грузии, являлись не разъ люди боьшого ума и енергїи, какъ Вахтанг VI, Ираклий II. Достаточно поверхностное ознакомленіе съ той эпохой, чтобы видѣть весь ужась и трагизмъ условїи, въ которыхъ эти люди жили — и не только жили, но дѣятельно заботились о благѣ родины, занимались литературой, десятками лѣтъ стремились къ осуществленію поставленныхъ задачъ и не боялись рисковать всѣмъ.

Несчастіе ихъ заключалось въ томъ, что политическія задачи, надѣ разрѣшеніемъ которыхъ они трудились, требовали средствъ и сноровки XVIII ст., а въ ихъ распоряженіи были люди и техническіе прїемы XII или XIII вѣковъ — или хуже того. Сами же они, при всемъ ихъ православїи, были пропитаны насквозь той самой культурой, съ которой желали порвать — т. е. персидской.

Не укладываясь въ рамки Востока, въ поискахъ самостоятельности, Грузія могла успѣть въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ лишь при условїи культурнаго перевѣса, т. е., точнѣе, при наличности болѣе высокой военной и правительственной организаціи. А этого-то и не было. Она боролась съ врагами ихъ же оружіемъ, но болѣе слабымъ, какъ сколокъ слабѣе первообраза, и уступала имъ въ численности¹.

II.

Мы сказали, что грузинскіе цари вели свою самостоятельную политику, обреченную на неудачи. Однимъ изъ лозунговъ этой политики, наиболѣе чреватыхъ неудачами, было исканіе покровительства Россїи.

При давнихъ сношенїяхъ Грузїи съ Россїей, попытки опереться на нее такъ естественны, что не требуется объясненїи по этому поводу. Мы опускаемъ всѣ эти безконечныя посольства XVI–XVII вѣковъ, съ обмѣномъ громоздкихъ подарковъ и тяжеловѣсныхъ грамотъ, посольства, черепашня медленность которыхъ изводитъ даже теперь всякаго, кто знакомится съ ними.

Мотивы сближенїя Грузїи съ Россїей опредѣлились съ самаго начала и не мѣнялись до самаго конца XVIII вѣка. Жалуются на притѣсненїя „агарянъ“, просятъ пушекъ, просятъ пороха, просятъ знанїи, — и не даромъ, а цѣною подданства, цѣною „службы“, подъ высокой рукою Московскаго Царя, съ готовностью платить дань.

Существо этихъ просьбъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствїи съ нуждами Грузїи. Исканіе протектората является естественнымъ слѣдствїемъ желанїя сохранить хотя бы не полную самостоятельность, при невозможности обходиться собственными средствами.

Вассальная зависимость, противъ воли навязываемая Грузїи державами враждебнаго Востока, это та форма, которой Грузія рада бы была, въ своихъ интересахъ, связать себя по отношенїю къ державѣ единовѣрной и дружественной, какой была Россія.

Схема отношенїи въ общихъ чертахъ уже выработана была жизнью и знакома Грузїи изъ горькаго опыта съ Турціей и Персїей. Теперь она желала облечь въ эту форму связь, не злой судьбой навязанную, а добровольно избранную.

Такова позиція, занятая Грузїей съ самаго начала ея сношенїи съ Россїей — позиція съ которой она, по существу, не сходила до самаго послѣдняго момента. Это въ равной мѣрѣ касается всѣхъ царей, владѣтелей, всѣхъ естественныхъ и импровизированныхъ

¹ Но, конечно, принадлежность къ христїанству и инстинктивное желаніе прїобщиться къ западной культурѣ — это уже такїя достоинства, которыя отличали грузинъ отъ ихъ азїатскихъ сосѣдей. Если бы грузины измѣнили этимъ началамъ и слились с мусульманскимъ Востокомъ, карта Передней Азіи была бы теперь иная.

представителей¹, устами которых Грузія заявляла свои нужды.

Со стороны Россіи до XVIII вѣка участіе проявлялось преимущественно въ ободреніяхъ, подаркахъ, религіозныхъ экспедиціяхъ въ цѣляхъ укрѣпленія и очищенія вѣры, а также въ соотвѣтствующемъ восполненіи царскаго титула². Россія тогда еще только подходила — хотя и прочными, московскими шагами — къ Прикавказью. Христіанскія царства Грузіи еще не могли интересоваться ее иначе, какъ издали³. Но все же умные московскіе политики умѣли приласкать, обнадежить и приучить грузинъ видѣть въ русскихъ единовѣрцевъ-покровителей. Плоды московской политики сказались уже при дипломатахъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

Къ идеѣ протектората возвращались неоднократно позже и съ той, и съ другой стороны. Но когда политическіе виды, открывавшіеся съ упроченіемъ въ Закавказьѣ, прояснились, когда къ гигантскому хребту, дотолѣ завѣтному, и къ Каспійскому морю Россія подступила во всеоружіи средствъ, доставляемыхъ методической дипломатіей и регулярнымъ войскомъ, словомъ, когда могущественная реформированная Россія приняла, по силѣ политическихъ обстоятельствъ, дѣла Грузіи къ ближайшему разсмотрѣнію, не протекторатъ уже, а инкорпорація показалась Россіи болѣе подходящей формой, не единеніе, а соединеніе, или еще лучше, присоединеніе оказалось результатомъ вѣкового историческаго процесса.

Предвосхитивъ такимъ образомъ то, что насъ ожидаетъ впереди, мы вернемся теперь къ первой четверти XVII ст., къ Персидскому походу Петра Великаго и его политикѣ въ отношеніи грузинъ.

Конечно, въ краткомъ очеркѣ умѣстны лишь наиболѣе существенные для насъ черты этой военной и дипломатической — и скорѣе дипломатической, чѣмъ военной кампаніи великаго монарха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Грузія и Персидскій походъ Петра Великаго.

I.

Въ персидскомъ походѣ Петра Великаго Вахтангу VI и грузинамъ пришлось сыграть роль вспомогательнаго орудія русской политики, брошеннаго на произволъ судьбы, лишь

¹ О подданствѣ въ различное время (но всегда въ одномъ смысле — протектората и вассальной зависимости) просили цари, владѣтели независимые, владѣтели-вассалы (эриставы), общины грузинъ-горцевъ, сословія. См. „Переписка грузинскихъ царей съ російскими государями“. 1861.

² Уже в концѣ XVI в. (1586) въ титулъ русскихъ царей вошло обозначеніе „государь Иверскія земли и Грузинскихъ царей“. Обозначеніе это получило практическое значеніе лишь спустя два столѣтія.

³ Впрочемъ, нельзя этого сказать о Борисѣ Годуновѣ. Борисъ Годуновъ, Петръ Великій, Екатерина II — вотъ къ какимъ именамъ приурочиваются важнѣйшіе моменты грузино-русскихъ сношеній.

только въ немъ миновала надобность.

Ограбленіе русскихъ купцовъ при разореніи Шемахи лезгинами въ 1712 г. дало поводъ русскому правительству вмѣшаться въ персидскія дѣла и предложить шаху помощь Россіи противъ его бунтовщиковъ. И всѣ дальнѣйшія военныя дѣйствія происходили подъ флагомъ доброжелательнаго (въ отношеніи Персіи) укрощенія мятежниковъ, а не открытой войны.

Да и Персія поступала не только дружелюбно, но и подобострастно; поэтому Волинскому (тогда еще полковнику), отправленному съ политической миссіей въ Персію въ 1715 г., удалось заключить въ 1718 г. весьма выгодный торговый трактатъ, получившій ратификацію обоихъ монарховъ.

Но поѣздка Волинскаго имѣла еще большіе результаты. Онъ подсказалъ Петру дальнѣйшіе его шаги въ персидской политикѣ. Ознакомившись всесторонне, по порученію Императора, съ обстоятельствами Ирана, онъ представилъ отчетъ и предложилъ Государю озаботиться занятіемъ богатыхъ прикаспійскихъ провинцій — такъ какъ ими могли, по его мнѣнію, овладѣть афганцы, угрожавшіе уже тогда цѣлости персидскаго государства. Программа Волинскаго была принята Петромъ. Въ 1719 г. послали экспедицію для изученія южнаго берега Каспійскаго моря. Въ 1720 г. Волинскаго назначаютъ астраханскимъ губернаторомъ и велятъ тайно готовиться къ персидскому походу, наводить нужныя справки и *склонять Карталинскаго царя Вахтанга* на сторону Россіи¹, обнадеживая его соотвѣтствующимъ образомъ. Имѣли въ виду также заручиться содѣйствіемъ кахетинскаго Константина III (Магометъ–Кули–хана), бывшаго правителемъ Испагана.

Зачѣмъ же эти враждебные замыслы по отношенію къ дружественной (казалось бы) Персіи? Персія здѣсь не приче́мъ. Россія принуждена была нарушить добрыя отношенія къ Персіи, потому что, благодаря полному разложенію послѣдней, было основаніе опасаться появленія у Каспія турокъ, этихъ болѣе важныхъ для Россіи — особенно со времени Прутской кампаніи — враговъ.

Овладѣй они берегами Каспійскаго моря — отъ этого произошелъ бы великій ущербъ Россіи. Очевидно, что прикаспійскія провинціи нельзя было оставить на произволъ судьбы, и проще всего было, по мнѣнію Петра, овладѣть ими.

Опасенія Петра были основательны, и походъ пришлось даже начать раньше, чѣмъ думали, въ виду того, что дагестанскіе владѣтели, призванные на помощь, въ качествѣ номинальных вассаловъ, шахомъ Гуссейномъ, вмѣсто того, предпочли освободиться отъ власти шиитовъ (персіянъ) и рѣшились отдаться подъ покровительство Порты, естественной защитницы всѣхъ магометанъ–суннитовъ.

Итакъ, главнымъ политическимъ стимуломъ персидскаго похода Петра Великаго — было основательное опасеніе того, что Турція утвердится на берегахъ Каспійскаго моря.

Военныя операціи открылись лѣтомъ 1722 года, но еще въ 1721 году велись съ Вахтангомъ переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ.

Передъ царемъ Карталинскимъ лежало два пути, двѣ программы. Предстояло выбрать единеніе съ русскимъ — или съ персидскимъ правительствомъ.

II.

Въ 1721 году афганская смута въ Персіи принимаетъ такіе размѣры, что престолу Сефевидовъ стала грозить неминуемая гибель. 8 марта 1722 г. персіяне проиграли рѣшительное сраженіе при Гульнабадѣ (близъ Испагана). Въ этой битвѣ палъ жертвой

¹ Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа, т. 1, гл. I.

безумной храбрости братъ Вахтанга, Ростомъ, куларь-ага (т. е. начальникъ гвардіи), бывшій здѣсь съ 400 грузинъ. Затѣмъ, началась осада Испагана, длившаяся 7 мѣсяцевъ.

Въ эту критическую минуту шахъ Гуссейнъ обратился за помощью къ Вахтангу. Какъ вассаль, послѣдній обязанъ былъ не отказать въ ней; но если его просили, даже умоляли особенно настойчиво, такъ на это были особыя причины. Именно грузинъ боялись афганцы: ветераны Георгія XI и Кайхосро внушили имъ уваженіе къ грузинскому оружію; и въ Испаганѣ знали, что одно извѣстіе о движеніи грузинъ заставитъ Миръ-Махмуда (вождя афганцевъ) снять осаду — объ этомъ у него былъ уговоръ съ войскомъ.

Шахъ Гуссейнъ игралъ также на родственныхъ струнахъ Вахтанга — звалъ его отомстить за своего дядю, Георгія, и братьевъ, Кайхосро и Ростомъ, павшихъ отъ руки афганцевъ; напоминалъ, что вслѣдъ за Персіей неминуемо погибнетъ и Грузія. Не смотря на все это, Вахтангъ отказался итти на помощь къ столицѣ Ирана и предоставилъ Персію ея судьбѣ¹.

Нѣкоторые авторы считаютъ отказъ Вахтанга политической ошибкой — и они, можетъ быть, правы, потому что сплошныя дальнѣйшія неудачи Вахтанга во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ о безошибочности его политики. Самое основаніе этой политики было ложно — онъ не принималъ во вниманіе, что обѣщанія русскаго правительства могли быть исполнены лишь при извѣстныхъ условіяхъ; а между тѣмъ, весь свой образъ дѣйствій строилъ на вѣрѣ въ исполненіе этихъ обѣщаній. Поэтому, онъ не задумался ставить на карту все — и проигралъ, лишь только политическія обстоятельства подсказали Россіи сдѣлать обратное тому, на что онъ имѣлъ право надѣяться. Позже Ираклій повторить эту ошибку и станетъ въ открыто враждебное отношеніе къ сосѣдямъ раньше, чѣмъ Россія гарантируетъ ему условленную помощь. И Вахтангъ, и Ираклій, искушенные въ тонкостяхъ восточной политики и умѣвшіе отлично лавировать между ея подводными камнями — въ отношеніе Россіи оказались наивно-довѣрчивы. Россія была для нихъ воплощеніемъ не только могущества, но и знанія, порядка, мудрости, столпомъ православія и т. д. Могли ли они думать, что и здѣсь надо было быть на сторожѣ, не ожидать, что обѣщанное немедленно же исполнится и проч.?

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы оказаніе помощи Вахтангу совпадало съ русскими интересами, т. е. не ставило бы помѣхъ другимъ комбинаціямъ Россіи и приносило бы ей прямую выгоду, — то обѣщанія Петра были бы исполнены. Въ противномъ случаѣ (т. е. если бы помощь была оказана цѣною потерь и затрудненій) мы имѣли бы политику безкорыстную, но жертвующую національнымъ (русскимъ) достояніемъ (кровью подданныхъ и средствами государства) для другихъ.

Итакъ, Вахтангъ не исполнилъ желанія шаха, тѣмъ болѣе, что и князя Карталиніи ни мало не были расположены итти въ Персію.

Все это произошло весной 1722 г. Очевидно, что уже до того Вахтангъ получилъ извѣстныя предложенія со стороны русскаго правительства — что и побудило его дѣйствовать указаннымъ образомъ по отношенію къ Персіи. Дѣйствительно, изъ грамоты на латинскомъ языкѣ, отправленной Вахтангомъ Волынскому въ ноябрѣ 1721 года², видно, что

¹ Сынъ Вахтанга Бакаръ, которому персидскіе посланцы привезли отъ шаха званіе куларь-агаса, хотѣлъ было двинуться въ Персію, но Вахтангъ не позволилъ ему этого. *Chronique de Sekhnia Tchkéidzé*, § 38.

² Переписка грузинскихъ царей съ русскими государями, стр. 221. Грамота царя Вахтанга къ неизвѣстному лицу. Что это — Волынскій, слѣдуетъ изъ сличенія этой грамоты съ одновременнымъ письмомъ Петру Великому (ib. 138) и изъ того обстоятельства, что именно Волынскому было поручено вступить въ сношенія съ Вахтангомъ.

послѣдній писалъ карталинскому царю письмо, полное широкихъ обѣщаній (*firmam spem opportuni auxilii, evadendi ab injusta servitute promittitis et paratis*). Сверхъ обѣщаній и приглашенія дѣйствовать заодно, Волинскій ставитъ рядъ дѣловыхъ вопросовъ, о числѣ нужнаго вспомогательнаго войска, о провіантѣ, укрѣпленіяхъ. Достаточно прочесть отвѣтъ на эти вопросы, достаточно просмотрѣть грамоту, писанную Вахтангомъ одновременно императору Петру,— чтобы убѣдиться, какой свѣтлый горизонтъ открывался Вахтангу. Казалось, исполнялись завѣтныя мечты Багратидовъ — достичь самостоятельности и безопасности подъ эгидою православной могущественной державы. Неудивительно, что въ полной силѣ выражено въ письмахъ Вахтанга правовоззрѣніе христіанина, по которому власть невѣрныхъ есть лишь неизбежное зло, несправедливость, которую надо устранить при первой возможности. Куда дѣвалась вассальная зависимость отъ Персіи! Иныя мысли овладѣваютъ Вахтангомъ. „Получивъ письмо отъ предводителя войска Вашего, мы воодушевились твердою надеждою о помощи и предались болѣе прежняго изліянію задушевной радости, восхваляя вѣчнаго Бога, въ рукахъ котораго находятся сердца всѣхъ царствующихъ; ибо Онъ побуждаетъ милость Вашу къ тому, чтобы освободить насъ отъ нашихъ враговъ...“ Зависимость отъ Персіи — незаконно наложенное иго; пришло время его стряхнуть. Теперь, съ помощью Бога и непобѣдимаго войска русскаго, грузины вернуть себѣ все утраченное. Отвѣчая Волинскому на вопросъ, гдѣ должны быть возведены укрѣпленія для войска, Вахтангъ изливаетъ всю полноту своихъ чаяній. „Многочисленныя твердыни на пути до Каппадокіи и Кахетіи отбиты силою, безъ всякаго права, у предковъ нашихъ и донынѣ отчуждены отъ насъ“. Теперь онѣ будутъ возвращены, и „мы вѣчно будемъ, заключаетъ Вахтангъ, пребывать въ союзѣ и полной зависимости какъ Всемилостивѣйшаго Государя, такъ и непобѣдимаго предводителя“.

III.

Не суждено было сбыться этимъ мечтамъ; горькія разочарованія ожидали Вахтанга. Политическая программа его — сближеніе съ Петромъ — основана была не на надеждѣ только, а на увѣренности въ русской помощи; онъ поставилъ на карту все раньше, чѣмъ эта помощь пришла; въ концѣ концовъ, она такъ и не пришла.

Когда весною 1722 г. шахъ звалъ Вахтанга на подмогу, рѣшеніе послѣдняго уже созрѣло; къ тому же, одновременно съ гонцами шаха, прибылъ отъ императора,— по словамъ Вахуштія, нѣкто Мамука, съ приглашеніемъ явиться, т. е. присоединиться къ Петру во время его предстоящаго похода¹.

Теперь надо было ожидать точнаго плана дѣйствій. 12 іюля² Петръ отправилъ изъ Астрахани Баадуръ Туркистанова (Вахтангова посланца) съ грамотой къ царю карталинскому. Вахтанга приглашали двинуться на лезгинъ; онъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ императора и, затѣмъ, итти на соединеніе съ русскими войсками въ мѣстѣ, которое укажетъ Государь. Одновременно Петръ преподалъ рядъ совѣтовъ о томъ, какъ дѣйствовать, чтобы не испортить дѣла.

Отвѣтъ Вахтанга на это письмо былъ сообщенъ Петру лишь 19 сентября. Вахтангъ,

¹ Histoire du Karthli par Wakhoucht, p. 117.

² А не 2 іюня, какъ говорится въ „Обзорѣ дипломатическихъ сношеній“ Ф. Плоена (Переписка, LXXV). Государь прибылъ въ Астрахань 15 іюня. Ср. Бутковъ, *ib.* гл. 4. *Brosset*, Notice sur les trois dernières années du règne de Wachtang VI etc. (Histoire moderne d. I. Géorgie II, livr. I, 577).

между прочимъ, извѣщаетъ, что назначень спасаларомъ (главнокомандующимъ) въ Адербейджанъ.

Обстоятельства сложились такъ, что Вахтангъ получилъ чуть не одновременно два приглашенія итти на лезгинъ: одно отъ Петра, другое отъ правительства послѣднихъ Сефевидовъ. Такъ или иначе, онъ двинулся къ Ганджѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Между тѣмъ, затрудненія, встрѣченныя въ операціяхъ по западному побережью Каспія, а также полученіе неблагопріятныхъ извѣстій изъ Сената, побудили Петра отмѣнить походъ и вернуться въ Астрахань. Это произошло въ началѣ сентября, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія, что многочисленное ополченіе изъ грузинъ и армянъ, подъ начальствомъ Вахтанга, собралось на берегу Куры, въ ожиданіи соединенія съ русскимъ государемъ.

Давно уже Закавказье не видѣло такой многочисленной христіанской рати. Но радужныя надежды рушились съ возвращеніемъ Петра. Вслѣдъ за первоначальнымъ подъемомъ духа послѣдовамо уныніе, а съ недисциплинированной толпой мало что можно было сдѣлать.

О тягостномъ настроеніи, въ какомъ грузины ожидали извѣстій отъ Петра о дальнѣйшемъ движеніи, свидѣтельствуеетъ письмо Вахтанга Туркистанову; „мы здѣсь въ нерѣшимости: отправиться туда? но къ кому отправиться? а воротиться — какъ воротиться? Мы ничего не знаемъ о Васъ, гдѣ Вы, что съ Вами? Ты вѣдь отлично знаешь, что грузины не могутъ такъ долго воевать, въ запасахъ оказывается недостатокъ, и они падаютъ духомъ“. Въ концѣ письма чувствуется раздраженіе, вполнѣ впрочемъ, понятное. „Сообщите намъ что-нибудь достовѣрное. Прибудетъ ли Государь? Что мы здѣсь торчимъ, какъ дураки. Будетъ тебѣ обманывать насъ — пиши намъ правду“¹.

Хотя первоначальный планъ — соединенія съ Петромъ — разстроился, вслѣдствіе возвращенія Императора въ Астрахань, все же Вахтангъ не чувствовалъ себя совершенно покинутымъ.

Для объясненія съ нимъ Петръ отправилъ гвардіи поручика И. Толстого. Во-первыхъ, Петръ желалъ, чтобы Вахтангъ воздѣйствовалъ на шаха въ томъ же смыслѣ, какъ это поручалось русскому дипломатическому представителю въ Персіи (т. е. склонить шаха къ принятію помощи отъ бунтовщиковъ и къ уступкѣ за эту помощь прикаспійскихъ провинцій; затѣмъ, Вахтангу дѣлали рядъ обѣщаній; особенно же остерегали отъ единенія съ турками, какъ опаснаго для христіанъ шага и т. д.

Вахтангъ взялся вліять на шаха, но было уже поздно: 10 октября 1722 г. пала столица Ирана, и шахъ Гуссейнъ очутился въ рукахъ Миръ-Махмута. Юный Тахмаспъ, сынъ Гуссейна, еще раньше пробившійся съ небольшимъ отрядомъ изъ осажденнаго Испагана на сѣверъ, былъ провозглашенъ шахомъ въ Казвинѣ, а затѣмъ отступилъ въ Таврисъ.

Вахтангъ отправилъ къ Тахмаспу С. Чхеидзе, и молодой шахъ послалъ царю и сыну его Бакару богатые подарки²; Бакаръ еще раньше сдѣланъ былъ куларь-агасомъ. Видимо, персіяне не переставали разсчитывать на помощь грузинъ.

Любопытно шахское „повелѣніе“ *правителю Грузіи Гуссейнъ-кули-гану* (такъ Вахтангъ рисовался персіянамъ), состоявшееся въ октябрѣ 1722 г. Вахтангъ извѣщается, что „нѣсколько человекъ эмировъ злодѣя Махмуда прибыли въ Испаганъ, и что дѣла тамошнія находятся въ большемъ разстройствѣ. Такъ какъ подобное упущеніе есть дѣло весьма нехорошее“, то пусть Бакаръ „съ чѣмъ только можно изъ войска гурджійскаго“ спѣшитъ къ

¹ Переписка, 155.

² Переписка, стр. 145.

„порогу убѣжища міра“¹. Не смотря на отчаянное положеніе, люди эти не разставались съ лживой фразеологіей! Впрочемъ, это всюду такъ.

На просьбу (или повелѣніе!) Тахмаспа Вахтангъ отвѣтилъ отказомъ — несомнѣнная ошибка съ его стороны, въ виду отъѣзда Петра.

Между тѣмъ, кахетинскій Мамедъ-кули-ханъ (Константинъ III), соперникъ Вахтанга² сумѣлъ извлечь для себя плоды изъ его политики. Съ персидской точки зрѣнія Вахтангъ вель себя какъ бунтовщикъ. И Константину не трудно было получить отъ шаха Тахмаспа разрѣшеніе дѣйствовать противъ Вахтанга, какъ ослушника. Сехніа Чхеидзе сообщаетъ, что Карталинія „отнята“ у Вахтанга и отдана Мамедъ-кули-хану 10 января 1723 г. „Отдана“ — это значило, что онъ долженъ былъ ее взять; и, конечно, не персидскимъ войскомъ³, а съ помощью лезгинъ онъ овладѣлъ Тифлисомъ и отдалъ его, по условію, на трехдневное разграбленіе. Вахтангъ держался нѣкоторое время въ Карталиніи, но затѣмъ, разбитый Константиномъ, принужденъ былъ удалиться въ Имеретію.

Узнавъ о несчастіяхъ Вахтанга, Петръ рѣшилъ было отправить къ нему на помощь отрядъ войска, подъ командой Баскакова. Уже сдѣланы были всѣ приготовленія, дано наставленіе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Грузіи — но, затѣмъ, экспедиція была отмѣнена. Еще въ ноябрѣ 1723 г. государь дѣлалъ дополнительныя распоряженія насчетъ помощи Вахтангу, а весною 1724 г. Баскаковъ былъ уже въ Россіи при другомъ дѣлѣ⁴.

IV.

Чтобы понять этотъ поворотъ въ грузинской политикѣ Петра, необходимо вспомнить, что, какъ сказано выше, стремленіе предупредить турокъ на берегахъ Каспійскаго моря, обезопасить себя отъ нихъ съ этой стороны — было главной причиной персидскаго похода.

Съ своей стороны, Порта всегда притязала на Эривань, Таврисъ и, вообще, готова была воспользоваться безпомощнымъ положеніемъ Персіи. О покровительствѣ турокъ дагестанцамъ мы уже говорили.

Въ отвѣтъ на завоеванія Петра и на десантъ въ прикаспійскихъ провинціяхъ, турки начали забирать земли отъ Эривани до Тавриса.

Вахтангъ получалъ приглашеніе отъ турокъ предаться имъ еще въ самомъ началѣ всей этой путаницы; черезъ И. Толстого, Петръ остерегалъ его отъ союза съ Турціей, въ виду

¹ Переписка, ib.

² Распря съ Константиномъ, имѣвшая для Вахтанга роковой исходъ, возгорѣлась изъ-за Казахскаго участка. Если бы грузины не стали драться изъ-за этого участка, они не были бы грузинами своего времени; но зато эта междоусобица въ такой серьезной для всѣхъ ихъ моментъ наглядно показываетъ, что „большая“ политика была имъ не по плечу.

³ Впрочемъ, какъ видно изъ грузинскихъ источниковъ, персидскій гарнизонъ тифлисской цитадели взялъ сторону кахетинцевъ. По нѣкоторымъ даннымъ, часть карталинскихъ князей, покинувшихъ Вахтанга въ рѣшительную минуту, была подкуплена персіянами. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть болѣе яркаго доказательства слабости и деморализаціи грузинъ того времени, — чѣмъ это зрѣлище царя, питавшаго широкіе политическіе замыслы и пасующаго передъ совокупными усиліями — персидскаго золота, наемнаго оружія лезгинъ — и „патріотизма“ кахетинцевъ, слѣпо служащихъ мелкому честолюбію ихъ ничтожнаго царька.

⁴ Бутковъ, ib. гл. 9.

заигрываній эрзерумскаго паши. Теперь, во время распри царя Карталинскаго съ Константиномъ, турки вступили въ Карталинію, съ согласія Вахтанга, вынужденнаго или добровольнаго — это безразлично. Постепенно захвативъ и Кахетію, они хозяйничали въ Грузіи 12 лѣтъ, пока метла Надиръ-шаха не вымела ихъ отсюда.

При дальнѣйшемъ движеніи турокъ къ востоку, они входили въ соприкосновеніе съ російскими завоеваніями. Грозилъ война. Дѣлались съ обѣихъ сторонъ приготовленія.

Объявленія войны со стороны Турціи не произошло, благодаря „добрымъ услугамъ“ Франціи. Стараніями королевскаго посланника маркиза де-Бонака, послѣдовало соглашеніе относительно предварительныхъ пунктовъ (въ 1723 г.), а затѣмъ 12 іюня 1724 г., заключенъ трактатъ о Персіи въ Константинополѣ¹. Цѣль этого трактата — размежевать владѣнія Россіи и Турціи въ Персіи.

Для насъ не важны — дальнѣйшая исторія этого замѣчательнаго трактата и подробности его содержанія. Скажемъ лишь, что *по трактату 1724 г. Петръ признаетъ во всей силѣ занятые Грузіи турками*²; граница турецкихъ владѣній проведена восточнѣе ея, такъ что fait accompli получаетъ официальное признаніе Петра.

Теперь ясно, почему отмѣнена была экспедиція, шедшая на помощь Вахтангу: помощь эта не вязалась съ условіями соглашенія Россіи съ Турціей — а, само собой разумѣется, уладить дѣло съ Турціей было существеннѣе, чѣмъ помочь Вахтангу, и разъ одно становилось въ разладъ съ другимъ, то не трудно было предвидѣть, что возьметъ верхъ.

Еще во время борьбы Вахтанга съ Константиномъ его не покидала надежда на русскую помощь. Въ письмахъ гр. Толстому, Волынскому и самому Петру онъ объясняетъ, почему согласился „покориться“ туркамъ. „Такъ какъ мы не могли воевать съ такими сосѣдями и великими государями, мы и сказали султану: „покоряемся тебѣ“, надѣясь что пока пойдутъ переговоры съ Константинополемъ, можетъ быть Они (т. е. Петръ) удостоятъ насъ прибытія сюда Ихъ свѣтлой особы“. Переговоры съ Константинополемъ дѣйствительно велись, но изъ нихъ вышло не то, чего ожидалъ Вахтангъ.

Со вступленіемъ турокъ въ Карталинію и Кахетію, дѣло Вахтанга было проиграно. Многіе и сильнѣйшіе князья оставались ему вѣрны и не разъ послѣ звали его изъ Россіи занять престолъ, обѣщая свою поддержку; но обстоятельства складывались иначе. Не

¹ П. С. З. № 4531. Трактата этого нѣтъ въ сборникъ Юзефовича „Договоры Россіи съ Востокомъ“.

² Въ „Матеріалахъ“ Буткова трактатъ этотъ приводится съ урѣзками. Именно, пропущена почему-то часть пункта II-го, какъ разъ касающаяся Грузіи: „Понеже вся провинція Георгія остается подъ властью высокой Порты, и вездѣ тамъ находятся гарнизоны и комманданты, со стороны Высокой Порты, и ежели потребно будетъ отправить многія войска въ тамошнюю сторону для утишенія неурядковъ, гдѣ бѣ тѣ войска черезъ рѣку Куръ переправляться ни будутъ, то имѣютъ прежде того переправленія для отнятія подозрѣнія причину того маршированія коммандантамъ помянутаго царя (т. е. Московскаго) сообщать“, П. С. З. № 4531. Въ латинской передачѣ у Крузинскаго постановленіе трактата о Грузіи гласитъ такъ: „Quia vero Fulgida Porta est jam in actuali atque pacifica possessione Georgiae, quam suis praesidiis et Gubernatoribus firmavit, si aliqua disturbia ex parte Georgianorum eo loci interveniant, *plenum jus Fulgidae Portae afferitur, in Georgiam suas copias pro rerum exigentia mittendi, ad tollendum omnem disordinem*“.

Tragica vertentis belli Persici historia, § 697 sub II. Въ этомъ сочиненіи польскаго миссіонера много подробностей относительно Грузіи эпохи Вахтанга.

смотря на всю популярность Вахтанга въ Грузіи¹, онъ уже не вернулся туда.

Въ концѣ вышеприведеннаго письма Петру, полученнаго 10 мая 1728 г., Вахтангъ, какъ бы предчувствуя безуспѣшность просьбы о помощи, проситъ, въ такомъ случаѣ, хоть убѣжища — „что будетъ также большой милостью“. „Если и этого не будетъ, и тогда будемъ благодарить Бога: все, что переносимъ, есть наказаніе за наши грѣхи. Да будете Вы долго жить“².

Не напрасно надпись на печати Вахтанга, которую онъ прикладывалъ къ своимъ грамотамъ, грустно говорить: „прахъ еси и въ прахъ обратишься. Нужно смириться. Царь Вахтангъ“.

Одновременно онъ писалъ Волынскому и Толстому. Искра надежды еще теплилась въ немъ — ее должны были позже поддержать извѣстія объ экспедиціи въ Грузію — а что эта экспедиція дѣйствительною подготовлялась, объ этомъ было уже говорено³. „До сихъ поръ, пишетъ Вахтангъ названнымъ сановникамъ, мы умоляли Его (т. е. Императора) избавить насъ отъ когтей рыси, теперь да не оставитъ онъ насъ въ когтяхъ леопарда. Если Вы окажете покровительство столькимъ христіанамъ, это будетъ доброе дѣло; если же нѣтъ, да будетъ воля Ваша!“

Послѣдній проблескъ надежды сказывается еще въ письмѣ генералу Матюшкину, весной 1724 года, когда экспедиція была уже отмѣнена — въ виду соглашенія съ Турціей.

V.

А турки уже хозяйничали въ Карталиніи и Кахетіи, и хозяйничали, какъ подобаетъ туркамъ. Посадивъ на престолы угодныхъ имъ людей, они на дѣлѣ правили, какъ хозяева.

„Знайте, пишетъ Вахтангъ въ послѣднемъ письмѣ Императору, что сынъ мой Бакаръ, бывшій въ Тифлисѣ съ турками, не могъ снести ихъ утѣсненій и уѣхалъ оттуда“. Вся страна разорена до крайности, много поселений совершенно уничтожено, а жители уведены въ рабство. „Если Вы желаете что-нибудь сдѣлать для насъ,— сдѣлайте этимъ лѣтомъ, такъ какъ позже доброта Ваша будетъ бесполезна“.

Въ концѣ лѣта 1723 г. Вахтангъ прибылъ въ крѣпость св. Креста, выстроенную Петромъ въ 1722 г. на Сулакѣ. вмѣстѣ съ нимъ выѣхало въ Россію свыше 1.000 лицъ разныхъ званій, начиная съ царевичей и іерарховъ церкви. Эмиграція эта сыграла видную роль въ исторіи Грузіи XVIII вѣка. Замѣтно усилились связи съ Россіей, созданъ очагъ литературной дѣятельности въ Москвѣ. Русскія власти получили въ свое распоряженіе контингентъ лицъ, знакомыхъ съ грузинскими дѣлами.

Мы не будемъ касаться ни судебъ этой эмиграціи, ни дальнѣйшей участи Вахтанга.

¹ Одинъ изъ грузинскихъ, магнатовъ Шошита, эристава рачинскій, пишетъ императору въ ноябрѣ 1724 г. „Богъ да ниспошлетъ непокорнымъ Вамъ несчастія, подобныя тѣмъ, какія претерпѣла отъ невѣрныхъ вся Грузія наша... Единственный человекъ, на котораго надѣялась она, былъ царь Вахтангъ; Вы его призвали къ себѣ... и мы остались безъ никого“... Переписка, 173.

² Переписка, 148.

³ См. письмо д. т. с. П. А. Толстого къ тифлисскому армянскому архіепископу 19 апрѣля 1723 г.: „...понеже имѣемъ мы вѣдомость, что Турки... уже войско свое нарядили вступить въ Жоржію (Грузію) и въ другіе мѣста въ Персіи, того ради Е. И. В. войскъ своихъ нѣкоторое число въ Жоржію, для обороны принца (т. е. Вахтанга) и васъ отправилъ“ etc. *Эзовъ*. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. № 222 стр. 345; ср. ib. № 225.

Своеобразно и крайне характерно для тогдашнего русского правительства, вѣрнаго завѣтамъ Петра — отношеніе къ грузинамъ, послѣ того какъ поддержка царю Вахтангу была снята съ очереди, какъ не согласная съ программой восточной политики Петра. Разсчеты и планы грузинъ ни мало его не интересовали; онъ видѣлъ въ Вахтангѣ одно лишь орудіе своей политики, а въ грузинахъ — элементъ, которымъ онъ былъ не прочь заселить свои прикаспійскія приобрѣтенія. Далѣе, онъ видѣлъ въ грузинахъ нужный ему военный матеріалъ — и многолюдство свиты Вахтанга не только не шокировало русское правительство — напротивъ, были разочарованы тѣмъ, что такъ мало грузинъ привелъ съ собой Вахтангъ!

Словомъ, старались извлечь пользу и изъ свиты и изъ царя. Надежда вернуться въ Грузію и занять престолъ не покидала его во время позднѣйшаго исполненія имъ дипломатическихъ порученій русского правительства. Надежды эти не сбылись, Россіи же онъ оказалъ существенныя услуги въ персидскихъ дѣлахъ.

VI.

Какъ тяжель былъ турецкій гнетъ въ 1723–1724 гг., объ этомъ краснорѣчиво говорятъ письма современниковъ. „Они расхитили иконы, кресты, сожгли церкви, истребили много христіанскихъ душъ, опустошили города и деревни“, пишетъ католикосъ Доментій, многострадальный глава грузинской церкви, царю Петру въ маѣ 1723 г.

Осенью того же года „первенствующій изъ князей Карталиніи“, арагвскій эриставъ Отаръ, сообщаетъ губернатору г. Терковъ: „христіанство не можетъ быть подвержено бѣдствіямъ сильнѣе этихъ. Выкажите теперь вѣру во Христа, силу и мужество, и если Вы хотите помочь странѣ, не медлите болѣе“. Тотъ же Отаръ въ письмѣ къ брату своему, архимандриту Романозу, говоритъ: „въ противномъ случаѣ, если мы обратимся въ мусульманство, Государь *да не прогнѣвается на насъ*“. Очевидно, грузины видѣли въ Императорѣ Россіи не только могущественнаго государя, но и блюстителя православія.

Именемъ православія ихъ призывали къ политическимъ предпріятіямъ, при ликвидаціи которыхъ оставляли на произволъ судьбы. Грузины еще не знали, что въ политикѣ такія вещи какъ „православіе“, „иго невѣрныхъ“, „борьба съ врагами Христа“ должно понимать *cum grano salis*.

„Мы желаемъ, говорится въ одномъ современномъ письмѣ (императрицѣ Екатеринѣ I-ой), чтобы орелъ всероссійскаго православія разостлалъ бы крылья свои и призрѣлъ бы насъ, птенцовъ своихъ“¹.

Но наиболѣе трагически звучитъ просьба о помощи кахетинскихъ сословій (тоже въ 1725 г.). Епископы Кахетіи, вельможи, „прочіе князья, дворяне и крестьяне, мы всѣ уповающіе на вѣру христову, удрученные, гонимые и притѣсненные отвергающими Христа, ударяя въ головы и съ плачемъ докладываемъ великому Государю“... „Государь всегда радуется насъ надеждою на избавленіе“. Надежда эта еще болѣе разгнѣвала мусульманъ. Въ яркихъ словахъ рисуютъ кахетинцы опустошеніе и гнетъ, постигшіе ихъ. Оставшіеся въ живыхъ скрываются въ горахъ, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ. „Надежда на Государя, и радостная мысль о прибытіи войска подкрѣпляютъ насъ, *иначе, и звѣрь не перенесъ бы такого положенія*“.

Правда, кахетинцамъ предлагали выселиться на берега Терека (у впаденія его въ море), — что было въ интересахъ Россіи; но грузинамъ это не улыбалось.

„Грузія есть жребій св. Богородицы... Мы не можемъ покинуть ни гробницу св.

¹ Переписка, 159.

равноапостольной Нины, ни гробницъ другихъ святыхъ“¹.

Эмиграція была бы отказомъ отъ всего прошлаго и будущаго. Грузины не согласились на нее.

VII.

Трактатомъ 1724 года Россія признала власть Турціи надъ Грузіей. Въ итогъ радужныхъ надеждъ — турецкое иго. Русское правительство не сочло нужнымъ или возможнымъ отстоять Грузинъ при раздѣлѣ сферъ вліянія въ Закавказьѣ.

Правда, Петръ вмѣнялъ въ обязанность своимъ властямъ бдительный надзоръ за всѣмъ, что происходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, велѣлъ изучить пути отъ Каспійскаго моря въ Грузію и т. д. — но, вѣроятно, руководился не столько заботами о грузинахъ, сколько желаніемъ, при случаѣ, распространить свои владѣнія на западъ отъ Каспія.

Политика Петра по отношенію къ грузинамъ — обыкновенная реалистическая политика, и, если грузины слишкомъ наивно полагались на православіе и вѣрили въ „борьбу съ агарянами“, то это потому, что у нихъ элементарная борьба за существованіе легко принимала религіозную окраску, и они не имѣли возможности подняться до болѣе сложныхъ политическихъ идей — для этого имъ не доставало болѣе сложныхъ интересовъ. Примитивный строй влечетъ за собой примитивное мышленіе и примитивную политику.

Поэтому, катастрофа Вахтанга не послужила грузинамъ урокомъ. Остальную часть XVIII вѣка, они продолжали вращаться въ томъ же кругу идей, и воззрѣнія ихъ на Россію не измѣнились. Интересы и культура оставались тѣ же — и политика поражаетъ неизмѣнностью своихъ исходныхъ точекъ и ошибокъ.

Никакой критики не было возбуждено несчастіями Вахтанга.

Въ 1754 г. вернулось въ Тифлисъ посольство, ѣздившее просить помощи у Императрицы Елизаветы; историкъ Папуна Орбеліани, комментируя неуспѣхъ этого посольства, пишетъ: „дѣйствительно мы ожидали помощи и сильнаго подкрѣпленія, согласно завѣщанію великаго блаженной памяти Петра. Когда царь Вахтангъ отправился просить о покровительствѣ Россіи и вооруженной помощи для Карталиніи, онъ пріѣхалъ не во время, такъ какъ императоръ и самодержецъ Петръ былъ сильно боленъ. Но въ своемъ завѣщаніи онъ написалъ: „Грузія несчастна, защищайте ее ради вѣры, пошлите ей войско, на счетъ моей казны“.

„Но, добавляетъ историкъ, интриги сыновъ Грузіи, пребывавшихъ въ Россіи, отклоняли ее отъ оказанія помощи“².

Вотъ, что вынесли грузины изъ опыта 20-хъ и 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Легенда эта, при всей своей трогательности, не свидѣтельствуетъ объ умѣнии грузинъ разбираться въ дѣлахъ и условіяхъ XVIII столѣтія. Являясь по отношенію къ персіянамъ и туркамъ нерѣдко ловкими, вѣроломными политиками восточной школы, въ свое отношеніе къ Россіи они, повторяемъ, вносили всю наивность, всю легковѣрность и непосредственность среднихъ вѣковъ, изъ пеленокъ которыхъ никогда не вышли.

¹ Ib 170—177.

² Chronique de Papouna Orbélian, § 261.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Надирь-шахъ и возвышеніе Грузіи.

I.

Мы видѣли, что трактатомъ 12 іюня 1724 г. Россія отступилась отъ Грузіи и признала власть Порты надъ этой страной.

Однако, обладанію этому не суждена была прочность; Иранъ, земли котораго Турція и Россія, какъ ни въ чемъ не бывало, дѣлили между собою, вдругъ воспрянулъ, разорвалъ цѣпи, наложенныя на него, и заставилъ содрогнуться тѣхъ, кто еще вчера видѣлъ въ немъ трупъ.

Искорененіе афганской смуты, возвращеніе провинцій, отнятыхъ Турціей и Россіей, легендарный походъ въ Индію, разграбленіе Дели и увозъ оттуда сокровищъ, стоимость которыхъ многіе высчитывали — но безуспѣшно, возвышеніе — хотя и кратковременное — Персіи на небывалую ступень могущества — вотъ что послѣдовало за тѣмъ поворотнымъ пунктомъ персидской исторіи, который связанъ съ именемъ шаха Надира. Онъ овладѣлъ престоломъ въ 1735 г.¹; но, еще будучи слугою своего законнаго государя и называясь Тахмаспъ-кули-ханомъ, онъ уже былъ главнымъ вершителемъ дѣлъ.

Въ 1732 г. обстоятельства сложились такъ, что мира съ Персіей желали и турки, и русскіе. Въ этомъ году заключено два мирныхъ договора; каждый изъ нихъ касается Грузіи. По гамаданскому соглашенію съ Портой Персія признаетъ пока за послѣдней ея обладаніе Грузіей².

А на основаніи рештскаго трактата 21 янв. того же года, Россія отдаетъ обратно Персіи всѣ провинціи отъ Куры до Астрабата, шахъ же, между прочимъ, обязуется, въ случаѣ возвращенія Грузіи подъ власть Персіи, вернуть престолъ Вахтангу³.

Не долго продолжался мнрь съ Турціей (заключенный шахъ-Тахмаспомъ противъ воли Надира) — она владѣла еще нѣкоторыми персидскими землями. Въ 1733 г. война въ — полномъ разгарѣ. Побѣда подъ Багдадомъ даетъ персіянамъ возможность двинуться на сѣверъ и выбить турокъ изъ Азербейджана. Въ 1734 году турки очищаютъ Грузію, и она въ рукахъ Надира.

Одновременно, дипломатическимъ путемъ былъ разрѣшенъ вопросъ о Баку и Дербентѣ: Россія не нашла препятствій уступить ихъ обратно (окончательно по Ганжійскому трактату

¹ Напомнимъ, что формальное провозглашеніе Надира шахомъ на Моганскомъ полѣ произошло послѣ смерти Тахмаспа и малолѣтняго сына его Аббаса III. Трактатъ 1732 г. заключенъ еще отъ имени Тахмаспа, ганжійскій же трактатъ — отъ имени Аббаса III, что обозначено въ шахскихъ ратификаціяхъ.

² 5-го января 1732 г. Таврисъ оставленъ за шахомъ. Грузія — за Турціей. *Бутков*, Матеріалы т. III, стр. 45. Лучшее сочиненіе по исторіи Персіи — повидимому, все еще *Малькольмъ*, книгу котораго (*History of Persia*) мы имѣемъ всегда въ виду.

³ П. С. З. № 5935, ст. 2, и 8. Однако Россія никогда не считала Грузію частью Персіи. Характерно описательное выраженіе, рисуящее здѣсь связь Грузіи съ Ираномъ: ...обѣщаетъ Шахово Величество, что когда Грузія будетъ попрежнему *при Персіи* въ протекціи Шахова В-ства, попрежнему обыкновенію, въ Грузіи владѣніе и правленіе имѣть да опредѣлится". Но Вахтангъ никогда не вернулся въ Грузію.

съ Персіей, 10 марта 1735 г.)⁴. Конечно, уступчивость эта свидѣтельствуєтъ лишь объ осторожности русскаго правительства, находившаго, что провинціи персидскія не стоили того, чтобы изъ-за нихъ воевать съ Надиромъ.

Отношеніе свирѣпаго, жаднаго Надира къ Грузіи вмѣщаетъ въ себѣ всѣ оттѣнки, начиная отъ самыхъ чрезвычайныхъ проявленій благосклонности и кончая необузданнымъ деспотизмомъ и жестокостью. Ревнивое вообще поведеніе Надира касательно грузинъ вполне понятно; при его обширныхъ военныхъ предпріятіяхъ на всѣхъ границахъ Ирана, ему необходима была увѣренность въ томъ, что Карталинія и Кахетія будутъ служить его интересамъ, а не Турціи или Россіи.

Съ своей стороны, грузины видѣли, что имъ предстоитъ выборъ между Турціей и Персіей. Турецкіе паши властвовали въ странѣ, но съ юго-востока надвигался Надиръ, которому уже сдались Ганджа и Эривань. Грузины не могли остаться безразличными, и мы видимъ, что въ теченіе ряда ближайшихъ лѣтъ они обнаруживаютъ поразительную подвижность, становясь, сообразно обстоятельствамъ, то на одинъ, то на другой путь. Въ этихъ, знакомыхъ имъ условіяхъ, съ этими привычными имъ, хоть и свирѣпыми, контрагентами грузины отнюдь не являются наивными политиками, напротивъ, ихъ ловкость часто не уступаетъ ихъ мужеству, и, въ концѣ концовъ, солнце успѣховъ начинаетъ ронять на ихъ землю свои лучи.

При всей запутанности этой чрезвычайно интересной страницы грузинской исторіи, отчетливо бросается въ глаза слѣдующее: Кахетія раньше и рѣшительнѣе становится на сторону Надира, чѣмъ Карталинія. Надиръ еще стоялъ у Ганджи; турки отправили особый отрядъ защищать Кахетію отъ персіянъ, отрядъ этотъ, однако, былъ уничтоженъ кахетинцами съ Теймуразомъ во главѣ. Разсчетъ его (что персіяне возьмутъ верхъ) оказался вполне правильнымъ. Вообще, въ это время Кахетія единодушно поддерживаетъ Теймураза, своего законнаго и природнаго царя, который и турками былъ признанъ въ этомъ достоинствѣ. Напротивъ, Карталинія, съ отъѣздомъ Вахтанга и Бакара — замѣтимъ, что ихъ партія была еще сильна въ странѣ — осталась безъ человѣка, за которымъ бы всѣ пошли, и въ Карталиніи, за это время, первая роль переходитъ къ крупнымъ феодаламъ. Близость къ Ахалцихской области и желаніе не поддаться Надиру толкали ихъ къ сближенію съ Турціей.

Когда турки были вытѣснены изъ всей Восточной Грузіи, персіяне поставили въ Карталиніи своихъ должностныхъ лицъ, которыми бывали и перешедшіе въ исламъ представители грузинской династіи. Крайнее напряженіе платежныхъ силъ, чудовищныя реквизиціи — все это побуждало населеніе къ неоднократному сопротивленію. Иногда это навлекало гнѣвъ Надира, иногда удавалось жалобами вызвать присылку контролеровъ и т. д.

Въ 1737 году, передъ своимъ походомъ въ Афганистанъ, Надиръ велѣлъ измѣнническимъ образомъ захватить многихъ первѣйшихъ князей Карталиніи и Кахетіи, а также Теймураза. Всѣ они участвовали въ походѣ и отличились при взятіи Кандагара. Затѣмъ, шахъ потребовалъ сына Теймуразова, молодого Ираклія, который и сдѣлалъ съ нимъ походъ въ Индію. Легко понять, что забирая съ собою грузинскую знать, Надиръ желалъ имѣть надежныхъ заложниковъ.

II.

Но главныя осложненія съ грузинами были еще впереди. Нѣсколько позже, во время

⁴ П. С. З. № 6707.

дагестанскаго похода Надира, когда требованія и поборы персіянъ превзошли крайнюю — даже по тамошнимъ условіямъ — мѣру, броженіе въ Грузіи сильно увеличилось¹. Тогда-то образовалась лига князей верхней Карталиніи, подъ главнымъ руководствомъ могущественнаго феодала Гиви Амилахвари; поборникъ православія, одновременно авантюристъ, ловкій политикъ, упрямый и властолюбивый — это интересный образчикъ старогрузинскаго магната.

Всѣ недовольные персидскимъ гнетомъ переходили на его сторону; вся верхняя Карталинія, долины Ксанская и Арагвы повиновались ему. Онъ привелъ въ состояніе обороны многочисленныя укрѣпленія этихъ мѣстностей, въ томъ числѣ Сурамскій замокъ; посылая своихъ агентовъ въ Дагестанъ, онъ вербовалъ на свою службу многія тысячи лезгинъ, цѣлыя партіи которыхъ являлись къ нему предводительствуемыя своими *беладами*, т. е. вожатыми. Политическое значеніе лиги заключалось, помимо противодѣйствія Надиру и смуть, вызываемыхъ въ странѣ, въ томъ особенно, что лигѣ явно покровительствовала Турція — помогала ей людьми и особенно деньгами. Все это имѣло болѣе чѣмъ серьезный характеръ, особенно когда явились самозванцы, выдававшіе себя за дѣтей Шахъ-Гуссейна, т. е. за законныхъ наслѣдниковъ иранскаго престола (въ противоположность узурпатору Надиру). Этихъ самозванцевъ поддерживали именно турки и лига.

Послѣднюю надо было уничтожить, и вотъ Надиръ посылаетъ одного за другимъ хановъ съ войскомъ — но все неудачно. Ярости его не было предѣловъ. Этотъ повелитель странъ отъ Каспійскаго моря до Инда принужденъ былъ вести долгіе переговоры съ человѣкомъ, который, сидя въ своемъ замкѣ, требовалъ отъ „шахиннаха“ письменнаго обѣщанія не причинять ему зла. Наконецъ, дошло до того, что, когда Амилахвари согласился дать заложниковъ, Надиръ велѣлъ отослать ихъ обратно, требуя полной сдачи².

Но персіяне не умѣли этого добиться, и только съ вмѣшательствомъ Теймураза въ дѣла, лига постепенно распадается. Кахетинскій владѣтель отлично понималъ, что уладивъ эту неурядицу, онъ неминуемо выиграетъ въ свою пользу не мало, и онъ не ошибся. Строго говоря, Гиви Амилахвари уступилъ лишь увѣщаніямъ Тамары, супруги Теймураза. Затѣмъ онъ отправился въ почетную ссылку въ Хорасанъ³.

А Теймуразъ и сынъ его Ираклій своими побѣдами надъ лезгінами, дѣйствіями противъ самозванцевъ и утвержденіемъ спокойствія въ Карталиніи оказали Надиру большую услугу, и онъ ихъ неоднократно и щедро вознаграждалъ. Наконецъ, въ 1744 г. окончательно отдана Карталинія — Теймуразу, Кахетія — Ираклію. Съ тѣхъ поръ начинается совмѣстная дѣятельность отца и сына на пользу родины — что прекратилось, со смертью Теймураза въ 1761 году, когда Карталинія и Кахетія объединились подъ скипетромъ Ираклія.

Всматриваясь въ отношенія Надира къ Грузіи, мы видимъ на протяженіи всего лишь

¹ Дѣло въ томъ, что Надиру пришлось долго возиться съ Дагестаномъ, по сосѣдству съ Грузіей.

² На всемъ пространствѣ моихъ владѣній, сказалъ Надиръ, взялъ ли я у кого-нибудь заложниковъ, въ обезпеченіе службы? Если онъ (т. е. Амилахвари) покорился, пусть придетъ и исполняетъ мои приказанія; если же нѣтъ, пусть его уничтожатъ немедленно“.

Chronique de Parouna Orbélian, p. 72.

³ Ib. p. 97. Передъ самой смертью Надиръ-шахъ, въ гневѣ на Теймураза, вызвалъ Амилахвари изъ „ссылки“ и думалъ было отправить его въ Грузію, въ качествѣ правителя; но по смерти Надира онъ остался въ Персіи, именовался тамъ Шахъ-кули-ханъ и, въ званіи куларъ-агаса, игралъ видную роль въ персидскихъ смутахъ, а затѣмъ вернулся на родину и умеръ въ 1754 г.

двѣнадцати лѣтъ всѣ приемы, къ какимъ персидская политика принуждена была прибѣгать, въ теченіе вѣковъ, въ разное время и при разныхъ условіяхъ. Казалось, будто исторія даетъ грузинамъ послѣдній повторительный урокъ — напоминаетъ имъ еще разъ, въ краткихъ выразительныхъ чертахъ то, что они издавна знали. Овладѣніе силой оружія, насильственныя выселенія, управленіе черезъ хановъ-персіянъ, хановъ-грузинъ, признаніе законныхъ владѣтелей, неумолимые поборы денежные, натурою, вербовка, отбираніе заложниковъ, женъ и дѣтей — все это пускалось въ ходъ, когда того требовали обстоятельства, и оказывались недостаточными болѣе мягкіе способы воздѣйствія.

До самой смерти Надира (въ 1747 г.) приходилось считаться съ его капризами.

Тѣмъ не менѣе, 1744 годъ — свѣтлый годъ въ грузинской исторіи. Возобновленъ обрядъ коронованія царей въ Мцхетѣ — чего не было начиная съ 1632 г., когда вступилъ на карталинскій престолъ мусульманинъ Ростомъ¹.

Какъ будто новое вѣяніе пронеслось по стране: старая Грузія еще хочетъ жить: черезъ 60 лѣтъ ея ужъ не будетъ, но пока она даетъ знать о себѣ — да еще какъ! Много еще впереди битвъ, много крови, много побѣдъ и пораженій — но скоро конецъ этому безмѣрно тернистому пути.

III.

Видная роль, сыгранная Грузіей среди сосѣднихъ странъ въ XVIII вѣкѣ, успѣхи ея оружія, извѣстность, выпавшая на долю Ираклія II — могутъ быть понятны толко въ связи съ

¹ Каждая строка хроники П. Орбеліани, посвященная описанію коронаціи Теймураза, отражаетъ подъемъ національнаго и религіознаго чувства, характерный для Грузіи XVIII вѣка. При этомъ, ярко сказался консерватизмъ грузинъ того времени; стремились возстановлять старыя обрядности и обычаи, выходившіе изъ употребленія за время царей-мусульманъ, напримѣръ, вновь розданы, какъ знакъ военачальства, хоругви первѣйшимъ князьямъ, по старому обычаю. (Въ Грузіи, какъ и въ феодальной Европѣ, каждый сражался подъ хоругвою своего патрона).

Ираклій, на пути къ Тифлису, куда онъ спѣшилъ присутствовать на коронаціи своего отца, подвергся нападенію лезгинъ. Описывая триумфальную встрѣчу Кахетинскаго царя, историкъ восклицаетъ: „Нѣтъ, клянусь вамъ, никогда не видали подобнаго зрѣлища. Онъ сидѣлъ на темно-гнѣдомъ жеребцѣ, опоясанный саблей въ золотыхъ ножнахъ — нельзя было смотрѣть на него и не нѣмѣть отъ изумленія. Гіацинты распускались, почки раскрывались на вѣтвяхъ, издавая аромать мускуса; розы тянулись къ нему — всякій спѣшилъ увидѣть благороднаго героя, подобнаго кипарису, поздравить его, сказать привѣтственное слово. У дворца онъ сошелъ съ коня; царь и царица вышли навстрѣчу ему и нѣжно обняли этого сына, единственное ихъ чадо“ и т. д. Когда окончился обрядъ помазанія, и принесены были поздравленія, началось традиціонное пиршество, на которомъ „все совершалось согласио обычаямъ Карталини; и каждый, какъ добрый грузинъ, старался превзойти другихъ въ радости и весельи — вѣдь сколько времени не было царя-христіанина, какъ давно мы не видѣли царя помазаннаго и коронованнаго! Теперь, напротивъ благость Божія послала вамъ царя ученика Христова, непоколебимаго въ вѣрѣ — всѣ, и великіе, и малые возносили Богу благодарность“.

Хроника Папуна Орбеліани. Hist. mod. II, livr 2, p. 101–105. Эти люди въ XVIII столѣтіи были сверстниками Владиміра Мономаха. При такомъ запозданіи, конецъ Грузіи былъ лишь вопросомъ времени.

історією Персії.

Со смертю Надирь-шаха, какъ это всегда бываетъ въ случаяхъ такого сказочнаго возвышенія, наступило безначаліе, путаница, которой, надо имъ отдать справедливость, Теймуразъ и Ираклій воспользовались съ большимъ искусствомъ. Ихъ политикъ открывалось широе поприще въ хаосъ враждующихъ между собой областей и хановъ.

Соединенными силами Теймураза и сына его, позже, трудами Ираклія достигнуто то значеніе, какое Грузія прибрѣла въ дѣлахъ этой части Азіи. Преемникъ Надира, Адиль-шах, родственникъ Теймураза, благоволилъ грузинамъ, которые, въ свою очередь, были его сторонниками, зная, что при такомъ шахѣ отношенія ихъ къ Персіи будутъ чистой идилліей. Но Адиль не продержался и года, такъ же какъ и слѣдующій за нимъ „шахъ“ Ибраимъ. Затѣмъ, одинъ за другимъ появляются искатели престола, опирающіеся на большее или меньшее число приверженцевъ, но ихъ исканія были всегда гадательны¹; и только возвышеніе Керима, хана Ширазскаго, изъ племени зендовъ, привело къ сравнительно прочному и спокойному порядку вещей. Одно время выдвинулся афганскій Азадъ-ханъ, дѣйствовавшій со своими дружинами въ Азербейджанѣ, но Ираклій, помогая Эривани, отбросилъ афганца за Араксъ².

Позже, когда Керимъ-ханъ взялъ верхъ надъ соперниками, названный Азалъ-ханъ, послѣдній изъ этихъ соперниковъ, гонимый побѣдителемъ искалъ убѣжища у Ираклія, но былъ выданъ³. И, вообще, грузины умѣли ладить съ Керимомъ, который и не былъ такъ значителенъ, чтобы предписывать имъ свою волю; онъ даже не именовался шахомъ, а векилемъ (намѣстникомъ). Грузины же были настолько осторожны, что не дѣйствовали вызывающимъ образомъ по отношенію къ Керимъ-хану⁴. Характерно, что теперь, когда Теймуразъ и Ираклій были совершенно независимы и самостоятельны, они не отрекались отъ своихъ связей съ Персіей. Это было очень умно: званіе „валія“ давало имъ лишнюю пружину въ ихъ персидской политикѣ, а уклоняться отъ самыхъ дѣятельныхъ сношеній съ плеядой сосѣднихъ хановъ грузины не могли, такъ какъ именно путемъ покровительства однимъ и обузданія другихъ Ираклій добился того престижа и того первенствующаго положенія, которыми довольно долго пользовался.

Итакъ, мы видимъ, какъ связь съ Ираномъ, вассаломъ котораго являлся въ теоріи Ираклій

¹ Между прочимъ, сохранился фирманъ Шахъ-Роха о возведеніи Теймураза въ званіе главнокомандующаго Азербейджаномъ. *Акты кав. арх. ком.*, т. I, стр. 76. Но этотъ „шахъ“, внукъ Надира, никогда не признавался государемъ Персіи; онъ съ самаго же почти начала удалился въ Хорасанъ, гдѣ и властвовалъ чуть не 50 лѣтъ. Фирманъ этотъ означаетъ просьбу о поддержкѣ.

² Между Иракліемъ и Азадъ-ханомъ, при заключеніи мира, было условлено, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ распространять власть на другую сторону Аракса. Это было въ 1751 г. Ср. *Watson, A history of Persia etc*, p. 44. *Picault, Histoire des révolutions de Perse*, p. 1810, т. II. стр. 335.

³ Историкъ Ираклія, Оманъ Херхеулидзе сообщаетъ, что Керимъ просилъ царя выдать ему Азадъ-хана и написалъ письмо „полное любви и братской пріязни“, съ увѣреніемъ, что этимъ онъ заслужитъ „величайшую признательность со стороны Персіи“. Жизнь царя Ираклія, подъ 1760 г.

⁴ Вотъ что говоритъ самъ Ираклій о своихъ отношеніяхъ къ этому симпатичному правителю Персіи: „Керимъ-ханъ... въ Ширазѣ находится и съ нами въ дружбѣ состоитъ и оказываетъ, и мы тоже съ нарочнымъ извѣщаемъ его о дружбѣ“. Грамоты etc., изд. проф. *Цагарели*, стр. 437-438.

въ качествѣ валия гурджистанскаго — какъ эта связь, иногда, въ прежнее время, столь тягостная, теперь превращается, въ рукахъ Ираклія, въ рычагъ его политики, служащій *его* интересамъ. Но успѣхи, достигаемые на такомъ пути, не прочны.

Какъ ни поглощается первоначальный смыслъ этой связи, ея предполагаемое юридическое значеніе фактическимъ соотношеніемъ силъ — но идея, мысль о томъ, что Грузія, такъ или иначе, входитъ въ сферу вліянія Ирана, продолжаетъ тлѣть, какъ уголь, не угасающій до конца подъ слоємъ земли.

Придетъ день, и новая династія — каджаровъ — попытается воскресить отжившую теорію. Но у нея хватитъ силъ лишь чтобы отомстить, со всей жестокостью могущества, безсильнаго созидать; вернуться же къ временамъ Аббаса и Надира нельзя будетъ на грани XVIII и XIX вѣковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Участіе грузинъ въ первой турецкой войнѣ при императрицѣ Екатеринѣ II.

I.

1.

Великая, блестящая Екатерина и ея самоувѣренные даровитые сановники нашли неожиданный поводъ обратить близкое вниманіе на Грузію и ея владѣтелей.

Съ давнихъ поръ сносилась Грузія съ Россіей; мало-по-малу тѣ, кому о томъ „вѣдать надлежало“, привыкли къ постояннымъ пріѣздамъ въ Астрахань, Кизляръ грузійскихъ посланцевъ, иногда самихъ владѣтелей, часто царевичей. духовныхъ лицъ, князей и т. д. Сложилась постепенно практика насчетъ дальнѣйшаго ихъ слѣдованія, дачи имъ кормовыхъ денегъ и пр. „по прежнимъ примѣрамъ“. Въ концѣ концовъ, у русскихъ дипломатовъ составилось представленіе о маленькомъ единовѣрномъ народѣ и его владѣтеляхъ, постоянно „докучающихъ“ просьбой о помощи, о защитѣ. Видя, что владѣтели эти отдаются въ подданство, даже независимо отъ того, помогутъ ему или нѣтъ, правительство русское относилось къ нему болѣе или менѣе ласково.

Но иногда политическія обстоятельства складывались такъ, что дѣло доходило до политики въ прямомъ смыслѣ слова, до результатовъ осязательныхъ.

Мы говорили уже о роли, сыгранной грузинами въ персидскомъ походѣ Петра Великаго.

Теперь обратимся къ первой турецкой войнѣ Императрицы Екатерины II-й и къ участію въ ней грузинъ.

Не забудемъ, что война эта, пробный камень иностранной политлки Екатерины, была для Россіи дѣломъ очень труднымъ и сложнымъ, при веденіи и ликвидаціи котораго приходилось самымъ серьезнымъ образомъ считаться съ европейскими державами, особенно Пруссіей и Австріей, не говоря уже о Польской республикѣ, часть которой скоро пробила.

Если разсматривать въ правильной перспективѣ эти историческія событія, то закавказская экспедиція Тотлебона и участіе грузинъ въ войнѣ представится какъ второстепенный дополнительный эпизодъ борьбы, происходившей на глазахъ Европы и,

преимущественно, на европейскомъ театрѣ дѣйствій.

Отъ всей этой кампаніи — т. е. посылки экспедиціоннаго корпуса въ Грузію — такъ и вѣтъ авантюризмомъ, „проежтерствомъ“ XVIII столѣтія.

Когда на одномъ изъ первыхъ засѣданій Совѣта (учрежденнаго непосредственно послѣ разрыва съ Портой) Екатерина пригласила вельможъ этого Совѣта высказаться, если „кто что придумалъ для пользы дѣла“, Орловъ предложилъ свою экспедицію въ Средиземное море; и затѣмъ рѣшено было призвать къ оружію всѣхъ православныхъ, обитающихъ въ турецкихъ областяхъ; предполагали поднять Морею, далматинцевъ, черногорцевъ и Грузію, при чемъ имѣлось въ виду разглашать, что Россія принуждена вести войну съ турками за законъ¹. Словомъ, звали участвовать какъ бы въ крестовомъ походѣ на мусульманъ. Проектъ этотъ, конечно, оказался вздорнымъ, бесполезнымъ, но и безвреднымъ для Россіи.

Итакъ, вотъ почему вспомнили о грузинахъ. Ихъ и удалось вовлечь въ войну съ турками; но, какъ показали событія, то, что для Россіи было лишь эффектной, далекой отъ рутины, выходкой, для Грузіи было дѣломъ нешуточнымъ, крайне рискованнымъ и опаснымъ.

Разъ рѣшено было, такимъ образомъ, побудить грузинъ къ участию въ войнѣ, стали наводить справки, собирать свѣдѣнія. Сама императрица требуетъ у Коллегіи иностранныхъ дѣлъ отвѣта на рядъ вопросовъ, касающихся Грузіи. Составляется въ Коллегіи „разсужденіе о способахъ, какими грузины преклонены быть могутъ къ воспріятію участія въ настоящей съ Портою Оттоманскою войнѣ“².

Соломона, царя Имеретинскаго не трудно были притянуть къ дѣлу; воевать съ турками ему было не впервые; онъ еще незадолго до того просилъ помощи у государыни, но тогда ему было въ ней отказано. Съ Иракліемъ, казалось первоначально Коллегіи, будетъ больше хлопотъ. Но это было неосновательно.

„Грузинскіе цари и народъ, по словамъ проф. Цагарели, восторженно приняли воззваніе Великой императрицы, призывавшей ихъ на борьбу съ общимъ врагомъ христіанства, и выразили готовность немедленно послѣдовать призыву „православной монархини“, что они дѣйствительно и доказали, сражаясь противъ турокъ въ теченіе всей пятилѣтней турецкой войны“³.

Грамоты самой Екатерины, письма Панина, воздѣйствіе пограничныхъ начальниковъ и особо посланныхъ агентовъ, все было пущено въ ходъ, чтобы изъяснить грузинамъ пользу, какая послѣдуетъ для нихъ отъ участія въ войнѣ, въ которой они будутъ подкрѣплены русскимъ корпусомъ. Обѣщалась помощь денежная, награда на небесахъ — и „внесеніе въ трактатъ“, т. е. будущій трактатъ съ Портою, о чемъ и владѣтели просили. „Внесеніе въ трактатъ“ означало бы формальное обязательство Турціи не посягать на предѣлы Грузіи.

2.

Что призывъ Россіи нашель благодарную почву въ грузинскихъ земляхъ — не удивительно.

„Борьба за православіе“ — это нѣчто такое, что грузины того времени легко могли понимать, такъ какъ сами они не совсѣмъ были чужды этому занятію. Но религія являлась однимъ изъ стимуловъ борьбы политический, стремленія отстоять — и обезпечить — свою

¹ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 28-й, стр. 13.

² Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи. Т. I (1768–1774 гг.), № 1 и 2. На это превосходно составленное профессоромъ Цагарели собраніе матеріаловъ мы неоднократно будемъ ссылаться.

³ Ib. стр. II–III.

независимость среди враждебных или могущих стать враждебными политических единиц.

Въ половинѣ XVIII вѣка Соломонъ въ Западной, Ираклій въ Восточной Грузіи достигаютъ крупныхъ политическихъ успѣховъ, и, тѣмъ не менѣе, — вѣрнѣе, именно поэтому, они ищутъ помощи Россіи, а когда имъ ее предложили, то съ энтузіазмомъ принимаютъ приглашеніе.

Всѣ успѣхи Соломона и Ираклія были зданіемъ, построеннымъ на пескѣ.

Благодаря слабости Персіи, ловкой политикѣ и военному дарованію, Ираклій „возвелъ Грузію на степень той важности, коею она содѣлалась извѣстна сосѣднимъ державамъ“¹.

Но положеніе Ираклія было очень шаткое; сейчасъ онъ получаетъ дань отъ Ганджи и Эривани; и въ случаѣ отказа карталинскія и кахетинскія дружины напомнятъ имъ объ ихъ обязанностяхъ. Но что дѣлать, если появится въ Иранѣ настоящій властелинъ, всѣми признаваемый?² Status quo, достигнутый въ теченіе десятковъ лѣтъ неустаннаго труда, опасностей и войнъ — разсыпется въ порошокъ. Персидскіе ханы, турецкіе паши, лезгины — все это въ двухъ шагахъ, всѣ они слѣдятъ за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ. Надо вести политику на три фронта, не допускать коалицій, задабривать однихъ, помогать другимъ, наказывать третьихъ. И цѣною неслыханнаго напряженія что же достигается? Развѣ одна „слава“. Спокойствія же, простой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ — нѣтъ. Что такое внѣшнее положеніе связано съ не устойчивостью внутри страны — это слишкомъ очевидно. Не перевелись еще искатели карталинскаго престола, потомки Вахтанга; у нихъ приверженцы среди дворянства, укрыватели — въ Персіи³. Всѣ недовольные, всѣ питающіе злобу — находятъ пріютъ у двуличныхъ сосѣдей.

Ни о какой реформѣ, ни о какомъ предпріятіи нельзя думать, ничего довести до конца. Прежде, чѣмъ дѣло станетъ прочно, придутъ и сожгутъ, разграбятъ, уничтожатъ. Есть планы, есть идеи, но, въ такихъ условіяхъ, нельзя ихъ осуществить!

Не имѣя возможности сноситься съ Европой, не уживаясь въ Азіи и съ Азіей, хотя всецѣло почти связанные ея рутиной, грузинскіе цари обращались къ Россіи. Другого исхода у нихъ не было. Какъ ни мало находили они на этомъ пути, взоры ихъ, снова и снова — неуклонно обращались къ сѣверу.

¹ Бутков, матеріалы, т. I, стр. 241.

² Ираклію благопріятствовало именно то обстоятельство, что шахскій престолъ никѣмъ не былъ занятъ; это отлично сознавалось. Самъ Ираклій въ письмѣ Панину отъ 34 авг. 1774 г. (Грамоты etc. № 185) говоритъ: „А какъ Персія не имѣетъ шаха, то жилъ я съ ханами не только въ согласіи и въ покоѣ, но по многимъ моимъ стараніямъ доведены были до того, что нѣкоторые платили мнѣ и дань“. Въ „Запискѣ“ кн. Амилахорова (ib., № 13) преобладаніе Ираклія надъ сосѣдними персидскими ханами объясняется прямо тѣмъ, что „нынѣ Персія и шаха не имѣетъ, а слѣдовательно, нѣтъ никого, кому бы, представивъ свои обиды, жаловаться могли“.

³ Одинъ изъ такихъ искателей, сынъ Вахтанга, Паата, получившій образованіе въ Россіи и Англіи, странствовалъ по Европѣ, побывалъ въ Турціи, жилъ нѣкоторое время въ Персіи, при Керимѣ, затѣмъ въ Грузіи. Нѣсколько князей карталинскихъ, движимыхъ отчасти мотивами личной вражды къ Ираклію, отчасти же вѣрныхъ старой карталинской вѣтви Багратіоновъ — составили заговоръ и предложили корону Паатѣ. Заговорщики-легитимисты были приговорены къ смертной казни собраніемъ свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ. Это было въ 1765 г. См. извлеченія изъ грузинскихъ мемуаровъ, сдѣланныя Броссе въ Hist. moderne, II, livr. 2. p. 233. А также Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht. Introduction III.

Ища русского покровительства и добиваясь гарантии неприкосновенности против произвола восточных держав, цари грузинские были вполне разсудительны, так как только при внешней обеспеченности могли они довести до успешного конца то, чего им так и не удалось сделать — обуздание вассалов и упрочение государственного порядка.

Обезопасив себя со стороны Персии и Турции, грузины, может быть, сумели бы сладить с внутренними смутами и стать на путь сколько-нибудь нормального общественного развития. Вот что побуждало Ираклия и Соломона искать русской помощи, вот почему они с такой радостью отозвались на приглашение действовать, против турок, не смотря на очевидную для них опасность этого шага.

Они видели впереди, как обещанную награду со стороны России — покровительство единовластной державы. Счастье близко и возможно. Со стороны грузин было бы трусостью упустить такой шанс. Они рискнули, как рискнул в свое время Вахтанг¹ — и опять проиграли ставку.

II.

Когда отправляли экспедиционный корпус, то его предназначали не столько для прямых действий, сколько для подкрепления грузин; — именно последние должны были „учинить важную диверсию“.

Но, как разъяснял граф Панин Тотлебену, нужно действовать так, чтобы, незамѣтно для грузин и их владѣтелей, они воевали как бы по собственному побуждению, на дѣлѣ же все это должно производиться „здѣшнимъ руководствомъ и просвѣщеніемъ“, т. е. грузины должны играть роль орудія въ рукахъ Тотлебена; по выраженію Панина: „была бы душа здѣшняя, а тѣло грузинское“².

Мы не будемъ разбирать причинъ, повлекшихъ за собой неудачу этихъ замысловъ Панина. Пришлось бы для этого излагать ходъ кампаніи, постепенное накопленіе недоразумѣній между Тотлебеномъ и владѣтелями, дошедшее до разрыва и непріятностей, пришлось бы оцѣнивать поступки и поведеніе отдѣльныхъ лицъ. Намъ все это не касается. Скажемъ лишь одно: ни Соломонъ, ни Ираклій не были расположены играть ту роль, какую имъ, повидимому, предназначалъ Тотлебенъ: т. е. роль начальниковъ иррегулярныхъ ополченій при его корпусѣ. Для этого Соломонъ былъ слишкомъ привыченъ самостоятельно воевать съ турками, не говоря объ Иракліѣ, боевая слава и опытность котораго была иныхъ размѣровъ и иного качества, чѣмъ Тотлебенская.

Но замыселъ Панина былъ по существу нелѣпъ: гармоническое совмѣстное дѣйствіе регулярныхъ войскъ и грузинскихъ дружинъ едва ли было возможно. Это были войска совершенно разныхъ эпохъ. Съ одной стороны, полная дисциплина, плановѣрность, техника, сильная артиллерія, провіантская часть и пр. Съ другой — контингенты всадниковъ и пѣхотинцевъ съ весьма несложной организаціей, съ болѣе чѣмъ шаткой дисциплиной; всякій продовольствуется, какъ можетъ, и вся эта масса удерживается въ повиновеніи только благодаря авторитету и популярности царя и высшихъ начальниковъ.

Съ одной стороны, люди прошедшіе строгую казарменную школу, съ другой — феодальные бароны и воины-крестьяне.

Вотъ одинъ, и очень важный источникъ шероховатостей во взаимныхъ отношеніяхъ. Но были еще осложненія, которыхъ не предвидѣли въ Петербургѣ и съ которыми не могъ

¹ См. выше, гл. IV.

² Грамоты etc., № 64.

справиться ни пресловутый Тотлебенъ, ни позже — генераль Сухотинъ.

Владѣтели гурійскій и мингрельскій, въ теоріи вассалы Имеретинскаго царя, на практикѣ же почти всегда независимые отъ него, вели свою самостоятельную политику. Осилить этихъ вассаловъ и объединить Западную Грузію, было мечтою имеретинскихъ царей — и Соломонъ надѣялся, при поддержкѣ Россіи, добиться этого.

Русскимъ генераламъ пришлось не столько руководить согласными движеніями грузинскихъ владѣтелей, сколько разбираться въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, склонять къ единодушію. Естественно, что на мѣстѣ все это оказалось сложнѣе, запутаннѣе и труднѣе, чѣмъ думали въ Петербургѣ. Но если бы внимательно читали донесенія пограничныхъ начальниковъ и всю переписку по грузинскимъ дѣламъ, и вникли бы въ дѣло, тогда меньше бы было неожиданностей. Неосновательныя ожиданія замѣнились разочарованіемъ, а виноватыми оказались грузины.

Мы уже говорили, что помощь Россіи укрѣпила бы царей и внутри Грузіи¹. Такъ что, если Россія преслѣдовала свои интересы въ Грузіи, то и грузинскіе владѣтели надѣялись, что, воюя по призыву Россіи съ Турціей, они добьются существеннаго улучшенія, упроченія своихъ дѣлъ.

Но всякій разъ, когда замѣтно было, что они и себя не забываютъ, и о себѣ думаютъ, русскія власти ставили это въ укорѣ владѣтелямъ: онѣ желали слѣпое послушанія.

Тягостность положенія обострялась и тѣмъ, что русскіе генералы не были особенно счастливы въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, тогда какъ Ираклій и Соломонъ имѣли не мало успѣховъ. Эта общая обрисовка избавляетъ насъ отъ необходимости входить въ ближайшее разсмотрѣніе событій 1768–74 годовъ.

Но, такъ или иначе, дѣло уладилось.

Государыня и Панинъ выражали свое неудовольствіе грузинскимъ владѣтелямъ въ грамотахъ и письмахъ, нѣкоторые мѣста которыхъ должны были казаться обидными для самолюбія Соломона и Ираклія². Но, затѣмъ, прежнее благоволеніе вернулось, и тонъ смягчился. Однако въ концѣ концовъ экспедиція въ Грузію обманула ожиданія Екатерины. Въ грузинахъ разочаровались — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія³.

Строго говоря, ими не могли быть недовольны: они одержали надъ турками рядъ

¹ П. ч. внѣшняя необезпеченность и шаткость царской власти внутри страны стояли въ тѣснѣйшей взаимной связи. Такъ что, какъ уже говорено было, поддержка во внѣшнихъ отношеніяхъ легко повлекла бы за собой упроченіе власти и порядка. Интересы династическіе и національные совпадали.

² См., напримѣръ, укоризненную грамоту императрицы Ираклію отъ 9-го іюля 1770 г. (послѣ распри его съ Тотлебеномъ) и снисходительное письмо Панина, писанное тогда же. По воззрѣнію Панина, генераль могъ поступить съ Иракліемъ „по всей строгости военныхъ правилъ“. Но, утѣшаетъ онъ царя, „благополучна, по крайней мѣрѣ, ваша судьба въ томъ, что рѣшить ее оставалось монархинѣ великодушной и милосердной“. Грамоты, №№ 58 и 57.

³ „Въ прошедшее время черезъ отправленіе въ Грузію и содержаніе тамъ войскъ здѣшнихъ не пріобрѣтено успѣховъ и выгодностей противъ общаго непріятеля, коих... ожидать было можно“. Ib., № 167. Главная причина — несогласія владѣтелей и различіе въ способѣ веденія войны. Ср. №№ 148, 149, 150. Въ концѣ концовъ, совмѣстныя дѣйствія такого во всѣхъ отношеніяхъ „иррегулярнаго“ народа, какъ грузины, и русской арміи — не могли быть иными.

побѣдъ, посылали ко двору трофеи, готовы были воевать *ad infinitum*. „Служили“, какъ могли, какъ умѣли.

Причина недовольства русскаго правительства — въ тѣхъ непріятностяхъ и нарушеніяхъ воинской дисциплины, которыя имѣли мѣсто во время экспедиціи. Конечно, все это было скоро забыто. „Эти смуты въ отдаленномъ Закавказьѣ, говоритъ Соловьевъ, не могли производить сильнаго впечатлѣнія: о нихъ мало знали въ Россіи, вовсе не знали въ Западной Европѣ, гдѣ хорошо знали о кагульскомъ и чесменскомъ бояхъ“¹.

Въ этомъ разгадка многоаго: Екатерина сначала интересовалась закавказской экспедиціей, не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ къ Вольтеру; затѣмъ, когда разочаровались въ ожиданіяхъ, забыли о томъ, что побудили² грузинскихъ владѣтелей стать въ открытую вражду съ турками, забыли, что обѣщали имъ золотыя горы, что ихъ участіе въ войнѣ было не эпизодическое, а всецѣлое. Когда за Кавказомъ горсть храбрецовъ наносила поражение несравненно сильнѣйшему врагу, и всѣ свои удачи приписывала „счастію Ея Императорскаго Величества“, то отзвукъ этихъ удачъ въ самой Россіи совершенно заглушался громомъ кагульской и чесменской побѣдъ — до Европы же онъ и не доходилъ³.

Того, что обѣщали владѣтелямъ, не исполнили: во-первыхъ, измѣнились обстоятельства, во-вторыхъ, русское правительство временно охладѣло къ грузинамъ, подъ вліяніемъ недобросовѣстныхъ (какъ теперь оказывается) донесеній Тотлебена.

III.

1.

Каковъ же былъ результатъ войны для грузинъ? Меньшее, на что они могли рассчитывать — это „внесеніе въ трактатъ“. Грузины были убѣждены въ томъ, что при заключеніи трактата ихъ не забудутъ⁴. Копія съ 23 ст. Кучукъ–Кайнарджійскаго трактата (20 іюля 1774 г.) была сообщена Ираклію и Соломону, вмѣстѣ съ Высочайшими грамотами и письмомъ Панина. Смыслъ этихъ грамотъ тотъ, что пусть грузины чувствуютъ, какъ они осчастливлены трактатомъ.

„Послѣ такого оказаннаго отъ насъ всему Грузинскому народу благодаренія... съ основаніемъ ожидать можно, что ваша свѣтлость и прочіе владѣтели грузинскіе останетесь

¹ Соловьевъ, т. 28-й, стр. 139.

² Сначала придумывали способы, которыми можно было бы „подвигнуть“ грузинъ къ войнѣ съ Портой; а позже неоднократно твердятъ владѣтелямъ, что ихъ „допустили“ участвовать въ войнѣ, снисходя „на докучное и неоднократное прошеніе“. См. напр. Ib. стр. 336, 339.

³ Послѣ Аспиндзской побѣды, трофеи которой были отправлены императрицѣ, Ираклій не получилъ ни благодарственнаго рескрипта, ни вообще какого-либо одобренія. Причиной этому были, повидимому, превратныя сообщенія Тотлебена.

⁴ Самыя решительныя обѣщанія на этотъ счетъ неоднократно давались какъ императрицей, такъ и Панинымъ.

См. напр. Ib., стр. 87, 373–4, 401 (Письмо вице-канцлера Голицына Ираклію 13 февраля 1774 г.), 396 и т. д.

благодарными къ нашему императорскому престолу и жребіемъ своимъ обрадованными и довольными¹. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Екатерина Ираклію. Панинъ поздравляетъ „отъ всего сердца“ Соломона съ „толикимъ неоцѣненнымъ счастьемъ“².

Что же выиграла Грузія по ст. 23 Кучукъ–Кайнарджійскаго трактата?

Прежде всего, несмотря на присылку Ираклію копии съ трактата, якобы его касающагося, собственно о немъ и о царствѣ Кахетинскомъ и Карталинскомъ там *нѣтъ ни слова*. Никакихъ притязаній на Восточную Грузію Порты не имѣла и не заявляла; дружелюбныя отношенія къ сосѣднимъ пашамъ были всегда однимъ изъ пунктовъ политики Ираклія. Если онъ вступилъ въ войну, то въ надеждѣ на дальнѣйшее покровительство и поддержку Россіи; цѣной разрыва съ Турціей онъ думалъ, вспомошествоваемый Россіей, обезопасивъ себя извнѣ и укрѣпившись изнутри, дать, наконецъ, Грузіи возможность пользоваться благами прочнаго порядка. Затѣмъ, въ немъ жила старая идея Багратидовъ — возвратъ отторгнутыхъ Турціей провинцій; онъ былъ бы радъ, съ помощью русскаго войска, выступить и на болѣе широкое поприще: поставить въ Персіи желательнаго грузинамъ и русскимъ шаха, итти вглубь Малой Азіи и завоевать ее Императрицѣ до Стамбула.

Человѣкъ съ такими планами не могъ быть безсловеснымъ орудіемъ въ рукахъ Тотлебена.

О царствѣ Карталино–кахетинскомъ въ трактатѣ — ни слова; хотя именно теперь, послѣ участія въ войнѣ, упоминаніе о немъ въ трактатѣ было необходимо. Ираклію осталась лишь слава объ его удачахъ — и ожиданіе мести со стороны турокъ и лезгинъ³.

Соломона, владѣтеля Имеретинскаго, все это касалось ближе: онъ дѣйствительно считался вассаломъ Порты. Но еще задолго до русско–турецкой войны онъ отказался платить дань невольниками⁴, и воспретилъ торговлю ими. Онъ велъ очень удачно партизанскую войну съ турками и надѣялся, съ помощью Россіи, упрочить себя окончательно во внѣ и внутри.

Трактатъ ни юты не прибавляетъ къ тому, чего Соломонъ уже достигъ; хуже того, Россія признаетъ status quo ante, именно тотъ порядокъ вещей, съ которымъ Соломонъ желалъ порвать, т. е. туркамъ принадлежитъ по трактату въ Имеретіи и Мингреліи то — и въ такой мѣрѣ, — что имъ принадлежало издавна. По ходу дѣла, съ самаго начала, надо было ожидать, что Турцію принудятъ отказаться принципиально отъ верховенства надъ Западной Грузіей. Но этого–то и не было. „Какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то Россійская Имперія не имѣетъ совсѣмъ впредь въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ“. Вотъ заключительныя слова разбираемой статьи трактата 1774 г.

2.

Таковъ былъ исходъ пятилѣтнихъ ожиданій и трудовъ. Не удивительно, что въ Грузіи нѣкоторые оцѣнивали слѣдующимъ образомъ русско–турецкое соглашеніе: „Россія заключила миръ съ турками и отдала имъ Имеретію“⁵. Болѣе того, не мало было такихъ, которые, послѣ возвращенія русскихъ войскъ въ Россію (лѣтомъ 1772 г.), заявляли, что

¹ Ib., № 186.

² Ib., № 188.

³ Въ трактатѣ говорится о Грузіи и грузинахъ, но разумѣется при этомъ Западная Грузія.

⁴ Отъ чего теперь по трактату Порты формально отрекается и обѣщаетъ не утѣснять христіанства. Ib. ст. 23.

⁵ Извлеченія изъ ненапечатанныхъ мемуаровъ у *Броссе* Hist. mod. II, I. p. 242.

русскій корпусъ былъ присланъ въ Грузію съ тѣмъ, чтобы впутать тамошнихъ христіанъ въ войну съ турками — а затѣмъ его увели обратно¹.

Не станемъ настаивать на коварствѣ замысловъ русскаго правительства. Не въ этомъ дѣло. Желали возбудить грузинъ къ войнѣ съ Турціей; отправили для руководства ими русскій отрядъ; результатами экспедиціи остались недовольны — такъ какъ не предполагали имѣть дѣло съ цѣлой кучей обстоятельствъ, открывшихся на мѣстѣ — и, разочаровавшись, отозвали войска назадъ. Что обѣщанія оказывались неисполненными, а законныя ожиданія грузинъ — были обмануты и поправы, это никого не смущало.

Но, повторяемъ, то, что для Россіи имѣло значеніе лишь эпизодическое, приводило къ серьезнѣйшимъ послѣдствіямъ для Грузіи.

Русская политика, хоть и не дававшая пока Грузіи осязательной поддержки, естественно вызывала и усиливала враждебное отношеніе къ этой странѣ ея мусульманскихъ сосѣдей. Выгодному положенію Грузіи, созданному съ большимъ искусствомъ долготѣнными усиліями Ираклія, угрожала опасность.

Ираклій съ самаго начала сознавалъ, куда идетъ и чѣмъ рискуетъ. Но онъ надѣялся, что не проиграетъ, что обѣщанное будетъ ему дано. Еще въ 1769 г., одновременно съ прибытіемъ въ Тифлисъ русскаго агента, пріѣзжали туда, по словамъ послѣдняго, и посланцы отъ сосѣднихъ пашей, просившіе царя, чтобы онъ „при нынѣшнемъ военномъ между Всероссійской Имперіею и Портою оттоманскою обстоятельствѣ остался в покоѣ“².

Насколько Ираклій былъ остороженъ и осмотрителенъ, видно изъ того, что въ сентябрѣ 1769 г., при первыхъ дѣйствіяхъ, онъ уже спѣшитъ увѣдомить Панина объ измѣнившемся къ нему отношенію мусульманъ и высказываетъ при этомъ надежду, что какъ „дѣло приходитъ будетъ к примиренію“, то грузины не будутъ забыты³.

Но когда отозваніе войскъ изъ Закавказья было рѣшено, когда Ираклію предстояло самому выпутываться изъ осложнений, созданныхъ его участіемъ въ войнѣ, онъ рѣшается высказаться откровенно.

Въ письмѣ Панину 21 апрѣля 1772 г. онъ пишетъ: „Такое время нынѣ настойтъ, что не въ состояніи уже мы молчать передъ Всемогущимъ Создателемъ и предъ Е. И. В., и потому по сущей справедливости осмѣливаемся объявить, что до полученія Е. И. В. повелѣнія находились мы въ тишинѣ и мирѣ съ султаномъ, а съ персическими владѣтельными ханами имѣли съ нѣкоторыми миръ, а нѣкоторые изъ нихъ платили намъ и дань, изъ лезгинцевъ же также нѣкоторые жили съ нами въ перемиріи, а хотя иные и дѣлали нападенія и раззоряли наши владѣнія, однако доведены были нами до того, что и они начинали опасаться насъ“⁴. Въ рапортѣ кизлярскому коменданту, поданномъ лѣтомъ 1709 года поручикомъ Хвабуловымъ говорится то же самое: „въ нынѣшне время въ Грузіи, Кахетіи и Имеретіи не только внутренняго замѣшанія, но и отъ околичныхъ народовъ никакого нападенія не происходитъ, но настойтъ тишинакакъкакъ“⁵.

Въ письмѣ Панину отъ 24 августа 1774 г. Ираклій еще рельефнѣе противопоставляетъ политическія условія Грузіи до войны позднѣйшему положенію. Его трудами установились выгодныя для грузинъ отношенія къ сосѣднимъ пашамъ, ханамъ (тѣмъ болѣе, что Персія не

¹ Грамоты etc., № 168. Рапортъ Львова Панину.

² Грамоты, стр. 427. Ср. письмо члдирсаго валія Наами къ Ираклію у проф. Цагарели (Грамоты, т. II, 1898 г.)

³ Ib. № 203 (стр. 442–3).

⁴ Ib. № 151.

⁵ Ib. № 193, стр. 431–2.

имѣла шаха), къ лезгинамъ. Участіе въ войнѣ съ турками онъ счелъ за свой долгъ, да и теперь признаетъ, что *обязанъ исполнять повелѣнія и служить православной Императрицѣ*. Во время войны столько турок и лезгинъ пало отъ руки его воиновъ! „И потому, теперь, турки, разиня рты свои, какъ змѣи, окружаютъ насъ, персіяне, какъ свирѣпыя львы, смотрятъ на насъ, а лезгинцы острятъ зубы свои противъ насъ, какъ голодные волки“. Всѣ они пылаютъ мщеніемъ: онъ, Ираклій, а не они, нарушилъ миръ¹. И если искоренять его и Грузію. то кто будетъ отвѣчать за это Богу, и какая польза отъ этого Россійской Имперіи? Поэтому, „возымѣйте попеченіе о православномъ здѣшнемъ народѣ; я и моя область упованіе наше имѣемъ единственно на Бога и на всемилостивѣйшую государыню“².

Но, пока, русское правительство ограничилось присылкой копіи Кучукъ–Кайнарджійскаго трактата, при милостивой Высочайшей грамотѣ.

Что же побуждало Ираклія, не взирая на неудачи и непріятности, снова и снова искать опоры въ Россіи? Мы сказали, что положеніе его, не смотря на внѣшніе успѣхи, не смотря на дань, которую ему платили вассалы–мусульмане, было шатко, ненадежно, не по причинамъ одной религіозной розни съ Турціей и Персіей, но, главнымъ образомъ, потому, что, при гадательности всѣхъ его успѣхов, невозможно было упрочить порядокъ въ самой Грузіи, нельзя было побороть смуть и крамоль — въ которыхъ никогда не было недостатка. Настоящей силой, авторитетной, постоянной, при томъ единовѣрной и, казалось, дружески настроенной — была Россія, и только Россія, такъ какъ отъ державъ Запада Грузію отдѣлялъ сплошной барьеръ мусульманства.

Ираклію, какъ и его предшественникамъ, приходилось имѣть дѣло исключительно съ турками, персіянами, дикарями–горцами и Россіей. Многие сближало грузинъ съ азіатскими сосѣдями³; но религія и неугасавшіе въ нихъ политическіе идеалы (или фантазіи!) связанные съ династическими интересами, влекли ихъ къ Россіи: цари грузинскіе надѣялись, съ ея помощью, стать дѣйствительно православными монархами и открыть для Грузіи путь лучшаго будущаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

¹ Политическія отношенія Ираклія къ Турціи до войны, отношеніе Порты къ Имеретіи, „вѣчный“ миръ, въ какомъ пребывали Восточная Грузія и Турція еще со времени Надира — все это характерно изображено и изложено въ чрезвычайно важномъ и интересномъ письмѣ къ царю Ираклію ахалцихскаго паши (палія члдирскаго) Наами, написанномъ до начала военныхъ дѣйствій. См. Цагарели. Грамоты etc., томъ II, Грузинскіе тексты, № 9, стр. 14.

² Ib. т. I, № 187.

³ Въ грамотѣ Имеретинскаго царя Александра (1732 г.), ярко изображающей мусульманскій гнетъ, когда „святые монастыри служатъ стоянками агарянамъ, а церкви обращены въ разбойничьи притоны“, и т. д., находимъ слѣдующія грустныя, но близкія къ истинѣ слова „общаго съ другими христіанами осталась у насъ лишь одна вѣра“, со взятія Константинополя мусульманами прошло 291 г.; персидское государство неоднократно вѣроломно убѣждало насъ оставить нашу вѣру, то силою и плѣномъ, то лестью и различными дарами; но да сохранить насъ Господь отъ измѣны вѣрѣ, проповѣданной намъ Андреемъ апостоломъ; мы твердо стояли въ ней и теперь ее не оставимъ, вѣру отцовъ“. Переписка, стр. 196.

I.

Мы не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ Ираклій боролся съ внѣшними и внутренними затрудненіями, послѣ ухода русскихъ войскъ. Пока, энергія и силы его не ослабѣвали, и ему удалось благополучно избѣжать многихъ грозившихъ ему опасностей.

Такъ, Керимъ–ханъ, векиль (т. е. намѣстникъ) Персіи, обезпокоенный покровительствомъ, какое, повидимому, оказывала Россія Ираклію, прибылъ съ персидскимъ войскомъ въ Тавризъ. Понятное дѣло, царь былъ этимъ обезпокоенъ. Съ большимъ искусствомъ удалось ему успокоить Керима. Послы Ираклія внушили послѣднему, что побѣды надъ турками — самое угодное для персіянъ дѣло и свидѣлствуютъ о преданности грузинъ. Удовлетворившись этишъ объясненіемъ, Керимъ–ханъ вернулся назадъ, и царь избавился отъ его нашествія¹.

Вотъ еще любопытный образчикъ восточной дипломатіи. Турки не переставали тревожить Грузію производя набѣги, вмѣстѣ съ лезгинами изъ Ахалцихскаго пашалыка.

Ираклій отвѣчалъ тѣмъ же, и Сулейманъ–паша находилъ для себя выгоднымъ жаловаться въ Константинополь на Грузинскаго царя — такъ какъ ему присылали для борьбы съ послѣднимъ деньги. Мы уже знаемъ, какъ съ давнихъ поръ дѣйствія грузинскихъ царей давали поводъ къ недоразумѣніямъ между Турціей и Персіей. Такъ было и теперь. Керимъ–хану написали: „По трактатамъ, мы съ вами поддерживаемъ миръ. Однако вы спустили съ привязи одного льва, т. е. валія гурджистанскаго — и онъ непрерывно опустошаетъ наши владѣнія. Прекратите это „... Керимъ–ханъ не имѣлъ надъ Иракліемъ никакой власти, и, въ свое время, былъ радъ, что не встрѣтилъ съ его стороны помѣхъ; однако, онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не подразнить турокъ, и заявилъ Ираклію свое удовольствіе за такую его „службу“.

„Для меня великая честь, сказалъ онъ, что Ираклій довелъ султана до необходимости жаловаться мнѣ. Владыка Персіи обязанъ почтить такого человѣка“. И онъ послалъ „валію“ письмо съ подарками.

Ираклій же уладилъ недоразумѣнія съ турками, отправивъ посольство въ Константинополь²

Счастливой мѣрой было учрежденіе въ 1773 г. очереднаго ополченія, *мориге*³, въ рядахъ котораго несли службу, въ мѣстахъ указанныхъ царемъ, всѣ, безъ различія сословій и національностей, за исключеніемъ горожанъ и ремесленниковъ. Самъ царь и царевичи подавали примѣръ прочимъ. Душой дѣла, сверхъ Ираклія, былъ сынъ его, Леванъ, со смертію котораго въ 1781 г. все дѣло постепенно разстроилось.

Тогда же оборудованы были серебряные рудники въ Ахталѣ. Ираклій нуждался постоянно въ деньгахъ, „не имѣя, по выраженію одного современника, другихъ сокровищъ, кромѣ собственной доблести“⁴.

¹ Оманъ Херхеулидзе, подъ 1772 г.

² Histoire moderne, II, p. 223

³ У Бурнашова, въ обрусѣвшемъ видѣ, „мурыга“. „Съ сей мурыгой царевичъ Леонъ очистилъ почти всю землю отъ наглыхъ грабежей горцевъ“. Бурнашовъ, „Картина Грузіи“ и т. д., изд. 1896 г., стр. 6. Книжка Бурнашова написана въ концѣ XVIII ст.

⁴ Оманъ Херхеулидзе, Жизнь царя Ираклія.

II.

1.

Но, продолжали существовать условия, побуждавшие Грузию к союзу с Россией — продолжались и попытки Ираклия в этом направлении. Неудачные вначале, попытки эти привели, наконец, к желанной цели, — к грузино-русскому трактату 24-го июля 1783 г.

Во время пребывания русского корпуса в Грузии, она находилась силой вещей, под покровительством России. Однако, отношение это не получило определенной юридической формы, что не мешало соседям Грузии и самим грузинам считать, что она находится в защите и покровительстве российского. Владетели грузинские неоднократно напоминают в грамотах о своем издавнем подданстве русскому престолу¹; они так ввели в надвигающееся исполнение старинной мечты их предков, что легко смешивали возможное с действительным. Однако, они отлично понимали ценность — и необходимость формальной гарантии: не даром так жаждали „внесения в трактат“. И вот, еще во время пребывания русских войск в Грузии, накануне получения письма об их отзыве, Ираклий посылает императрице письменное представление об условиях, на которых он желал бы поступить под покровительство России. С этой целью он отправляет ко двору сына своего, Левана, и брата — католика Антония. Он совершенно ясно выражает свое желание: он просит „удостоить нас ныне таким покровительством, дабы всем, как доброжелателям нашим, так и неприятелям, видно было, что я нахожусь точным подданным российского государства, и мое царство

¹ Грамоты, № 151. Письмо Ираклия Панину. „Предки мои еще передь симъ предали себя и владѣніе свое блаженныя памяти великимъ государямъ Россійскимъ въ подданство и покровительство...“ Вообще в грамотах XVIII и XVII ст. нередко говорится о традиционном покровительстве, оказываемом Россией Грузии, во всяком случае, об давнишней „службѣ“ грузинских царей. Даже ренегат Константин III пишет Петру в 1724 г.: „Государю извѣстно, какими ревностными и вѣрными служителями были нашъ отецъ и дѣдъ, что Россійскіе государи оказывали имъ милости и обнадеживанія“ etc. Переписка грузинских царей с российскими государями, стр. 169; ср. ib. 172, 166. Конечно, в основѣ этой традиціи лежатъ действительные факты грузинско-русских сношеній и политическія потребности страны, но, затѣмъ на извѣстную часть грузинскаго общества имѣли вліяніе и ультра-православныя взгляды на Россію, какъ на третій Римъ и т. п. Въ замѣчательной грамотѣ царя Имеретинскаго Александра 1732 г. императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ читаемъ: „Какъ въ прежнее время совершилось преобразование древняго Рима въ новый Римъ, который есть Византія, и Кесарь былъ замѣненъ другимъ Кесаремъ, такимъ же образомъ за наши грѣхи кончилось и это государство, и власть перешла къ новому царству и кесарству, замѣнившему Константинополь, которое и есть Бѣлая Россія великаго сѣвера, святаго города Москвы“ и т. д. (ib. 193). Ср. *Дьяконовъ*, „Власть московскихъ государей“, стр. 63. Очевидно, такая теорія имѣла бы больше успѣха въ XVI ст. — или въ концѣ XIX-го. Для Бирона это пища неудобоваримая.

Выше мы видѣли, какъ правительства Петра I и Екатерины II умѣли использовать наивную вѣру грузинъ въ „третій Римъ“. См. гл. IV и VI.

присовокуплено къ Россійской Имперіи¹. А на какихъ основаніяхъ должно произойти это „присовокупленіе“, это подробно излагаются въ Иракліевомъ проектѣ условій².

Условія, имѣ предложенныя, совершенно подтверждаютъ высказанную уже выше мысль, что грузины, ища подданства у Россіи, переносили *mutatis mutandis* на свое отношеніе къ православному сюзерену тѣ формы, въ которыхъ обнаруживалась исторически сложившаяся зависимость Грузіи отъ Персіи. Самъ Ираклій, въ молодости бывшій несколько лѣтъ вассаломъ Надирь-шаха, зналъ по опыту эти формы.

Иначе не могло и быть: разъ неясному и расплывчатому „покровительству“ и оборотной его стороной — „подданству“ надо было придать отчетливыя очертанія, то откуда ихъ взять, какъ не изъ знакомой всѣмъ дѣйствительности? Юридическое творчество и находчивость, да еще въ такомъ вопросѣ, какъ соединеніе государствъ, не могло имѣть мѣста тамъ, гдѣ раны измѣряли ячменными зернами и оплачивали по счету зеренъ, и гдѣ цари собственноручно водили воиновъ въ атаку.

Свое отношеніе къ шаху Надиру и отношеніе къ Россіи самъ Ираклій сближаетъ, когда, разъясняя одно недоразумѣніе съ генераломъ Сухотинымъ, пишетъ ему: „если персидскому государю справедливо и вѣрностью служилъ, кольми паче столь долженствую служить православному государю“³.

Въ замѣнъ покровительства и помощи, Ираклій обязуется прислать къ В. двору, въ качествѣ заложниковъ, одного изъ сыновей своихъ, а также нѣсколькихъ князей и дворянъ. Населеніе уплачиваетъ въ казну Имперіи по 70 коп. со двора. Присылается ежегодно по 14 наилучшихъ лошадей. Въ замѣнъ извѣстнаго количества невольниковъ и вьюковъ наилучшаго вина, что взималось нѣкогда мусульманами, Ираклій беретъ привозить ежегодно 2,000 ведеръ въ Кизляръ. Наконецъ, когда утвердится спокойствіе въ Грузіи, Ираклій будетъ представлять солдатъ съ такого числа дворовъ, съ какого числа душъ они набираются въ Имперіи. Заложники, дань деньгами, виномъ, наборы воиновъ — все это, съ небольшою видоизмѣненіями, взято изъ политическаго опыта Грузіи. Упоминается также о дани шелкомъ — обыкновенъ прежде въ Персіи платежномъ средствѣ⁴.

Съ другой стороны, въ словахъ Ираклія звучитъ надежда на исполненіе завѣтной національной идеи. Присылка регулярныхъ войскъ для защиты Грузіи и для военныхъ дѣйствій противъ турокъ дастъ, наконецъ, возможность вернуть отторгнутую турками Ахалцихскую область — Ираклій проситъ, чтобы ближайшей же весною было повелѣно приступить къ ея завоеванію: это старая грузинская земля, тамъ говорятъ по грузински и много христіанъ. Участь же другихъ, не грузинскихъ земель, завоеванныхъ совмѣстно русскимъ и грузинскимъ оружіемъ — будетъ зависѣть отъ государыни.

Мы видимъ, что каждое слово Иракліева „представленія“ опирается на плачевную исторію Грузіи и на ея чаянія, не задавленные еще окончательно.

Содержаніе этого „представленія“ — прямой источникъ договора 1783 г.

¹ Грамоты № 144. Не забудемъ, что номинальное подданство Грузіи начинается еще съ конца XVI вѣка. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ было прибавлено къ титулу московскихъ царей: „Государь Иверскія земли и грузинскихъ царей“.

² Ib. № 143.

³ Грамоты, стр. 487.

⁴ Какую роль игралъ сборъ шелкомъ въ доходахъ — объ этомъ много сообщаетъ напр. Олеарій.

2.

Но когда Ираклій предлагалъ свои условія и отправлялъ пословъ въ Россію, вопросъ объ отозваніи русскихъ войскъ изъ Закавказья уже былъ рѣшенъ; окончательно разочаровались и въ грузинской экспедиціи, и въ грузинахъ. Поэтому, пословъ продержали цѣлый годъ въ Астрахани, а затѣмъ отвѣтили на ихъ „докучныя“ просьбы отрицательно. 8-го февраля 1773 г. Панинъ писалъ Ираклію, что посланное ко двору представленіе о заключеніи формальнаго союза между Россіей и Грузіей признано несвоевременнымъ, и что Львовъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Грузіи, отзывается обратно¹. А въ слѣдующемъ 1774 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія трактата въ Кучукъ-Кайнарджи, прислана Ираклію грамота императрицы Екатерины, въ которой проводится мысль, что теперь военная помощь и, вообще, открытое покровительство едва ли окажутся для Грузіи выгодными; да и изъ опыта экспедиціи видно, что при тамошнихъ несогласіяхъ и неудобствахъ, содержаніе русскаго войска въ Грузіи вовсе не приносило пользы. Однако, въ той же грамотѣ выражено полное доброжелательство грузинскому народу, и особенно милостивое отношеніе къ Ираклію. Поэтому, обращаясь къ болѣе цѣлесообразнымъ средствамъ оказанія помощи, Императрица твердо намѣрена „при будущемъ заключеніи съ Портою мира формально взять отъ нея обѣщаніе о безопасности и безвредности грузинскаго народа, а на себя и точное всего того наблюденіе“².

Что письмо Панина не совсѣмъ еще искоренило въ Иракліи надежду на удачный исходъ посольства, видно изъ того, что во вступленіи къ договору, заключенному лѣтомъ 1773 г., отчасти по внушенію представителя Россіи, между Иракліемъ и Соломономъ Имеретинскимъ, заявляется о ихъ „всеусерднѣйшемъ желаніи находиться въ подданствѣ всепресвѣтлѣйшей государыни нашей, императрицы Е. А.“ и т. д.³. Вторымъ пунктомъ этого договора рѣшено дѣйствовать совмѣстно противъ всѣхъ враговъ Россіи и христіанства.

Само собою разумѣется, что горькая для Ираклія пилюля отказа вызолачивалась, какъ слѣдуетъ, золотомъ утѣшительныхъ, милостивыхъ словъ. Отказъ сколько-нибудь рѣзкій, суровый былъ бы слишкомъ грубой ошибкой, какой нельзя было ожидать не только отъ вельможъ Екатерины, но и отъ московскихъ политиковъ⁴.

3.

¹ Грамоты, № 167.

² Ib. № 179. 31 декабря 1773 г. Вручено царевичу Леону 5 февр. 1774 г. (въ С.-Петербургѣ).

³ Ib. № 170. Грузинскій текстъ въ II-мъ томѣ, № 72. По возвращеніи изъ ихъ неудавшейся миссіи католика Антонія и царевича Леона, Ираклій еще разъ просилъ о разсмотрѣніи его просьбы. См. „Представленіе отъ царя Ираклія имп. Екатеринѣ II“ 24 авг. 1774 г. т. II-й, № 75.

⁴ Вообще жс тонъ писаній петербургскихъ дипломатическихъ канцелярій — величественно-снисходительный, какъ подобаетъ великой Имперіи, сносящейся съ маленькимъ народомъ, нуждающимся въ ея помощи. Иногда встрѣчаются фразы, которыхъ можно бы было и избѣжать — но, во-первыхъ, грузинскія просьбы могли причинять порой, дѣйствительно, „докуку великую“; во-вторыхъ, едва ли этотъ тонъ слишкомъ задѣлывалъ грузинъ, въ ихъ положеніи и при ихъ взглядѣ на Россію, какъ на источникъ всяческой истины.

Такое безразличное отношеніе къ грузинскому вопросу продолжалось еще нѣкоторое время и стоитъ въ связи съ восточными дѣлами Россіи вообще. На правомъ флангѣ наступательнаго движенія къ двумъ морямъ вниманіе ея было поглощено Крымомъ и Кубанью, въ Закавказьѣ интересы Россіи и Турціи не сталкивались послѣ трактата въ Кучукъ–Кайнарджи, персидская же политика была выжидательная. Въ Персіи пока было спокойно; Керимъ–хана признавали въ большой ея части; но онъ не былъ такъ силенъ, чтобы безпокоить сосѣдку. Зато боялись, что излишнее вмѣшательство Россіи въ дѣла Дагестана и Закавказья можетъ вызвать усиленіе въ Персіи центральной власти и броженіе, опасное для Россіи. Итакъ, чтобы не нарушить благопріятнаго для нея усыпленія Персіи, въ 1776 году былъ очищенъ Дербентъ, куда ген. Медемъ ввелъ было гарнизонъ, безъ прямыхъ на то полномочій, .по приглашенію дербентскаго Фетали–хана. Занятіе Дербента послѣдовало экспромтомъ, вслѣдъ за экспедиціей, съ карательной цѣлью, въ Дагестанъ¹.

Одновременно съ такимъ рѣшеніемъ вопроса о Дербентѣ, рѣшенъ былъ, на основаніи Высочайшей воли, и другой, неожиданно возникшій вопросъ.

Дѣло въ томъ, что узнавъ о походѣ Медема, царь Ираклій прислалъ просить генерала, чтобы онъ приблизился къ Грузіи со стороны Дербента и предпринялъ бы завоеваніе смежныхъ странъ. Но планъ этотъ ни мало не согласовался съ политическими разсчетами Россіи, и въ рескриптѣ Медему предписывается безповоротно отказать Ираклію въ такой просьбѣ².

Для того, чтобы грузино–русское сближеніе приняло болѣе отчетливую, осязательную форму, не достаточно было историческаго тяготѣнія съ одной стороны и платоническихъ благожеланій съ другой. Нужно было, чтобы навстрѣчу грузинскимъ исканіямъ, вытекавшимъ изъ первѣйшихъ нуждъ страны и династіи — шли не менѣе практическіе виды и разсчеты русскаго правительства. Всякій разъ, когда съ двухъ сторонъ велась линія практической политики, точка пересѣченія двухъ линій давала осязательные, практическіе результаты. Иначе, грузино–русскія отношенія не вступали въ дѣловой фазисъ. При этомъ не важно, что побужденія одной и другой стороны взаимно не гармонировали. Важно было, чтобы каждая изъ нихъ шла къ опредѣленной практической цѣли — исходъ же совокупныхъ дѣйствій рѣшался не пожеланіями и ожиданіями, а наличностью обстоятельствъ и соотношеніемъ могущества. Это достаточно подтверждается изложенными эпизодами грузино–русскихъ отношеній и дальнѣйшимъ ходомъ событій.

III.

1.

Прошло немного времени, и вниманіе Россіи снова обратилось на Грузію, снова сказалась во всей полнотѣ выгода для Россіи тѣхъ симпатій, какими она пользовалась по ту сторону Кавказскаго хребта. Пышно расцвѣтшіе теперь замыслы на Персію снова указывали на Грузію, какъ на одну изъ пружинъ азіатской политики Россіи. Послѣ давно ожидавшейся смерти престарѣлаго Керимъ–хана (онъ умеръ въ Ширазѣ, въ началѣ 1779 г.), наступившая въ Персіи анархія дала русскому правительству поводъ возобновить попытку Петра

¹ Поводомъ этой экспедиціи было убійство проф. Гмелина.

² Бутковъ. Матеріалы т. II, гл. 73.

Великаго — воспользовавшись смутнымъ временемъ въ Персіи, стать твердой ногой на южномъ побережьи Каспійскаго моря. Петровскіе планы относительно восточной торговли, устройства коммерческаго порта на Каспійскомъ морѣ и т. д. нашли въ князѣ Потемкинѣ продолжателя, способнаго изъ политической идеи сдѣлать фантастическое преувеличеніе и мѣру, по существу дѣльную, практическую, обставить самыми причудливыми арабесками. Мы не будемъ говорить о проектѣ постройки города Мелоссополя (т. е. пчелинаго), куда должны были стекаться купцы изъ Тибета, Кашемира, Индіи, а также и болѣе близкихъ странъ: чувствуется, что проектъ этотъ вышелъ изъ той же лабораторіи, что и проекты городовъ въ южно-русскихъ степяхъ — съ шелковыми фабриками, консерваторіями, базиликами, пропилеями и чуть не акрополемъ¹.

Но люди съ такими планами имѣли власть и, для исполненія ихъ, могли приводить въ движеніе полки на сушѣ и корабли на моряхъ.

Заранѣе предвидя неизбежную послѣ смерти Керимъ-хана анархію, русское правительство, еще до его смерти, стало съ лихорадочной поспѣшностью готовить морскую экспедицію, а лѣтомъ 1781 г. эскадра графа Войновича уже бросила якорь въ Астрабатскомъ заливѣ. Затѣмъ, разсматривая берегъ, какъ *res nullius*, и войдя въ роль *primi occupantis*, Войновичъ не шутя приступилъ къ основанію „Мелиссополя“, но увы! пчелы, которыхъ онъ тамъ искалъ, вмѣсто меда, познакомили его со своимъ жаломъ.

Владѣтель Астрабата, Ага-Магометъ-ханъ каджарскій, со временемъ, основатель нынѣшней династіи шаховъ, а пока одинъ изъ претендентовъ, покинувшій Ширазъ сейчасъ же послѣ смерти Керима, чтобы изъ родового владѣнія своего начать „поиски“, — вѣроломный Ага-Магометъ-ханъ хитростью заманилъ въ ловушку все начальство русской эскадры, и, велѣвъ схватить беззащитныхъ офицеровъ во время идиллической пирушки, наложилъ колодки на ихъ ноги.

Эта выходка Ага-Магометъ-хана не прошла ему даромъ, но основать колонію въ Астрабатскомъ заливѣ не удалось.

При наличности нѣсколькихъ претендентовъ на иранскій престолъ, правительству русскому предстояла возможность, взвѣсивая шансы соперниковъ, обѣщать свою поддержку тому, кто за это можетъ больше дать.

Ласкался было къ Россіи и Ага-Магометъ-ханъ, но, пока, дѣла его шли не блестяще, и ему лишь напомнили о „дерзновенномъ поступкѣ его съ російскими офицерами“. Сынъ Керима, Абдулъ-Фети-ханъ молилъ о помощи, обѣщая всю Персію отдать подъ покровительство Россіи, — но онъ скоро умеръ, въ рукахъ Али-Мурать-хана, овладѣвшаго Ширазомъ и ставшаго на время самымъ виднымъ изъ претендентовъ, на шахскій тронъ.

2.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что опять пришло время персидской политики, и нужно было пользоваться всѣми благопріятными обстоятельствами. При такихъ условіяхъ, не трудно было догадаться о выгодѣ союза съ Грузіей; благодаря ему, Россія имѣла бы твердую точку опоры по сосѣдству съ театромъ, на которомъ она собиралась дѣйствовать въ широкомъ масштабѣ.

Разъ союзъ съ Грузіей былъ подсказанъ русскому правительству его видами на Персію, то осуществить это дѣло было очень легко, такъ какъ въ Грузіи для такого союза почва была всегда готова.

¹ Ср. *Дитятинъ*. Устр. и управл. городовъ Россіи, т. I, стр. 376.

Попытки Ираклія завести сношенія и испросить помощь у императора Іосифа І не привели ни къ чему, и, понятно, что когда, черезъ нѣмецкаго искателя приключеній доктора Рейнегса, Потемкинъ сдѣлалъ ему надлежащій намекъ, Ираклію оставалось лишь повторить заявленныя имъ десять лѣтъ назадъ условія.

Въ свою очередь, весною 1783 г. Потемкинъ прислалъ свой проектъ трактата, который въ значительной части совпадалъ съ условіями Ираклія¹.

Такимъ образомъ, 24 іюля 1783 года былъ подписанъ въ Георгіевскѣ русскими и грузинскими полномочными знаменитый трактатъ², къ разсмотрѣнію котораго мы и перейдемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Грузино–русскій трактатъ 1783 года.

I.

1.

Предметъ договора 1783 г. есть, какъ говорится въ именномъ указѣ Сенату, „признаніе царемъ карталинскимъ и кахетинскимъ Иракліемъ Вторымъ надъ собою Верховной власти и покровительства Россійскихъ императоровъ“.

Издавна, гласить вступленіе къ трактату, „Всероссійская Имперія по единовѣрію съ грузинскими народами служила защитой, помощью и убѣжищемъ тѣмъ народамъ“ и ихъ владѣтелямъ. Покровительство царямъ грузинскимъ произвело ту зависимость ихъ отъ Самодержцевъ Россійскихъ, которая „наипаче“ обнаруживается изъ самаго императорскаго титула.

Нынѣ же заключается дружественный договоръ, посредствомъ котораго царь Грузинскій „ознаменилъ бы торжественнымъ и точнымъ образомъ обязательства свои“ по отношенію къ Имперіи, а съ другой стороны, и Е. И. В. также „могла бы ознаменить торжественно, каковыя преимущества и выгоды отъ щедрой и сильной ея десницы даруются“ народамъ и владѣтелямъ Карталино–кахетинскаго царства.

Признаваемая такимъ образомъ надъ Грузіей власть императоровъ очевидно исключаетъ „подданство“ какой нибудь иной державѣ. Поэтому, въ первой же статьѣ трактата Ираклій „торжественно навсегда отрицается отъ всякаго вассальства, или подъ какимъ бы то титуломъ ни было, отъ всякой зависимости отъ Персіи, или иной державы; и симъ объявляетъ передъ лицомъ всего свѣта, что не признаетъ надъ собой и преемниками инаго самодержавія, кромѣ Верховной власти и покровительства Е. И. В.“ и ея преемниковъ.

¹ Ровно за десять лѣтъ объ условіяхъ этихъ Панинъ говорилъ: „странныя и совсѣмъ и не по времени учиненныя предложенія“. Грамоты etc., стр. 400.

² II. С. 3. № 15,835. Уполномоченными со стороны Россіи былъ генераль–поручикъ П. Потемкинъ, со стороны Грузіи „генераль отъ лѣвой руки“ князь Іоаннъ Константиновичъ Багратіонъ–Мухранскій и князь Гарсеванъ Чавчавадзе.

Этимъ Ираклій заявляетъ подданство своему сюзеру — Императрицѣ; далѣе, слѣдуетъ обѣщаніе вѣрности и готовности способствовать пользѣ Имперіи во всякомъ случаѣ, гдѣ это „будетъ потребовано“ (ib. арт. 1). Съ своей стороны, Е. И. В. „равномѣрно обѣщаетъ и обнадеживаетъ императорскимъ своимъ словомъ за себя и преемниковъ своихъ, что милость и покровительство ихъ отъ Свѣтлѣйшихъ царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ никогда отъемлемы не будутъ. Въ доказательство чего, Е. В. даетъ Императорское свое ручательство на сохраненіе цѣлости настоящихъ владѣній Е. С. Царя Ираклія Теймуразовича, предполагая распространить таковое ручательство и на такія владѣнія, кои в теченіе времени и по обстоятельствамъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ за нимъ утверждены будутъ“ (ib. арт. 2).

Гарантія цѣлости и неприкосновенности грузинской территоріи и есть именно то, ради чего Ираклій налагаетъ на себя рядъ обязательствъ по отношенію къ Россіи. Обязательства эти лишаютъ его свободы дѣйствій, ограничиваютъ полноту его правъ, какъ государя Грузіи; и этому ограниченію, вѣрнѣе, тѣмъ ограниченіямъ, которыя указаны въ договорѣ, соотвѣтствуетъ рядъ притязаній, вытекающихъ для императорскаго правительства изъ верховенства Россіи надъ Грузіей, признаннаго Иракліемъ, на основаніи трактата.

Преимущественное значеніе имѣютъ именно тѣ статьи трактата, которыя опредѣляютъ, чего можетъ требовать Россія отъ Грузіи (и, значить, къ чему послѣдняя обязана) — и чего Грузія въ правѣ ожидать отъ Россіи (что, слѣдовательно, послѣдняя обязана дать ей).

Въ этомъ соотвѣтствіи взаимныхъ правъ и обязанностей и проявляется договорный характеръ связи между Грузіей и Россіей по трактату 1783 г., хотя, по характеру своему, это и есть такъ называемый *foedus non aequum*, т. е. неравный союзъ. Но, послѣднее обозначеніе свидѣлствуетъ лишь о политическихъ условіяхъ, поведшихъ къ заключенію договора, и о соотношеніи могущества сторонъ; само же договорное начало и правовая природа договора ни мало отъ этого не страдаютъ.

2.

Отнынѣ, цари грузинскіе, вступая по наследственному династическому праву на престолъ Карталініи и Кахетіи, тотчасъ же извѣщаютъ объ этомъ Русское правительство и испрашиваютъ, черезъ посланниковъ своихъ, Высочайшаго „подтвержденія“ на царствѣ съ инвеститурою. При полученіи инвеститурныхъ знаковъ¹, царь въ присутствіи Россійскаго резидента приноситъ „присягу на вѣрность и усердіе къ Россійской Имперіи и на признаніе верховной власти и покровительства Всероссійскихъ императоровъ“.

Какое значеніе имѣетъ, въ данномъ случаѣ, императорская инвеститура? Равносильна ли она султанскому фирману, который *de jure* необходимъ при восшествіи на престолъ египетскихъ хедивовъ и князей болгарскихъ?

Или возьмемъ примѣръ болѣе близкій. Цари-мусульмане получали власть надъ Грузіей на основаніи шахскихъ указовъ; присылались и подарки, имѣвшіе значеніе инвеститурныхъ знаковъ. Съ точки зрѣнія грузинской — національной и христіанской — Багратида имѣли власть „Божьей милостью“. Но съ точки зрѣнія персидской — а также грузинъ-ренегатовъ,

¹ Именно: грамоты, знамена съ гербомъ Всероссійской Имперіи, имѣющимъ внутри себя гербъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго, сабли, повелительнаго жезла и мантии или епанчи горностаевой (арт. 3-й).

вступленіе на престолъ обусловливалось, въ такихъ случаяхъ, шахскимъ фирманомъ. Поэтому, они были царями „многостью счастливаго шаха“¹.

Какое же значеніе имѣла инвеститура русскихъ императоровъ, по трактату 1783 г.? Она ничего не имѣла общаго съ инвеститурой шахской. Цари „вступаютъ наслѣдственно на царство ихъ“ — а затѣмъ, немедленно озабочиваются испрошеніемъ императорской инвеституры. Послѣдней обусловливается не власть царя въ Грузіи, а лишь право на „преимущества и выгоды“, даруемая царямъ Карталиніи и Кахетіи разбираемымъ трактатомъ.

Такимъ же условіемъ является и присяга, приносимая царемъ. Иначе говоря, царь восходитъ на престолъ и приводитъ къ присягѣ своихъ подданныхъ независимо отъ инвеституры; но притязать на помощь и покровительство Россіи онъ можетъ лишь послѣ полученія инвеституры и принесенія присяги, по формѣ, установленной трактатомъ.

Какія же обязанности вытекаютъ для царя изъ признанія надъ собой верховенства имперіи?

Прежде всего — и въ этомъ заключается ограниченіе полновласти Ираклія — онъ отказывается отъ свободы внѣшнихъ сношеній, которыя отнынѣ могутъ совершаться только по предварительному соглашенію съ пограничнымъ русскимъ начальствомъ и съ резидентомъ.

Далѣе, Ираклій обязуется способствовать пользѣ Имперіи при всякомъ требованіи. Но это общее постановленіе арт. 1 получаетъ ближайшее разъясненіе въ арт. 7, по которому царь обѣщаетъ „быть всегда готовымъ на службѣ Е. В. съ войсками своими“.

Что же обѣщано царямъ за признаніе верховенства, отказъ отъ самостоятельной внѣшней политики и готовность „служить?“ Гарантія и полная неприкосновенность территоріи; обезпеченіе и въ будущемъ престола за династіей Багратіоновъ; невмѣшательство въ сферу внутренняго управленія Грузіи. Затѣмъ, какъ прямое послѣдствіе отказа отъ внѣшнихъ сношеній и тѣснаго единенія Грузіи съ Имперіей — статью устанавливается, что миръ съ Портой Оттоманской или Персіей, или иной державой, заключаемый Россіей, распространяется и на Грузію. Но, артикулъ этотъ надо понимать шире — изъ всего трактата ясно, что въ международныхъ дѣлахъ владѣнія Ираклія будутъ считаться входящимъ въ составъ Имперіи. Конечно, главное значеніе имѣли отношенія Грузіи къ Турціи и Персіи; въ 1783 г. Россія взялась быть для Грузіи стѣной и оплотомъ противъ этихъ мусульманскихъ державъ.

Таковы обязательства сторонъ по трактату 1783 г.; таковы его существенныя черты — болѣе подробнаго разсмотрѣнія трактатъ этотъ не заслуживаетъ, такъ какъ, въ самыхъ главныхъ своихъ частяхъ, оказался сочетаніемъ словъ и желаній, не увидѣвшихъ своего осуществленія. Скажемъ лишь, что всѣ прочія многочисленныя опредѣленія трактата естественно вытекаютъ изъ взаимной связи и близости, какая создавалась между Имперіей и Грузіей трактатомъ 1783 г.².

¹ Впрочемъ, въ грузинскихъ грамотахъ оба источника власти, Богъ и шахъ, упоминаются иногда одновременно.

² Грузинскій текстъ трактата и сепаратныхъ артикуловъ напечатанъ у Цагарели, т. II, № 76, стр. 99–110. Отличительную черту грузинской редакціи составляетъ болѣе полный титулъ царя. Здѣсь онъ титулуется: „наслѣдственный государь и владѣтель Ираклій Второй, Божьей милостью и благоволеніемъ Е. И. В. царь Карталинскій, царь Кахетинскій, наслѣдственный владѣтель Самцхе–Саатабагскій, владѣтельный князь Казахскій, Борчалинскій, Шамшадильскій, Какскій, Шакійскій, Ширванскій, владѣтель и повелитель

II.

Спрашивается, теперь, к какому типу общения государств относится „дружественный союз“, созданный этим трактатом? Была ли Грузия (от 1783–1801 г.) в вассальной зависимости от России, или находилась под ее протекторатом? Ни то, ни другое, или, лучше, одновременно и то, и другое. Можно подумать, что это — как раз отношение вассальной зависимости, потому что Ираклий, ради своего подданства России, обещает не становиться в вассальную зависимость ни от кого другого.

Конечно, говоря вообще, Ираклий был вассалом России, купившим у нее цѣной обязанности „служить“ полную гарантию своих владѣній и престола. Но зависимость Грузии не была вассальной в точном и специальном смысле слова. Грузия была послѣ 1783 г. государством несuverенным, зависящим от другого; но, она стала несuverенным государством путем добровольного отречения от нѣкоторых своих прав, путем договорного самоограничения, а не является созданием государства-сюзерена, сообщающего односторонней волей своей свойства несuverенного государства провинции или завоеванной странѣ. Только в послѣднем случае — когда зависимая политическая единица является креатурой сюзерена (с юридической точки зрѣнія), можно говорить о вассальности¹. Примеръ: вассальные государства, входящая (de jure) в состав Оттоманской империи — они созданы султанскими фирманами. Более старым и типичным примером может служить обычный в средние века акт предоставления сюзереном кому-нибудь ленного владѣнія со всеми относящимися сюда правами и властью, под условием вассальной службы.

Очевидно, что в этом смысле Грузия не была вассалом России. Но в договорном отношении, созданном трактатом 1783 г., нельзя видѣть и протектората в современном смысле слова, так как „служба“ сюзерену, играющая видную роль в грузино-русском договорѣ, для протектората никакого значения не имѣет². Общего же у Грузии с государствами, находящимися под протекторатом, то, что всѣ они были государствами до и независимо от установления позднѣйшей зависимости.

Итакъ, разбираемый случай не подходит ни под понятие вассальности, ни под понятие протектората — в строгом смысле, и подходит одинаково и под одно, и под другое, если разумѣть их более обще.

Названные понятия созданы юридической догматикой, имѣющей дѣло с определенным кругом фактов. Поэтому они и не имѣют общаго значения³.

Ганджи и Эривани“. См. там же ратификацию Ираклия от 24 янв. 1784 г., скрѣпленную князьями Давидом Орбелиани и Кайхосро Чолокаевы.

¹ *Despagnet. Essai sur les protectorats.* p. 46–48.

² Поэтому, едва ли правильно мнѣние, будто „зависимость Грузии по трактату 1783 года представляла чистый вид протектората“, высказанное в прекрасной статьѣ г. Хелтуплишвили (И. Х.) „Вступление Грузии в состав Российской Империи. Юридическій Вѣстникъ за 1891 г. № 7–8, стр. 354.

³ Поэтому же они шатки, произвольны и расплывчаты когда изъ нихъ желаютъ дѣлать общія категории. Благоразумнѣе, держаться такихъ широкихъ классификацій, какъ напр. у *Rivier, Principes du suzerain, le protectorat, espèce particulière de souveraineté coloniale, le protectorat proprement dit ou la protection*). Различаютъ также протекторатъ государственнаго права (что равносильно вассальной зависимости) и протекторатъ международнаго права и т. д. Нашъ случай относится къ послѣднему разряду.

Но такіа общія понятія, какъ несuverенное государство, самоограниченіе путемъ договора и двустороннее соглашеніе (стипуляція) относительно того, въ чемъ будетъ состоять зависимость — охватываютъ и нашъ случай, и мы видимъ, что съ 1783 г. Грузія является несuverеннымъ государствомъ, обязавшимся службой сюзерену и отказавшимся въ его пользу отъ самостоятельнаго завѣдыванія внѣшними дѣлами, въ замѣнъ гарантированной ему международной охраны его территоріи и обезпеченія престола за національной династіей¹.

Что касается формы, въ которой выразилась зависимость Грузіи отъ Россіи по трактату 1783 года, то мы уже видѣли какъ должны были вліять на эту форму черты былой зависимости Грузіи отъ Персіи. Востокъ гораздо долѣе, чѣмъ Западъ, хранилъ и хранить всякіе образцы политическихъ соединеній, основанныхъ на отношеніи сюзерена и вассала. Точно также прибѣгала къ этимъ формамъ, подражая тому, что было на мѣстѣ, и Остъ-индская компанія, заключившая съ индійскими государями не мало договоровъ, похожихъ на договоръ 1783 г. Но хотя въ договорахъ этихъ и говорилось о „службѣ“, какой раджи обязаны компаніи, преимущественно, въ видѣ военной помощи, но англичанъ занимала, главнымъ образомъ, не эта помощь, а контроль надъ политикой раджей и устройство выгодныхъ для компаніи комбинацій между туземными князьями. Поэтому, мало по-малу вассальность замѣнялась чистымъ протекторатомъ, вообще-же, договоры компаній съ индійскими князьями представляютъ переходную ступень отъ настоящей вассальной зависимости къ настоящему протекторату².

И отношеніе Грузіи къ Россіи 1783–1801 г., не отличаясь тщательностью и законченностью юридической отдѣлки, относится къ „переходнымъ“ формамъ соединеній, да и въ жизни имѣло переходное — и весьма преходящее значеніе.

Съ приведенными оговорками, можно его (т. е. это отношеніе), для удобства, называть протекторатомъ — и, затѣмъ, приступить къ разсмотрѣнію того, какъ Россія этотъ протекторатъ осуществляла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Грузія подъ протекторатомъ Россіи.

I.

Поздней осенью 1783 г. прибыли въ Тифлисъ вслѣдъ за ратификаціей и инвеститурными знаками — два російскихъ баталіона. Очевидно, такое количество войска признавалось достаточнымъ для гарантіи цѣлости грузинской территоріи и будущихъ приобрѣтеній (т. е. тѣхъ „земель грузинской короны“, которыя надо было еще отобрать у мусульманъ³.

¹ Не трудно замѣтить, какъ первоначальныя предложенія Ираклія получили шлифовку въ трактатѣ. О дани, которую Ираклій обязывался платить — въ немъ нѣтъ ни слова: всякій пойметъ, что если Ираклій могъ ее предлагать, то императрицѣ не пришло бы въ голову согласиться на это.

² *Heilborn. Das völkerrechtliche Pretektorat., S. 5.*

А лѣтомъ 1787 г, полковникъ Бурнашевъ, во время похода грузинъ и русскихъ баталіоновъ подъ Ганджу, получаетъ повелѣніе оставить Закавказье; не смотря на усиленные просьбы царя, не смотря на то, что приходилось не довести до конца удачно начатый походъ, Бурнашевъ, исполняя приказаніе, маршируетъ обратно и возвращается съ русскимъ отрядомъ на „линію“. Почему же такое, повидимому, пагубное для Грузіи рѣшеніе?

Какъ это ни странно, но однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ отозванія войскъ изъ Грузіи было то соображеніе, *„что царю Ираклію удобнѣе будетъ обезопасить себя черезъ возобновленіе прежнихъ своихъ союзовъ, разрушившихся единственно пребываніемъ въ землѣ его російскихъ войскъ“*.

Необходимо пояснить, что 7 сентября того же 1787 г. объявленъ былъ манифестъ о войнѣ съ Турціей (это — вторая турецкая война). Правительство русское не думало на этотъ разъ учинять противъ Турціи „диверсію“ со стороны Грузіи, и, поэтому, русскіе баталіоны не должны были тамъ оставаться. На первый взглядъ можетъ казаться непонятнымъ, почему покидаютъ русскіе баталіоны Грузію передъ самой русско-турецкой войной, когда (казалось бы, по смыслу и буквѣ трактата) непріатели Россіи суть непріатели Грузіи, и обратно; и особенно, когда незадолго до того Грузія выдержала разрушительное и крайне опасное вторженіе предприимчиваго Омаръ-хана Аварскаго, съ которымъ не умѣли справиться соединенныя русско-грузинскія силы? Этого Омаръ-хана вдохновляла всячески Порты, черезъ ахалцихскаго пашу; какъ вообще она травила всѣхъ и вся на Грузію послѣ трактата 1783 года, чувствуя, кто стоитъ за спиной Грузіи, и что разумѣется подъ возвратомъ старыхъ грузинскихъ земель¹.

И, однако, какъ это ни парадоксально, но отозваніе русскихъ войскъ имѣло благопріятное послѣдствіе для Грузіи. Она на нѣкоторое время вздохнула свободнѣе.

Въ чемъ же дѣло? Просто въ томъ, что присланныхъ Россіей войскъ и примѣнявшихся ею средствъ протектората не было достаточно для того, чтобы обезопасить Грузію и дать ей покой; но было совершенно достаточно для того — и только для того, чтобы взбудоражить всѣ осиныя гнѣзда вокругъ Грузіи, всѣхъ пашей, хановъ, весь Дагестанъ².

Неудивительно, что разъ не сочли нужнымъ оказать помощь и протекцію въ полной мѣрѣ, такъ ужъ заблагоразсудили увести войска и предоставили на усмотрѣніе Ираклія „обезопасить себя черезъ возобновленіе прежнихъ своихъ союзовъ (т. е. съ пашами и ханами), разрушившихся единственно пребываніемъ въ странѣ его російскихъ войскъ“.

Но это зрѣлище сюзерена, взявшаго на себя заботу о внѣшней безопасности вассала и предлагающаго странѣ, находящейся подъ его протекторатомъ, выпутываться *самостоятельной дипломатіей*³ изъ затрудненій, къ которымъ привелъ этотъ протекторатъ — это зрѣлище разительное, чрезвычайное!

³ Относительно войскъ, имѣющихъ быть, введенными въ, Грузію, было постановлено въ „сепаратныхъ артикулахъ“, также какъ и о возвращеніи отторгнутыхъ провинцій.

¹ „Содержаніе 2-го арт. трактата, коимъ императрица Екатерина распространяла ручательство и на такія владѣнія царя Ираклія, кои въ теченіе времени приобрѣтены будутъ, указывало прямо на ахалцихскій пашалыкъ или Самцхе-Саатабаго, древнее достояніе царей грузинскихъ“. Бутковъ, т. II, гл. 125. Объявлять о такихъ замыслахъ предъ „лицомъ всего свѣта“ было грубой ошибкою со стороны заключавшихъ трактатъ.

² Даже побѣды, одержанныя, напримѣръ, въ 1785 г., не имѣли иныхъ послѣдствій. „Протекція, каковую съ 1783 г. давала Россія Грузіи, сказано было въ 1801 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, *вовлекло сію несчастную землю въ бездну золь, которыми она приведена въ совершенное изнеможеніе*“ etc. Арх. Госуд. Совѣта, т. III, ч. 2-я, 1197.

II.

1.

Когда въ 1783 г. заключали трактатъ съ Иракліемъ, и дружественный русскій отрядъ вторично проникъ въ долины Грузіи мрачнымъ Даріаломъ, имѣлась въ виду не одна охрана страны, отдавшей въ покровительство Россіи, но нѣчто большее. Грузія должна была быть лишь однимъ изъ аванпостовъ — и правымъ флангомъ наступательнаго движенія въ Персію.

Мы видѣли, каковы были замыслы Россіи послѣ смерти Керимъ-хана. Не смотря на неудачу графа Войновича, планъ Потемкина не только не захирѣлъ, но напротивъ, расцвѣлъ еще больше.

Послѣ принятія въ подданство Грузіи, сталъ искать того же одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей Дагестана, шамхаль Тарковскій. Еще до заключенія трактата 1783 г., обращались къ кн. Потемкину съ просьбой о покровительствѣ и помощи армянскіе мелики, утѣсняемые Ибрагимъ-ханомъ Карабагскимъ.

При такихъ условіяхъ зародилась мысль о принятіи въ протекцію Россіи Карабага и Карадага, объ одновременномъ наступленіи съ двухъ сторонъ — изъ Кизляра, черезъ Дербентъ, на югъ — и изъ Грузіи. Тогда же шли приготовленія въ Астрахани (думали, конечно, дѣйствовать и съ моря), и экспедицію предполагали предпринять лѣтомъ 1784 г. (чтобы раньше покончить съ дѣлами Кубани и Крыма). Но дипломатія Турціи въ Азербейджанѣ оказалась успѣшнѣе русской: Портѣ удалось перетянуть на свою сторону хановъ Карабагскаго и Хойскаго, склонявшихся уже было въ подданству Россіи.

Вслѣдъ затѣмъ, всякія рѣшительныя дѣйствія были пріостановлены, такъ какъ мелькнула возможность безкровнаго пріобрѣтенія многихъ земель.

Уже было сказано, что Али-Муратъ-ханъ, племянникъ Керимъ-хана, былъ въ это время сильнѣйшимъ изъ персидскихъ претендентовъ. Желая стать настоящимъ, признаннымъ шахомъ и считая, что никто, кромѣ Россіи, не можетъ закрѣпить за нимъ престола Сефевидовъ, онъ вошелъ въ сношенія съ кавказской „Линіей“ и предложилъ, за удовлетвореніе его просьбы,— болѣе чѣмъ щедрое вознагражденіе: помимо торговыхъ привилегій, онъ отдавалъ Россіи всѣ ея старыя завоеванія на берегахъ Каспія,¹ сверхъ того, области Карадагскую, Карабагскую, Нахичеванскую и Эриванскую — т. е. болѣе того, чѣмъ Россія теперь владѣетъ.

Князь Потемкинъ немедленно же отправилъ въ Персію спеціальнаго агента — но не суждено было осуществиться сказочной перспективѣ пріобрѣтенія задаромъ персидскихъ провинцій. Раньше чѣмъ дѣло дошло до окончательныхъ переговоровъ, Али-муратъ-ханъ умеръ (въ началѣ 1785 г.).

Тогда опаснѣйшій противникъ зендовъ, Ага-Магометъ-ханъ Каджаръ овладѣлъ Тегераномъ.

Однако, зенды еще далеко не складывали оружія. Братъ умершаго Али-Муратъ-хана, Джаферъ, утвердился въ Испаганѣ и оспаривалъ первенство въ Персіи у будущаго основателя каджарской династіи.

³ Именно отказъ государства, находящагося подъ покровительствомъ, отъ самостоятельной дипломатіи и составляетъ основное требованіе протектората.

¹ Уступленные обратно трактатами Рештскимъ и Ганджійскимъ (1732–1735). См. выше стр. 81–2.

ѣхавшій съ миссіей къ Али-Мурать-хану, полковникъ Тамара, пытался завязать сношенія съ Джафиръ-ханомъ, но безуспѣшно.

2.

Долго пришлось Ага-Магометъ-хану работать надъ дѣломъ объединенія Персіи. Не дешево, цѣной многихъ пораженій и неудачъ, путемъ вѣроломства и военного счастья, досталась ему, наконецъ, побѣда надъ зендскими владѣтелями. Въ 1789 г. умеръ Джаферъ-ханъ, но затѣмъ, сынъ его, храбрый Лютфъ-Али-ханъ, долго еще ставилъ помѣхи властолюбію Каджара. Только въ 1792 г. Ага-Магометъ-ханъ сталъ господиномъ въ Ширазѣ, а къ 1795 г., съ окончательнымъ торжествомъ надъ Лютфъ-Али-ханомъ, почти вся Персія повиновалась, наконецъ, одному господину.

Каковы же были отношенія Ага-Магометъ-хана къ Грузіи и къ Россіи?

За десять лѣтъ до того, когда и половина Персіи не признавала еще его власти надъ собой, когда ему нужна была опора въ борьбѣ съ другимъ, столь же, какъ и онъ сильнымъ, претендентомъ, Джаферъ-ханомъ, Ага-Магометъ увѣрялъ Ираклія въ своей дружбѣ и пытался черезъ него добиться русской помощи¹.

Съ своей стороны, князь Потемкинъ, зная, какъ усилился Ага-Магометъ-ханъ и предполагая получить отъ него то, чего по обстоятельствамъ не могъ ему дать Али-Мурать-ханъ — отвѣтилъ на заигрыванія Ага-Магомета посылкой особаго агента съ письмомъ, полнымъ благопожеланій и надеждъ на дальнѣйшее сближеніе.

III.

Но, если въ интересахъ Ага-Магометъ-хана было ласкаться къ Ираклію и къ Россіи, пока онъ былъ лишь однимъ изъ соперниковъ въ борьбѣ, исходъ который могъ зависѣть отъ всякихъ превратностей; и пока по сосѣдству съ Россіей, и не безъ поощренія съ ея стороны, мятежный братъ его оспаривалъ у него власть на южномъ берегу Каспія²; то инымъ долженъ былъ быть образъ дѣйствій повелителя Ирана, какимъ сталъ теперь Ага-Магометъ-ханъ. Возродился Иранъ, возродились и притязанія его, вытекавшія изъ старыхъ традицій и памяти о болѣе славномъ прошломъ.

Вотъ когда вопросъ о Грузіи выдвинется впередъ; пришло время для Персіи напомнить, какъ она понимаетъ свое отношеніе къ Гурджистану; пришло время Россіи показать, какъ она защищаетъ тѣхъ, кого приводитъ къ присягѣ на подданство.

¹ 23 декабря 1786 г. полномочный министръ Ираклія при Высочайшемъ Дворѣ, князь Г. Р. Чавчавадзе сообщилъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что ѣздившій въ Персію по своимъ дѣламъ кнзъ Циціановъ привезъ царю Ираклію отъ Ага-Магометъ-хана (передъ тѣмъ овладѣвшаго Испаганомъ) увѣренія въ дружбѣ, обѣщаніе уступить всѣ адербейджанскія провинціи по сосѣдству съ Грузіей, и просьбу — выхлопотать ему поддержку Россіи. *Цагарели*, т. II, Грузин. тексты, № 78. Но Ага-Магометъ-хан сносился и непосредственно съ Кавказской Линіей.

² Муртаза-Кули-ханъ неоднократно овладѣвалъ Гилянмъ и Рештомъ. Съ Рештомъ русскіе купцы давно вели торговлю, а гилянская провинція всегда привлекала особенное вниманіе Россіи; отсюда поддержка Муртаза-Кули-хану, желавшему съ помощью Россіи утвердиться въ Гилянѣ. *Бутковъ*, т. II и III.

Главный смысл трактата 1783 года для Грузии заключался в том, чтобы найти обеспечение против возможного вторжения Персии — вторжения, неизбежного лишь только появится властелин, способный служить восстановлению сферы влияния и могущества Ирана¹.

Грузия, давно независимая и свободная от обязательств по отношению к Персии, Грузия, торжественно отрекшаяся от всякой связи с ней в будущем — в глазах персиян все еще была их достоянием, добытым бесконечными, хотя далеко не всегда удачными, походами их шахов. Теория вассальной зависимости Грузии от Персии подсказывалась персиянам их политическими интересами, боязнью перед наступлением России через Грузию; теория эта пережила факты, некогда ей соответствовавшие; теперь пытались оживить эту старину, — безвозвратно отжившую, как показало последующее.

Грузия находилась под открытым и формальным покровительством России. Но одна сень крыльев российского орла, *umbra alarum*, не могла задержать дерзости шакалов и гиен. Нужны были пушки и батальоны. А их то и не прислали.

Как мы знаем, в 1787 г. русский отряд был отозван из Грузии. К приведенным причинам этого увода — и дальнейшей неприсылки условленной по трактату военной помощи — прибавим еще одну: неудачу плана касательно занятия персидских провинций одновременно со стороны Грузии и Каспийского моря.

Держать же в Грузии войска только для ее защиты не было расчета. В 1792 г., на усиленную просьбу Ираклия прислать обещанные два батальона, последовал Высочайший рескрипт генералу Гудовичу, начальствовавшему на Линии, с изъяснением, что ныне „отправлять в Грузию войска за благо не приемлется“². Посольство князя Гарсевана Чавчавадзе в 1794 г. имело не больше успеха³.

Чтобы помощь Грузии и протекторат не оставались звуком пустым, необходимо было предоставление пограничному начальству дискреционной власти — оказывать содействие, в известных рамках, конечно, но не ожидая всякий раз на то указа из Петербурга. Иначе,

¹ Это правильно понимает Роберт Ватсон. Царь Ираклий, по словам английского автора, предвидел, что Персия не простит ему его успехи „когда придет день, и Персия опять будет иметь одного правителя; вот почему, он подготовился на этот случай, вступив в тесный союз, оборонительный и наступательный, с Императрицей России“. R. G. Watson. A history of Persia etc. 1866, p. 89.

² Подробности в „Материалах“ Буткова.

³ Вторая кредитивная грамота Г. Чавчавадзе от 12 дек. 1793 г. у Цагарели, Груз. тексты, № 84; ср. письмо Ираклия Платону Зубову, от того же числа, ib. № 85; „представление“ Ираклия имп. Екатерине II 17-го января 1795 г., ib. № 88, его же письмо к гр. Безбородко 27 января 1795 г.; наконец, подана была кн. Чавчавадзе записка в Иностр. Коллегию; грузинский полномочный напоминает, между прочим, о том, что со времени объявления турецкой войны, когда грузины особенно наделялись на помощь, они ее вовсе лишены; что теперь „усилился Ага-Магомет-хан и уже приблизился к границам нашим и, находясь теперь в Ардевиле, замышляет привести Грузию в состояние, в каком она была во времена шахов персидских насилием“. В настоящее время царь взывает о помощи к своей могущественной покровительнице и т. д. Кн. Чавчавадзе просит Коллегию содействовать ускорению резолюции, в виду необходимости помощи заблаговременно, ib. № 90, стр. 117–118. Ср. полное тревоги письмо супруги Ираклия имп. Екатерине от 6-го июня 1795 г., ib. № 93.

Грузія могла быть завоєвана и разграблена десять разъ, прежде чѣмъ сдѣлано будетъ нужное распоряженіе о помощи.

Дискреціонная власть, о которой мы говоримъ, была условлена сепаратными артикулами трактата 1783 г.¹. Но названный рескриптъ 1792 г., въ глазахъ ген. Гудовича, отмѣнялъ право его оказывать пособіе по усмотрѣнію, и онъ ограничивался донесеніями и представленіями правительству о необходимости помочь — и платоническими угрозами персіянамъ.

Въ результатѣ оказалось, что только 4-го сентября 1795 г. Высочайше повелѣно „подкрѣпить царя Ираклія, яко вассала Россійскаго противъ непріязненныхъ на него покушеній, положенными по трактату съ ними двумя полными баталіонами пѣхоты“. Высочайшее повѣленіе это получено ген. Гудовичемъ 1 октября, а еще 12 сент. — Тифлисъ былъ взятъ и разоренъ Ага-Магометъ-ханомъ.

2.

Несмотря на свое кажущееся торжество, Ага-Магометъ-ханъ не достигъ главнаго: „валій“ Гурджистанскій продолжалъ быть царемъ Грузіи, и не признавалъ надъ собою верховенства Персіи. Не долго занимали персіяне столицу Грузіи — ихъ экспедиціи вглубь страны не имѣли успѣха, и еще въ октябрѣ 1795 г. они покинули предѣлы царства, царь вернулея въ Тифлисъ, энергично стали подымать его изъ развалинъ, и все пошло по-старому.

Понятно что Ага-Магометъ, до взятія Тифлиса, дѣлалъ предложенія Ираклію, и очень для него выгодныя, лишь бы онъ ему подчинился.

Затѣмъ, когда разрушенный Тифлисъ былъ занятъ персіянами, переговоры возобновились. Ага-Магометъ-ханъ обѣщалъ вернуть всѣхъ плѣнниковъ и поставить Ираклія надъ всѣмъ Адербейджаномъ, требуя отъ него за это признанія покорности и присылки заложникомъ одного изъ царевичей. Навѣрное можно сказать, что было бы благоразумно со стороны грузинъ признать, хотя бы временно, верховенство шаха, и отвести такимъ образомъ тяжкіе удары, обрушившіеся на страну². Поведеніе Ираклія по отношенію къ Ага-Магометъ-хану и его готовность вступить въ очевидно неравный бой, не измѣняя сюзерену, которому присягнулъ, будетъ всегда служить примѣромъ рыцарства (и того, какъ оно бываетъ невыгодно въ политикѣ!). Одинъ современникъ сообщаетъ, что когда вернулся посланный Иракліемъ къ Ага-Магометъ-хану и сообщилъ его предложенія, то „не смотря на желаніе грузинъ войти въ соглашеніе съ персіянами, царь, будучи знакомъ съ вѣроломствомъ евнуха (т. е. Ага-Магомета) и зная, что нельзя ему довѣрять, не захотѣлъ положиться на его обѣщанія. Впрочемъ, онъ съ давнихъ уже поръ находился подъ

¹ Ср. Бутковъ, Матеріалы, т. II, с. 128 и 325.

² Нѣкоторые идутъ дальше и признаютъ заключеніе самаго трактата 1783 г. неблагоразумнымъ шагомъ со стороны Ираклія. Ссылаясь на исторію грузино-персидскихъ отношеній. Picault говоритъ по поводу трактата 1783 г.: „on se persuadera sans peine que la Russie ne pouvoit, d'une part, faire une acquisition plus précieuse, et que, de l'autre part, un maché plus onéreux ne pouvoit être conclu par les princes géorgiens. La soumission nominale à la Perse étoit virtuellement l'indépendance, tandis que la plus foible liaison avec la Russie devenait l'équivalent d'une servitude positive“. Histoire des révolutions de Perse, v. II, p. 409.

покровительствомъ Россіи, и, связавъ себя съ этой стороны общаніемъ вѣрности, онъ не желалъ вступать въ союзъ съ Персіей“¹.

Если бы планъ Ага-Магометъ-хана относительно Грузіи удался и, какъ въ былое время, валій Гурджистанскій согласился держать мечъ при обрядѣ шахскаго коронованья, тогда шансы Персіи много бы увеличились. Тогда была бы поставлена серьезная преграда русскому наступленію въ Дагестанъ и Азербейджанъ, и всѣ ханы поспѣшили бы окончательно и болѣе надежнымъ образомъ признать Ага-Магометъ-хана. Не забудемъ, что разореніе Грузіи не могло не уронить временно престижа Россіи.

Однако, насколько правильна была мысль каджарскаго властителя, настолько неудачный исходъ его похода грозилъ Персіи дальнѣйшими бѣдствіями. Разъ Грузія оставалась въ сферѣ русскаго вліянія, русская политика имѣла всегда точку опоры за Кавказомъ, и эта точка опоры постепенно превратится въ точку притяженія — вольнаго или не вольнаго — для всѣхъ сосѣднихъ ханствъ, лишь на живую нитку пришитыхъ къ Персіи.

IV.

На самомъ закатѣ дней и царствованія Екатерины Великой, правительство русское снова вернулось къ мысли осуществить грандіозный планъ Потемкина относительно Персіи. Вторженіе Ага-Магомета хана въ Грузію давало Россіи законное основаніе вступить съ оружіемъ въ персидскіе предѣлы. Съ самаго 1796 года на Линіи стали готовиться, по петербургскому указу, къ походу.

Душой дѣла были братья Зубовы; главное командованіе экспедиціей поручалось графу Валерьяну Александровичу, и въ рескриптѣ, данномъ ему 19 февраля, изложена цѣлая политическая программа, идущая путемъ плановъ Петра и замысловъ Потемкина. Опять загорается надежда на „богатый торгъ“ при берегахъ Каспійскаго моря и внутри Персіи; опять взоры видятъ вдали Индію и ея богатства. Тожеественны планы — тожеественны и средства; какъ въ 1722 г., какъ въ 1783–1784 гг., такъ и теперь думаютъ наступать съ двухъ сторонъ; опредѣлено дѣйствовать двумъ корпусамъ — каспійскому вдоль берега моря, кавказскому же начать съ завоеванія, изъ Грузіи, странъ между Курой и Араксомъ. Какъ видно, Екатерина надѣялась украсить конецъ своего царствованія неожиданнымъ и блестящимъ расширеніемъ своихъ владѣній въ Азіи. Что не удалось Потемкину, могло удасться Зубовымъ.

Въ мартѣ 1796 г. изданъ манифестъ „о вступленіи російскихъ войскъ въ предѣлы Персіи противъ похитителя власти въ семь государствъ“². Нѣкогда Петръ, открывая военныя дѣйствія противъ Персіи, заявлялъ, что не съ персіянами онъ идетъ воевать, а лишь наказывать бунтовщиковъ; такъ и теперь императрица, не признавая Ага-Магометъ-хана шахомъ и видя въ немъ своего рода „бунтовщика“ въ большемъ масштабѣ, начинаетъ съ

¹ Но и со стороны персіянъ многіе противились примиренію: ханъ Ганджійскій, до 1795 г. вассаль Ираклія, боялся кары съ его стороны (она и постигла его въ слѣдующемъ же году); другіе не согласились бы отдать назадъ плѣнныхъ, которыхъ успѣли уже между собою раздѣлить.

Ср. извлеченія изъ ненапечатанныхъ мемуаровъ у *Brosset*, *Histoire moderne*, II, livr. 2, p 265, и его же *Memoires inédits relatifs à l'Histoire et à la langue géorgiennes*, литограф. париж. изданіе 1833 г., ч. II, §§ 79–108.

² П. С. З. № 17451.

того, что объявляет „милость и благоволеніе“ всѣмъ и каждому, особенно же „знаменитымъ сипехисаларамъ, валіямъ“ и т. д. „честнымъ кадїямъ“, вообще, всѣхъ чиновъ людямъ.

Въ манифестѣ говорится о противодѣйствиіи мирнымъ торговымъ сношеніямъ, какое Россія встрѣчала въ Персіи, напоминаетъ объ обидѣ, нанесенной графу Войиовичу. Но все же это еще не исполнило бы мѣры миролюбія, „если-бы помянутый хищникъ Ага-Магометъ... не распространилъ наконецъ насильствія и лютости свои въ оскорбленіе правъ и достоинства нашей Имперіи, даже до впаденіи въ Грузію“, что сопровождалось завладѣніемъ столицей царя, находящагося подъ покровительствомъ Россіи, разореніемъ церквей и т. д.

Такимъ образомъ, формальнымъ поводомъ войны послужило посягательство на грузинскую территорию, находившуюся подъ протекторатомъ Имперіи.

Всякій разъ, какъ Грузія привлекала вниманіе Россіи, въ качествѣ орудія политики въ дѣлахъ персидскихъ, естественно, что Россія предпочитаетъ орудіе сильное, дѣятельное — орудію слабому. Поэтому, неудивительно, что въ 1788–1784 гг. думали усилить Грузію не только военной помощью и присылкой въ подарокъ пушекъ¹, но и присоединеніемъ новыхъ земель — правда, когда онѣ будутъ завоеваны.

Такъ и во время экспедиціи Зубова, усиленіе Грузіи прямо входило въ программу русской политики (имѣлось въ виду, сверхъ того, также какъ и при Потемкинѣ, восстановление Арменіи). Думали окончательно присоединить къ Грузіи платившія ей дань ханства — Ганджійское и Эриванское. Во избѣжаніе слабости, могущей произойти отъ споровъ многочисленныхъ царевичей и отъ связанныхъ съ этимъ партійныхъ несогласій, предполагали отвлечь царевичей службой и т. д.

Между прочимъ, въ апрѣлѣ 1796 г. кн. Платонъ Зубовъ въ письмѣ Ираклію, приглашая его содѣйствовать успѣхамъ русскаго оружія, которые создадутъ для Грузіи безопасность, совѣтуетъ ему заботиться всемѣрно о нераздѣльности власти и избѣгать дѣленія на удѣлы, пагубные для царства.

Но эти платоническія желанія видѣтъ Грузію сильной мало что значили, когда заявлялись такимъ „вельможей въ случаѣ“, какимъ былъ кн. П. Зубовъ².

Шестого ноября скончалась Екатерина, и смерть ея унесла съ собой и Зубовыхъ, и персидскій походъ и многое другое.

Экспедиція съ „индѣйскими“ перспективами была отмѣнена, до того, близкаго впрочемъ, дня, когда внезапное рѣшеніе императора Павла пошлетъ донскихъ казаковъ умирать среди безводныхъ пустынь, въ поискахъ тѣхъ же индѣйскихъ сокровищъ.

IV.

Неожиданное очищеніе занятыхъ ханствъ и уходъ изъ Персидскихъ владѣній и Грузіи русскихъ войскъ (ихъ уже не было тамъ лѣтомъ 1797 года) произвели на персіанъ впечатлѣніе одержанной ими побѣды. Ага-Магометъ-ханъ рѣшилъ, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и всюду оповѣстилъ какъ о своихъ успѣхахъ въ Хорасанѣ (гдѣ онъ тогда

¹ Значительная часть которыхъ такъ и не дошла по назначенію. О присылкѣ пожалованной, по застрявшей въ дорогѣ артиллеріи, грузины хлопотали еще наканунѣ самаго присоединенія.

² Въ 1801 г. Именно Зубовы были противниками сохраненія за Грузіей самостоятельности подъ протекторатомъ Россіи!

находился)¹, такъ и объ отступленіи русскихъ войскъ; отступление это прямо приписывалось ихъ трусливости. Ираклію онъ прислалъ фирманъ съ требованіемъ подчиниться, въ противномъ же случаѣ грозилъ мщеніемъ; и только вмѣшательство русскихъ офицеровъ спасло шахскаго посланца отъ ярости народной толпы².

Трудно сказать, что постигло бы Грузію, опять оставшуюся лицомъ къ лицу съ пылавшимъ злобой Ага-Магометъ-ханомъ, если бы кинжалъ убійцы не пресѣкъ 4 іюня 1797 г. нить жизни этого нужнаго Ирану человека, причинившаго столько зла при осуществленіи „псторическихъ задачъ“ Персіи.

Теперь бросимъ самый бѣглый взглядъ на то, какъ русскій протекторатъ сберегалъ Грузію отъ Турціи и Дагестана.

Уже на слѣдующій годъ послѣ заключенія трактата, полномочный министръ Россіи при турецкомъ дворѣ, Булгаковъ, дѣлалъ представленіе относительно непричиненія безпокойствъ Грузіи и Имеретіи. Объ Имеретіи онъ не обязанъ быть и не имѣлъ права дѣлать представленій (по трактату 1783 г. и Кучукъ-Кайнарджійскому мирному договору 1774 г.); Карталинію же и Кахетію эти представленія не могли уберечь, такъ какъ русскій протекторатъ угрожалъ сосѣдному ахалцихскому пашѣ потерей его владѣнія (которое, съ помощью русскихъ, предполагалъ завоевать Ираклій). Поэтому, какъ мы впрочемъ уже говорили, только съ уходомъ русскихъ войскъ, т. е. въ 1787 г., когда Ираклій возобновилъ съ нимъ союзъ, паша этотъ пересталъ его безпокоить. Поэтому же, какъ эти ни странно, но во время второй турецкой войны, не смотря на то, что, строго говоря, и Грузія, какъ зависящее отъ Имперіи государство, находилась въ войнѣ съ Турціей, послѣдняя не предпринимала ничего враждебнаго по отношенію къ Ираклію. Словомъ, во время мира съ Турціей, русскій протекторатъ не уберегалъ Грузію; а во время войны онъ оказался излишнимъ! Разгадка заключается въ самостоятельной политикѣ Сулеймана, паши Ахалцихскаго; сначала онъ боялся притязаній Ираклія на Саатабаго, а теперь не прочь былъ стать, подъ покровомъ Россіи, и черезъ посредство Грузинскаго царя, самостоятельнымъ владѣтелемъ.

То что также и Омаръ-хана Аварскаго неоднократно убѣждали съ „Линіи“ не вторгаться въ Грзію, иногда угрожая ему, иногда даже посылая поощрительные подарки деньгами, но

¹ Хорасанъ (провинція эта нынѣ граничитъ съ Закаспійской областью и съ Афганистаномъ) и его столица, священный городъ Мешедъ, за все время, что Персія не имѣла шаха, т. е. съ 1747 г. находился въ обладаніи внука Надира, слѣпого Шахъ-Роха. Керимъ-ханъ не трогалъ его, и только каджарскій объединитель Персіи вновь распространилъ свою власть на этотъ край.

² Бутковъ, т. II, стр. 426. См. грузинскій переводъ этого фирмана у Цагарели, т. II, № 117. Начинается онъ словами: „Повелѣніе нашего величества таково: высочайшій вали Грузіи Эрекле-ханъ:“ и т. д. Между прочимъ, по мнѣнію шаха, призваніе русскихъ издавна заключалось въ торговлѣ сукномъ и кумачемъ, а никакъ не въ воинскихъ подвигахъ (!). „Какъ только эти русскіе узнали, что наши счастливыя знамена двинулись сюда, они тотчасъ же вернулись въ свою скверную землю“. Далѣе, говорится о высокомъ положеніи, которое принадлежитъ Ираклію въ Иранѣ, и что, „по отношенію къ тебѣ въ сердцѣ нашемъ ничего не было кромѣ милости и добра. А то, что тогда случилось (разореніе Тифлиса) — отъ тебя произошло“ и т. д. Въ концѣ приглашеніе „стать на путь службы“, и явиться за полученіемъ милостей лично или прислать одного изъ сыновей. Въ противномъ случаѣ, пусть не пеняетъ.

не этими средствами воздѣйствія онъ удерживался отъ вторженій, а „жалованьемъ“ которое Ираклій былъ вынужденъ ему платить, со времени памятнаго набѣга въ 1785 г.¹.

Было бы, однако, ошибочно думать, что Россія когда-нибудь забывала о существованіи трактата 1783 г. Протекторатъ ея мало приносилъ пользы Грузіи, но Россія, естественно, не уступила бы его другимъ.

Въ манифестѣ 7 сентября 1787 г. объ объявленіи войны Оттоманской Портѣ, вторженіе въ область сюзеренныхъ правъ надъ Грузіей выставляется какъ одинъ изъ поводовъ войны. Трактатъ о подданствѣ, заключенный Иракліемъ, не былъ противенъ обязательствамъ Россіи въ отношенія Порты. „Тогда же Порта, извѣстна будучи о Нашемъ трактатѣ, не оспаривала онаго; но гдѣ не имѣла право въ дѣло вмѣшиваться для нея постороннее, тутъ не оставила дѣйствовать коварно“. Именно, она склоняла лезгинъ нападать на грузинскія земли, разорять ихъ, забирать въ плѣнъ христіанъ². Кромѣ того, черезъ ахалцихскаго пашу она предлагала Ираклію признать надъ собою власть султана³.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы составить сужденіе о томъ, насколько успѣшно осуществляла Россія свой протекторатъ надъ Грузіей: насколько обстоятельства позволяли „сильной десницѣ“ Имперіи отвращать вражескіе удары отъ „присовокупленнаго“ къ ней царства Грузинскаго. Надо удивляться не тому, что порой являлась у грузинъ мысль о политической сдѣлкѣ съ Персіей или Турціей, а тому, какъ вѣра въ Россію не изсякла окончательно. Но, велика была эта вѣра, руководящіе элементы тяготѣли къ Россіи, потому что слишкомъ много шаговъ было уже сдѣлано по этому пути и считали невозможнымъ довѣрять ни Персіи, ни Турціи. Невниманіе же Европы достаточно объясняется тревогами французской революціи. Была, впрочемъ, минута — уже предъ самой смертью Ираклія, когда кн. Гарсеванъ Чавчавадзе ребромъ поставилъ вопросъ въ Петербургѣ: именно, онъ заявилъ, что если трактатъ сохраняетъ силу, то пусть будетъ прислано подкрѣпленіе; въ противномъ случаѣ, Ираклію необходимо возобновлять союзы съ персидскими ханами и Дагестаномъ⁴.

¹ При заключеніи Яскаго мирнаго трактата съ Турціей (29 декабря 1791 г.), русскіе уполномоченные добивались того, чтобы Порта взяла на себя обязательство отвѣчать за грабежи, чинимые лезгинами въ Грузіи. Добиться этого однако они не добились. Но на этотъ разъ грузины были „внесены“ въ трактатъ. Именно, въ ст. V постановлено: „... блистательная Порта обѣщаетъ подтвердить вновь издаваемымъ фирманомъ данный прежде, чтобъ Ахалцихскій губернаторъ, пограничные начальники и прочіе отнынѣ ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей, владѣемыхъ царемъ Карталинскимъ, о чемъ и отправить... съ строжайшимъ прещеніемъ и подтверждеіемъ указы“. П. С. З. № 17,008. См. благодарственное письмо Ираклія во II-мъ томѣ „Грамотъ“ Цагарели, № 83.

² Впрочемъ, какъ замѣчено было въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1801 г., императрица Екатерина „въ случаяхъ нерѣдкихъ покушеній горцевъ на предѣлы наши, иногда до крайности доводила настоянія свои у Порты, хищничества же лезгинъ и турковъ въ Грузіи большею частью оставляемы были безъ всякаго вниманія“. Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. 2-я, стр. 1203, прим.

³ П. С. З. № 16,567.

⁴ См. представленіе Гарсевана Чавчавадзе имп. Павлу 31 дек. 1797 г. у Цагарели II, Грузинск. тексты, № 126. „Представленіе“ это написано подъ впечатлѣніемъ неизбѣжно надвигавшейся кончины Ираклія. Дѣйствительно, уже черезъ 12 дней, вся Грузія, какъ одинъ человекъ, оплакивала смерть царя-патріота.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Наканунѣ присоединенія.

I.

Въ 1796 г. скончалась Екатерина, въ 1797 г. убить Ага-Магометъ-ханъ, въ 1798 г., 11-го января не стало Ираклія. Какъ сложатся отношенія между новыми государями?

Георгій XII вступилъ на престолъ Карталиніи и Кахетіи и привелъ къ присягѣ населеніе тотчасъ же послѣ смерти Ираклія. Онъ сталъ царемъ Грузіи по наследственному праву и для того, чтобы пользоваться поддержкой Россіи, долженъ былъ, по трактату 1783 года, получить императорскую инвеституру¹.

Лѣтомъ 1798 года обстоятельства принимали такой оборотъ, и впечатлѣнія русскаго покровительства были таковы, что Георгій видѣлъ себя принужденнымъ отвѣтить на фирманъ новаго шаха Фетали посылкой къ нему своего тестя князя Циціанова; и готовъ былъ искать покровительства Турціи; но оба посланца вернулись обратно — кн. Циціановъ, потому что узналъ о неудачахъ Баба-хана (это другое имя шаха), отправленнаго же въ

Между прочимъ, читаемъ въ этомъ „представленіи“ слѣдующее: „угодно ли тебѣ, самодержавный и великій государь, соблюдать трактатъ въ его первоначальной силѣ, и угодно ли, согласно вытекающимъ изъ трактата обязательствамъ, оказать царю моему, находящемуся въ стѣсненномъ положеніи, обѣщанную помощь? Или, по какимъ-нибудь причинамъ, это пока неисполнимо? Великій Государь, удостой вывести меня изъ незвѣстности, дай Всемилостивѣйшій отвѣтъ на ожиданія всей Грузіи, чтобы Его Высочество царь, государь мой, и народъ его, пребывающіе до сихъ поръ, какъ и я, въ неизвѣстности, соблюденіемъ трактата и клятвой въ вѣрности В. В. не были бы доведены до полного уничтоженія“.

Размѣры очерка не позволяютъ намъ останавливаться на подробностяхъ. Отмѣтимъ лишь слѣдующую просьбу грузинскаго полномочнаго: пусть прикажутъ пограничнымъ начальникамъ не препятствовать найму на грузинскую службу черкесовъ. Въ первую половину царствованія Ираклія, онъ неоднократно и успѣшно пользовался услугами кабардинскихъ владѣтелей, издавно дружественныхъ Грузіи. Позже русское правительство ставило помѣхи этому (Примѣры можно найти въ „Мат.“ Буткова). Въ заключеніе кн. Чавчавадзе проситъ, изъ вниманія къ послѣднимъ днямъ престарѣлаго царя, уже лежащаго на смертномъ одрѣ, изъ вниманія къ его скорбнымъ тревогамъ за отечество — ободрить царя, наследника, весь народъ изъявленіемъ монаршаго благоволенія и помощью, по трактату. „Прикажи мнѣ теперь же ѣхать туда и увѣрить царя, возлюбленнаго государя моего, въ твоемъ къ нему доброжелательствѣ, все равно, застану ли я его въ живыхъ, или, вмѣстѣ съ другими буду оплакивать его“ (стр. 143–146).

¹ Въ апрѣлѣ 1793 г. кн. Чавчавадзе формально извѣстилъ Коллегію иностр. дѣлъ о вступленіи на престолъ Георгія. *Цагарели*, т. II-й, № 132. Онъ прибавляетъ, что царь не прислалъ пока собственноручнаго извѣщенія, такъ какъ обстоятельства не оставляли ему времени.

Еще раньше о намѣреніи Георгія прислать просьбу объ утвержденіи на престолѣ писала имп. Павлу вдова Ираклія, царица Дарія. См. письмо ея 10 марта 1798 г. (ib. № 130).

Турцію вернули изъ Ахалциха, потому что приѣхавшій изъ Петербурга царевичъ Давидъ привезъ оттуда добрыя вѣсти¹.

Вслѣдъ за тѣмъ Георгій получилъ, въ отвѣтъ на собственное письмо государю, Высочайшее поздравленіе со вступленіемъ на престолъ, причемъ прибавлено было, что отъ него ожидается формальное ходатайство объ утвержденіи, предусмотрѣнное арт. 3-имъ трактата².

Въ ноябрѣ того же года, Георгій отправилъ въ Петербургъ съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ кн. Авалова; и возобновилъ полномочія кн. Гарсевана Чавчавадзе, въ качествѣ министра при Имп. дворѣ. Помимо собственного утвержденія, Георгій добивался признанія сына своего Давида наслѣдникомъ по себѣ³. 18-го апрѣля 1799 года, Высочайшей грамотой утвержденъ Георгій на царствѣ, Давидъ же — наслѣдникомъ, съ ссылкой на ст. 3 трактата⁴.

Въ ноябрѣ 1799 г. доставлены въ Тифлисъ инвеститурные знаки, и Георгій принесъ присягу на вѣрность Императору. Итакъ, отношеніе Грузіи и Россіи въ концѣ 1799 г. опредѣляются всецѣло началами трактата 1783 года⁵.

¹ Бутковъ. Матеріалы, т. II, стр. 445–446. Впрочемъ, еще 30 іюня 1798 г. Георгій писалъ имп. Павлу, что признаетъ его „своимъ августѣйшимъ монархомъ и государемъ“, что надѣется на его покровительство, согласно трактату, что какъ онъ самъ не будетъ оставленъ Императоромъ, такъ и сынъ его Давидъ и т. д. Георгій говоритъ, что, когда онъ, по законному праву наслѣдства, получилъ престолъ и сталъ царемъ, то онъ писалъ объ этомъ на Линію. Цагарели, т. II, Грузин. тексты, № 135.

² Ср. предыдущее примѣчаніе. „Формальное“ ходатайство противопоставляется приведенному тамъ письму Георгія отъ 30-го іюня. Ср. также письмо неизвѣстнаго изъ Петербурга къ царю Георгію, ib. № 137. Вообще, не остается сомнѣній, что Георгій энергично искалъ покровительства имп. Павла, который, наконецъ, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ грузинскимъ дѣламъ.

³ См. грамоту Георгія кн. Чавчавадзе 11 окт. 1798 г. у Цагарели. т. II, № 138. Одновременно царь пишетъ кн. Безбородкѣ о положеніи вещей и замѣчаетъ: „Уже второе столѣтіе, какъ все наше упованіе — Россійскій В. Дворъ, и мы избѣгаемъ вступать въ сдѣлку съ названными сосѣдами (т. е. персіянами и турками), во 1-хъ, изъ за христіанства, во 2-хъ, будучи связаны присягой предъ В. престоломъ. Мы, находясь въ такомъ положеніи, никогда не имѣли при В. Дворѣ заступника и ходатая. Блаженной памяти отецъ нашъ имѣлъ великое упованіе на кн. Потемкина; но онъ насъ обманывалъ, думая только о возвеличеніи своего имени, а для другихъ ничего не дѣлалъ“. Георгій надѣется, что Безбородко будетъ радѣть, какъ слѣдуетъ, о грузинахъ (ib. № 141). Прошеніе Георгія въ двухъ пунктахъ, объ утвержденіи его на престолъ и о признаніи наслѣдникомъ Давида, ib. № 143. См. Приложенія В.

⁴ Акты Кавк. археограф. комиссіи, т. II, стр. 1147. Копія съ утвердительной Е. И. В. грамоты царю Грузинскому Георгію отъ 28-го апр. 1799 г.

⁵ Изъ представленія царя Георгія имп. Павлу, посланнаго, одновременно съ просьбой объ инвеститурѣ, въ октябрѣ 1798 г., ясно видно, что въ началѣ Георгій отнюдь не думалъ о чѣмъ бы то ни было вмѣшательствѣ въ дѣла управленія; напротивъ, онъ категорически желалъ, чтобъ русскіе начальники ни съ кѣмъ, кромѣ царя, не имѣли дѣла: чтобъ онъ могъ сноситься непосредственно съ Дворомъ, черезъ своего министра, минуя пограничное начальство, во избѣжаніе волокиты (при этомъ онъ ссылается на случившееся въ 1795 г.). Георгій прямо просилъ такого *протектората, который бы навсегда избавилъ его отъ*

Но, обратимъ вниманіе на слѣдующее: царь Грузинскій просилъ объ утвержденіе — и Императоръ утвердилъ наслѣдникомъ по Георгіи сына его Давида.

Въ трактатѣ ничего не говорится о наслѣдникахъ; напротивъ, ясно слѣдуетъ изъ него, что вопросъ о замѣщеніи престола есть вопросъ внутренней жизни Грузіи, который рѣшается независимо отъ сюзерена, словомъ, это вопросъ грузинскаго престолонаслѣдія, а не усмотрѣнія Императора. И если теперь Георгій проситъ объ утвержденіи наслѣдникомъ по немъ Давида, то едвали онъ считалъ такое утвержденіе необходимымъ юридическимъ условіемъ для вступленія на престолъ¹; вѣдь самъ же онъ сталъ царемъ, не ожидая, не испрашивая императорскаго разрѣшенія. Смыслъ просьбы его не этотъ — онъ желалъ обезпечить своему сыну, какъ Высочайше предназначенному на царство наслѣднику, политическую поддержку русской власти.

А о такой поддержкѣ надо было заботиться, такъ какъ, на бѣду Грузіи, позже, въ самый рѣшительный моментъ, не было одного мнѣнія на тотъ счетъ, кто законный наслѣдникъ Георгія: сынъ его, Давидъ, или братъ, Юлонъ? Права послѣдняго основывались на завѣщаніи царя Ираклія, сила и даже подлинность котораго оспаривались.

Намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопросовъ грузинскаго престолонаслѣдія. Намъ нужно было отмѣтить, что подтвержденіемъ правъ Давида, какъ наслѣдника, Императоръ *не создавалъ* ему этихъ правъ — этого он не могъ, такъ какъ, по трактату, не имѣлъ на то власти, а бралъ лишь на себя передъ царемъ обязанность оказать содѣйствіе сыну его, при будущемъ вступленіи на престолъ.

Но императоръ Павелъ, давая такое утвержденіе, очевидно и не думалъ о томъ, насколько это вяжется съ трактатомъ, на который самъ же онъ ссылается.

2.

Какъ бы то ни было, трактатъ теперь въ полной силѣ, и, въ виду серьезныхъ опасностей русскому вліянію въ Закавказьѣ со стороны Персіи, а, отчасти, и Турціи, правительство русское рѣшается дѣйствовать энергичнѣе и, беря за отправную точку свою связь съ Грузіею — прочнѣе обосноваться по ту сторону хребта.

Одновременно съ утвердительной грамотой царю Георгію, послѣдовало, наконецъ, назначеніе министра въ Грузію, — ему же поручены и персидскія сношенія.

Инструкція, данная этому чиновнику изъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, показываетъ, какъ ревниво относится теперь Россія къ неоспоримости своего вліянія въ Грузіи. „Легко случится можетъ, читаемъ тамъ, что вдовствующая царица, имѣя сыновей — братьевъ владѣющаго царя... вступить въ какія-либо сплетни, столь въ тѣхъ краяхъ свойственныя, къ предосужденію е. в. и видамъ нашимъ“. Поэтому, „надлежитъ вамъ бдительное смотрѣніе имѣть за поступками царицы... и людей ей приверженныхъ...“ Конечно, „по превратности тамошнихъ владѣльцевъ и двоякости, часто ихъ руководствующей“, необходимо слѣдить и за поступками самого царя, „дабы никогда не могло имъ ничто учинено быть вопреки интересовъ Высочайшаго двора“².

необходимости искать помощи и покровительства въ другомъ мѣстѣ и т. д. Цагарели, II, № 144. Печальный опытъ принесъ пользу, но нѣсколько просвѣтленное пониманіе этихъ людей позже не могло противостоять force majeure.

¹ Цѣлый рядъ выраженій въ цитированныхъ выше грузинскихъ грамотахъ не оставляетъ сомнѣній на этотъ счетъ.

Отъ такого надзора одинъ шагъ до вмѣшательства; пусть придутъ войска для защиты Грузіи; неусыпный надзоръ и вооруженная сила обезпечать исполненіе всякой волѣ. А страна, истерзанная вѣками несчастій, находившаяся съ 1783 г. подъ гнетомъ постоянной опасности, не сможетъ и не пожелаетъ говорить о себѣ такъ громко, чтобы остановить властное рѣшеніе Имперіи.

Теперь событія развиваются съ силой урагана; эта связь царства и Имперіи, вѣками томительныхъ, бесплодныхъ сношеній, дошла до десятилѣтій покровительства, приносившаго несчастія, и, наконецъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, маховое колесо исторіи довело дѣло до разрушительнаго конца, не пощадивъ хрупкихъ, запоздавшихъ желаній грузинскаго народа.

Но, рушилось то, чему при данныхъ условіяхъ уже не было мѣста на этой землѣ; зато, суждено было постепенно водвориться порядку тамъ, гдѣ самая мысль о немъ давно утратилась. Грузія шла на встрѣчу лучшему-ли, худшему-ли — но неизбѣжному будущему.

II.

Прежде чѣмъ окончательно присоединять царство грузинское, простимся съ грузино-персидскими отношеніями. Племянникъ и наслѣдникъ Ага-Магомета, Баба-ханъ или, торжественнѣе, Фетали-шахъ, далекъ былъ отъ мысли уступить Грузію Россіи. Но и ему пришлось бороться изъ-за престола съ соперниками, и онъ, пока, не имѣлъ возможности силой оспаривать у Россіи Закавказья¹. Подъ грозой его нашествія Грузія находилась, однако, довольно долго²; и на Кавказской линіи принимались дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ вторженія, ввести въ Грузію для ея защиты достаточное количество войскъ.

Приѣздъ въ Тифлисъ русскаго резидента окончательно открылъ глаза Персіи на судьбу Грузіи. Императоръ Павелъ отозвалъ свои войска изъ Закавказья, дѣйствовалъ, повидимому, миролюбиво, но съ такимъ миролюбіемъ не мирилась присылка резидента въ Тифлисъ. Персидская оцѣнка грузино-русскаго отношенія съ большою выпуклостью выражена въ письмѣ къ резиденту визиря Фетали-шаха, Хаджи-Ибрагимъ-хана, виднаго

² Акты, т. I, стр. 93–95. Инструкція, данная по именному Е. И. В. указу изъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ министру въ Грузіи с. с. Коваленскому. 16 апр. 1799 года.

¹ Фетали-шахъ короновался въ Тегеранѣ, весною 1798 г. Ср. *O. v. Schlechte-Wssehrd. Fethali Schah und seine Thronrivalen. Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften (phil.-hist Classe) Wien. XLV B. 1864.*

² См. письмо Г. Чавчавадзе къ кн. Безбородко отъ 8-го января 1799 г. о домогательствахъ преемника Ага-Магометъ-хана (Цагарели, II, груз, тексты, № 150, вторая тирада). Подробнѣе ib. № 154. Выдержки изъ письма царевича Давида Георгіевича, представленныя княземъ Г. Чавчавадзе въ Иностр. коллегію. Въ благодарственномъ (за утвердительную грамоту) письмѣ царя Георгія императору Павлу прямо заявляется, что, въ случаѣ неоказанія помощи или ея запозданія, персіане „и сына у насъ возьмутъ (т. е. заложникомъ) и ко многому другому обяжутъ, и тогда мы уже совсѣмъ удалены будемъ отъ связи, съ Вами“ ib. № 174. Опубликованные проф. Цагарели документы ярко освѣщаютъ это странное, но трагическое положеніе Грузіи между сюзереномъ, не оказывающимъ дѣйствительной помощи — и толпой враговъ, сдѣлкъ съ которыми мѣшаетъ долгъ вѣрности по отношенію къ тому же сюзерену.

государственного человека Персии того времени¹. „Дѣло сіе (т. е. приѣздъ резидента), пишетъ онъ, сверхъ чаянія, ибо какъ свѣтъ солнца изливается на землю, такъ равномерно всѣмъ извѣстна истина, что съ самаго того времени, какъ весь земной шаръ раздѣлился на четыре части, Грузія, Кахетія и Тифлисъ заключались въ Иранскомъ государствѣ... Жители обязаны были повиновеніемъ и службой, по шахскимъ указамъ, а подъ властью Россіи не находились, „кромѣ того случая, когда царь Ираклій, князь надъ князьями, современникъ блаженнаго памяти самодержавнаго государя Ага-Магометъ-хана, вздумалъ, отторгнувшись отъ власти всегдашнихъ владѣтелей своихъ, итти непріятельской противъ Персіи стезею“. Но, онъ за это получилъ возмездіе. Теперь, намъ говорятъ о миролюбіи русскаго монарха. Зачѣмъ же желаетъ онъ „уничтожить запечатлѣнные вѣками права и преимущества?“

Какую силу могутъ имѣть обязательства царя Ираклія? Персидскій дипломатъ такъ поясняетъ свою мысль: „напримѣръ, если бы одинъ изъ народовъ, въ предѣлахъ Россійскаго государства состоящихъ, предался самопроизвольно персидскому владѣнію, учинилъ съ нимъ трактатъ и другія условія, то сильны ли таковыя сдѣлки?“ Правда, при царѣ Иракліѣ не было въ Персіи верховнаго обладателя, но и „во время сихъ, такъ сказать, двухъ дней“, Грузія не могла отложиться отъ Персіи. Теперь, благодареніе Богу, предъ престоломъ шаха склонили выи всѣ ханы и „того не предусматривается, чтобы чрезъ тысячи лѣтъ принадлежавшее владѣніе отдать другому“. Въ заключеніе, иранскій канцлеръ приглашаетъ уважать взаимныя права и границы, „не прерывая цѣпи тишины и дружбы, дабы область Тифлисская не была паки поправа ногами коней и удачныхъ воиновъ нашихъ...“ Впрочемъ, лучше „чтобы дверь обоюднаго дружества всегда была открыта“².

Мы знаемъ уже, что Вахтангъ отказался отъ подданства Персіи, затѣмъ болѣе десяти лѣтъ господствовали въ Грузіи турки, пока не были вытѣснены оттуда Надиръ-шахомъ.

Послѣ смерти Надира не было ни одного настолько признаннаго въ Персіи властителя, чтобы можно было говорить о его власти въ Грузіи³.

Какъ возвысился и усилился Ираклій, пользуясь персидскими смутами — объ этомъ мы достаточно говорили; это общее мѣсто во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи Персіи того времени. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія Грузія не знаетъ зависимости отъ Персіи. Заключая трактатъ съ Россіей, Ираклій дѣлалъ по отношенію къ Персіи *политически* рискованный шагъ (какъ это объяснено выше), но никакого права Персіи на Грузію онъ не нарушалъ, такъ какъ это право давно испарилось, да и въ дни его дѣйствительности съ нимъ не мирилось христіанское правосознаніе грузинъ. Споръ могъ быть рѣшенъ силой — но, въ борьбѣ съ Иракліемъ, Ага-Магометъ-ханъ *проигралъ* его, не смотря на внѣшнюю побѣду: дѣйствительно, онъ не добился признанія своихъ правъ со стороны Ираклія, и, не будучи въ состояніи утвердиться въ странѣ, торопливо вернулся во-свояси.

¹ Онъ много содѣйствовалъ торжеству каджарской династіи надъ зендами, но, скоро послѣ восшествія на престолъ Фетали-шаха, былъ умерщвленъ: опасались его чрезмѣрнаго вліянія и связей съ ханами. Ср. *Watson. A history of Persia*, p. 129.

² Переводъ письма отъ визиря властвующаго въ Персіи Ваба-хана, Хаджи-Ибрагимъ-хана, къ министру всемилостивѣйшаго, великаго всероссійскаго кесаря, П. И. Коваленскому. Акты, т. 1, стр. 96–97.

³ Изложенная въ текстѣ персидская точка зрѣнія, но безъ иранской колоритности красокъ, проглядываетъ и у редактора матеріаловъ подъ заглавіемъ „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“, г. *Эзова*. См. его забавное разсужденіе о трактатѣ 1783 г. (стр. XCII и XCIII).

Фетали-шахъ возобновилъ своя притязанія, и мы видѣли, какъ его канцлеръ ихъ формулировалъ. Ему пришлось спорить уже съ русскимъ оружіемъ, и Гюлистанскій миръ, черезъ 15 лѣтъ, рѣшилъ вопросъ опять-таки не въ его пользу.

Но приведенная нота показываетъ, какъ судорожно Персія противилась утвержденію Россіи въ Закавказьѣ, и какъ упорно она защищала очевидно несостоятельную мысль о своемъ „правѣ“ на Грузію.

Была, впрочемъ, и среди грузинъ небольшая группа лицъ, готовыхъ признать права Баба-хана, такъ какъ они считали возможнымъ, съ помощью Персіи, сохранить за Грузіей извѣстную самостоятельность. Главный выразитель этого теченія, царевичъ Александръ, сынъ Ираклія, открыто перешелъ на сторону Персіи, и былъ ея орудіемъ въ войнахъ съ Россіей; онъ умеръ на чужбинѣ и никогда не примирился съ уничтоженіемъ самостоятельности Грузіи. Большинству же, вѣрному вѣковой традиціи — сближенія съ Россіей, суждено было окончательно и навсегда освободиться отъ всякаго вліянія Персіи, прежде, многосторонняго и вѣками длившагося. Такъ, начали измѣняться кореннымъ образомъ условія жизни грузинъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Присоединеніе Грузіи къ Имперіи.

I.

Теперь близится день присоединенія Грузіи. Манифестъ 18-го января 1801 г. объявитъ объ этомъ всѣмъ и каждому; и Грузія станетъ частью Россіи.

Мы показали, какъ въ 1799 году, съ полученіемъ инвеституры и принесеніемъ присяги, царь Георгій становится въ такое же отношеніе къ Имперіи въ какомъ былъ Ираклій, т. е. Грузіи дается „предъ лицомъ всего свѣта“ гарантія цѣлости и неприкосновенности, а также обезпечивается престолъ за національной династіей, подъ условіемъ службы и вѣрности.

Мы должны разсмотрѣть, какъ совершился этотъ переходъ отъ двусторонняго договорнаго отношенія, въ которомъ Грузія и Россія находились еще въ 1799 г. и въ 1800 г., къ положенію, созданному манифестомъ 18-го января 1801 г., т. е. къ „присоединенію Царства Грузинскаго на вѣчныя времена подъ Державу“ Имперіи.

1.

Для юридической оцѣнки присоединенія Грузіи къ Россіи, а также для оцѣнки взгляда, выраженнаго въ Императорскихъ манифестахъ и, затѣмъ, усвоеннаго всѣми — относительно добровольнаго присоединенія Грузіи, необходимо отыскать и разсмотрѣть въ отдѣльности звенья той цѣпи, которая начинается *договорнымъ отношеніемъ* 1799–1800 годовъ (по силѣ обновленнаго тогда трактата 1783 г.) — и кончается *инкорпорацией* Грузіи, т. е. распространеніемъ на нее территоріальнаго верховенства Россіи, ея власти во всей полнотѣ проявленій и во всей необъятности ея компетенціи.

Переходъ отъ перваго положенія ко второму *могъ бы быть* юридически безупречнымъ, корректнымъ; тогда бы мы имѣли, дѣйствительно, непрерывную цѣпь юридическихъ

отношеній, изъ которыхъ каждое послѣдующее заимствуетъ свою правомѣрность отъ предыдущаго, имъ освящается, и, въ свою очередь, даетъ юридическую основу новому отношенію. И, если бы даже, въ концѣ концовъ, мы пришли къ чему-нибудь вовсе отличному отъ начальнаго положенія, тѣмъ не менѣе, не оставалось бы мѣста для юридической критики: все было бы какъ слѣдуетъ, безукоризненно съ точки зрѣнія права, Для того, чтобы — съ юридической точки зрѣнія — можно было говорить о добровольномъ присоединеніи Грузіи къ Россіи, необходимо, чтобы акту инкорпораціи предшествовало обоюдное согласное волеизъявленіе заинтересованныхъ сторонъ.

2.

Инкорпорация есть актъ, посредствомъ котораго власть государства распространяется на такъ или иначе присоединяемую къ нему область. Инкорпорации могутъ предшествовать различныя событія и правоотношенія, создающія власть государства надъ присоединяемой территоріей. Въ одномъ случаѣ это можетъ быть завоеваніе, въ другомъ добровольная уступка, въ третьемъ — купля-продажа и т. д.

Но когда рѣчь идетъ о добровольномъ присоединеніи, то этотъ (всегда односторонній) актъ инкорпораціи долженъ слѣдовать за другимъ актомъ (или актами), въ которомъ обнаруживалось бы *соглашеніе* относительно утраты самостоятельности съ одной стороны и принятія въ подданство — съ другой.

Словомъ, утрата государствомъ независимости и инкорпорация дѣйствительно возможны путемъ добровольнымъ, но для этого требуется формально выраженное согласіе воль. И не только утрата самостоятельности, но всякое вообще измѣненіе, тѣснѣе сжимающее два государства въ одно цѣлое, должны происходить путемъ двусторонняго соглашенія.

Ирландскій парламентъ былъ жалкимъ подобіемъ представительнаго учрежденія, но юридически онъ былъ органомъ Ирландіи, и окончательное объединеніе ея съ Англіей, не смотря на темныя политическія средства, примѣненныя въ этой цѣли британскимъ правительствомъ, съ юридической точки зрѣнія — безупречно. Именно, было поставлено обоюдно, что „съ 1-го января 1801 г. королевства Великобританія и Ирландія соединяются въ одно королевство, подъ названіемъ Соединенаго королевства Великобританіи и Ирландіи“. Постановлено были также относительно единства престолонаслѣдія (какъ было и до того) и единства парламентскаго представительства: Ирландія получила въ немъ свою долю. Она лишилась своей привилегіи *добровольно*.

Но Ирландія не была самостоятельнымъ государствомъ; возьмемъ примѣры болѣе похожіе на нашъ случай. Въ 1798 г., за два года до присоединенія Грузіи, добровольно вошли въ составъ французской республики — вольный городъ Мюльгаузенъ (нынѣ въ Эльзасѣ) и Женевская республика. Инкорпорации предшествовали, въ данномъ случаѣ, договоры объ объединеніи.

2.

Повторяемъ: если добиваются полнаго присоединенія, сліянія, то во всякомъ случаѣ, необходимо долженъ предшествовать инкорпорации актъ отреченія отъ своихъ правъ монарха (если рѣчь идетъ о монархіи) и, вообще, должно быть изъявлено предварительное

согласіе на инкорпорацію со стороны тѣхъ, кто имѣетъ право и обязанъ выражать волю государства.

За 5 лѣтъ до приооединенія Грузіи, вошла въ составъ Россіи Курляндія. До того она находилась въ ленной связи съ королевствомъ польскимъ. Съ уничтоженіемъ самостоятельности Рѣчи Посполитой, связь эта, естественно, прекращалась, и Курляндія вернулась въ первобытное состояніе, т. е. вольна была избрать себѣ новаго сюзерена, или иначе распорядиться своей судьбой. Курляндія поступила въ полную, безусловную зависимость Имперіи, вошла непосредственно въ составъ ея владѣній. Для того, чтобы оформить надлежащимъ образомъ это присоединеніе, нуженъ былъ рядъ юридическихъ актовъ, которые всѣ и состоялись.

Чтобы осуществить „безусловное подверженіе“ (unbedingte Subjection) Курляндіи скипетру Россіи, созванъ былъ чрезвычайный сеймъ. Манифестомъ 18-го марта 1795 г. сеймъ „торжественно и навсегда отрекся отъ польскаго верховнаго леннаго начальства“. Затѣмъ, другимъ манифестомъ отъ того же числа, депутаты „признали за благо и полезно“ вовсе „отмѣнить существовавшее понынѣ княжеское правленіе, дабы отнынѣ быть непосредственно и прямо присоединенными къ Имперіи Россійской“.

Но, кромѣ сейма, Курляндія имѣла и герцога. Послѣдній „приступаетъ“ къ торжественному акту сейма и самъ проситъ Екатерину II принять въ подданство Курляндію. Поэтому, онъ „разрѣшаетъ и освобождаетъ всѣхъ и каждого изъ жителей“ Курляндіи отъ учиненной ему присяги и „повергаетъ къ стопамъ августѣйшей монархини Россійской Имперіи“ торжественное отреченіе отъ всѣхъ своихъ „государскихъ преимуществъ и княжескихъ правъ“.

Въ отвѣтъ на эти акты, Императрица заявляетъ о своей увѣренности въ томъ, что желаніе, заявленное сеймомъ и его уполномоченными передъ Ея Величествомъ — относительно присоединенія — чистосердечію, и она торжественно *удовлетворяетъ* такъ заявленному желанію.

Въ результатѣ, манифесту Екатерины II о присоединеніи къ Имперіи княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго предшествуютъ: а) актъ отреченія герцога Курляндскаго Петра отъ принадлежащихъ ему правъ владѣтельнаго герцога; б) манифестъ рыцарства и земства Курляндіи объ отреченіи отъ прежней связи съ Польшею; в) актъ тѣхъ же рыцарства и земства о подверженіи ихъ Е. И. В.¹

Мы видимъ, что воля, изъявленная Курляндіей и отвѣтное волеизъявленіе Императрицы, совпадаютъ по своему предмету. Согласіе воль выражено здѣсь не въ трактатѣ — оно явствуетъ изъ сопоставленія актовъ.

Но если ищется подданство не безусловное, а *условное*, то подавно требуется формальное согласіе насчетъ условій соединенія. *Различіе культуръ, эпохъ и мѣстностей не имѣетъ здѣсь значенія. Различіе это отразится въ содержаніи и формѣ статей соглашенія, но само соглашеніе остается необходимой предпосылкой.*

Посмотримъ же, какими путями совершился переходъ отъ договорной связи Грузіи съ Россіей къ прекращенію политическаго бытія и къ инкорпорациі.

II.

¹ См. эти акты въ П. С. З. № 17,319.

1.

Покровительство, оказываемое Грузіи, и защита ея территоріи отъ внѣшнихъ враговъ — къ чему обязалась Россія по трактату 1783 г. были, къ сожалѣнію, настолько недѣйствительны, что, если вѣрить официальнымъ даннымъ, населеніе Грузіи въ періодъ отъ 1788 г. до 1801 г. уменьшилось чуть не на половину. Что къ 1801 г. Грузія представляла картину полного разоренія, и что пепломъ забвенія покрыта была лучшая пора царствованія Ираклія — въ этомъ никто не сомнѣвается.

Такое исполненіе обязательствъ, вытекавшихъ изъ протектората со стороны Россіи, равнялось ихъ неисполненію, и Грузія могла бы считать и себя свободной отъ обязательствъ въ отношеніи Россіи.

Извѣстны случаи, когда неоказаніе помощи зависимому государству сюзереномъ влекло за собой отказъ перваго отъ покровительства. Такъ поступили Нидерланды по отношенію къ Германской имперіи, не поддержавшей ихъ въ борьбѣ съ Испаніей. Точно также Люцернъ, будучи покинутъ герцогами Австрійскими, вступилъ въ Швейцарскій союзъ¹.

Мы упомянули, что Грузія одно мгновеніе готова была стать на такую дорогу и обезпечить свою будущность помимо Россіи. Но она предпочла остаться при старыхъ традиціяхъ и лелѣяла совершенно правильную мысль о необходимости болѣе *тѣснаго единенія* съ Россіей, такого единенія, при которомъ помощь Россіи, условленная трактатомъ, стала бы дѣйствительною. Еще Ираклій понималъ, что для этого необходимо ближе заинтересовать Россію: онъ предложилъ въ ея распоряженіе рудники, и былъ готовъ предоставить ей видное участіе въ дѣлѣ внутренняго переустройства Грузіи, переустройства, необходимость котораго давно сознавали, но которое было бы возможно, какъ мы не разъ говорили, лишь при внѣшней безопасности страны. Въ этомъ смыслѣ дѣлалъ въ Петербургѣ, передъ самой смертію Ираклія, представленія кн. Чавчавадзе, но безуспѣшно².

Въ руководящихъ кружкахъ Грузіи, при царѣ Георгіи XII, эта идея созрѣла окончательно, и для ея осуществленія, для созданія такого союза, который бы далъ Грузіи обѣщанное ей еще трактатомъ 1783 г., и были отправлены въ Петербургъ Георгій Аваловъ и Елеазаръ Палавандовъ. Совмѣстно съ кн. Гарсеваномъ Чавчавадзе³, они выработали планъ болѣе тѣснаго соединенія Грузіи съ Россіей, который мы и рассмотримъ.

2.

Соображенія грузинскихъ уполномоченныхъ изложены были въ 16 пунктахъ (такъ наз. „просительные пункты“), и нота, ихъ содержащая, была подана отъ имени Георгія XII княземъ Чавчавадзе 17 ноября 1800 года.

¹ F. Despagne, Essai sur les protectorats, p. 400–401.

² Предложеніе отъ кн. Г. Чавчавадзе ими Павлу 11 июля 1797 г. (*Цагарели*, т. II. № 120). Здѣсь мы имѣемъ, уже въ грубыхъ очертаніяхъ, начала позднѣйшихъ „просительныхъ пунктовъ“.

³ Всѣ трое отправились въ Россію въ началѣ 1800 г. См. объ этомъ „объявленіе отъ царя Георгія русскому посланнику при Грузинскомъ дворѣ, ст. сов. П. И. Коваленскому“ у *Цагарели*, ib. № 160.

Предположенія грузинскаго правительства, по разсмотрѣніи въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, были одобрены по всѣмъ пунктамъ имп. Павломъ — 19 ноября¹. 23-го того же мѣсяца послана царю Георгію Высочайшая грамота съ извѣщеніемъ, что нота, поданная его уполномоченными, „апробована“ Государемъ².

Тогда же первоприсутствующій въ Коллегіи графъ Растопчинъ сообщилъ Грузинскому царю Высочайшую волю относительно дальнѣйшаго хода дѣла. Именно, изъ Петербурга отправлены въ Грузію князья Г. Аваловъ и Е. Палавандовъ, съ тѣмъ, чтобы посылаемый съ ними списокъ съ ноты грузинскихъ уполномоченныхъ получилъ бы утвержденіе въ Грузіи, и, затѣмъ, съ названными князьями отосланъ обратно въ Петербургъ вмѣстѣ съ благодарительной грамотой, при чемъ, всѣ три посла должны быть названы послами отъ царя и отъ всего царства. А послѣ этого, будетъ заключенъ въ Петербургѣ *„обоюдный императорскій актъ“*, съ пристойнымъ торжествомъ.

Очевидно, что если бы форма соединенія Грузіи съ Россіей, предложенная грузинскими уполномоченными и принятая предварительнымъ соглашеніемъ русскаго и грузинскаго правительствъ, получила окончательную ратификацію и подтвержденіе „въ обоюдномъ Императорскомъ актѣ“, какъ это обѣщано было Императоромъ, исторія увидѣла бы добровольное не только по существу, но и по формѣ присоединеніе Грузіи къ Россіи, на началахъ, принятыхъ обѣими договаривающимися сторонами.

Въ дѣйствительности же характеръ присоединенія не выразился съ отчетливостью въ юридическіихъ актахъ; не произошло этого, потому что одновременно съ отправленіемъ грузинскихъ уполномоченныхъ, съ указанной цѣлью, въ Тифлисъ, задуманъ и постепенно приведенъ въ исполненіе другой циклъ распоряженій, имѣющихъ источникомъ единственно инициативу и волю русскаго правительства. И именно этотъ циклъ заканчивается безповоротной инкорпорацией Грузіи, тогда какъ первая, единственно правомѣрная и правильная, (если разсуждать формально), линія обоюднаго, двусторонняго соглашенія, внезапно обрывается и уступаетъ постепенно, но очень скоро, новому порядку вещей.

3.

Предложенныя грузинскими уполномоченными и одобренныя, какъ мы видѣли, имп. Павломъ начала соединенія Грузіи съ Россіей представляютъ не шагъ, а тысячу шаговъ впередъ на пути сплоченія и единства. Интересы и нужды Имперіи соблюдены въ такой мѣрѣ, что рамки автономіи, оставляемая за собой Грузіей, сводятся къ нулю.

Проектъ этотъ былъ, по самому существу своему, мертворожденнымъ, и потому мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Основное его начало — что отнынѣ Грузія поступаетъ въ *полную* зависимость и подданство Россіи и будетъ оставаться *во всѣхъ частяхъ* въ повиновеніи Императора.

¹ Акты, I стр. 179–181, № 121. См. Приложенія, F.

² Рескриптъ Павла I, данный въ С.-Петербургѣ 23-го ноября 1800 года. Акты, т. I, стр. 181, № 122. См. Приложенія, F.

Династія Багратіоновъ сохраняется¹ и представителямъ ея попрежнему принадлежить власть исполнительная въ царствѣ Грузинскомъ, но *власть законодательная всецѣло персдается Имперіи*; такъ что цари правятъ по законамъ — и подъ законами Императора. Точно также, доходы Грузіи должны находиться в распоряженіи русскаго государя: царю же грузинскому обезпечивается содержаніе. Войска русскія будутъ занимать грузинскую территорію и крѣпости. Наконецъ, обезпечивается равенство въ правахъ и передъ законами отдѣльнымъ состояніемъ грузинскихъ подданныхъ съ „россіянами“.

Несомнѣнно, что Имперіи здѣсь предоставлена львиная доля, и что притязанія грузинскихъ контрагентовъ очень скромны; въ концѣ концовъ, Грузинскій царь былъ бы лишь наслѣдственнымъ намѣстникомъ Грузіи и, говоря практически, Грузія была бы не болѣе, какъ привилегированной провинціей Имперіи, интересы которой были бы такімъ образомъ согласованы съ національными стремленіями Грузіи. Вѣроятно, авторамъ проекта казалось, что какими скромными предѣлами не ограничивается власть грузинскихъ царей и независимость Грузіи по этому проекту, все же, сохраняя національную династію, администрацію и пр., Грузія сохраняла тѣнь политическаго бытія; признаніемъ всесторонняго верховенства Имперіи, она давала послѣдней больше чѣмъ можно было ожидать отъ любого самостоятельнаго государства. *Но то немногое, что она оставляла за собой, она желала поставить подъ гарантію Императорскаго обоюднаго акта.* Въ Грузіи, повидимому, считали, что только такая гарантія сколько нибудь серьезна; и, дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока связь Грузіи съ Россіей укрѣплялась и усложнялась путемъ соглашенія, договора,— царство Грузинское сохраняло въ принципѣ, свою независимость; оно и по проекту, не превращалось въ созданіе Имперіи; нѣтъ, оно лишь *передавало* Имперіи ему принадлежащее право законодательства, взиманія податей и пр. Изъ полноты своихъ правъ отдавали очень много, но отдавали добровольно.

Всякое дальнѣйшее измѣненіе могло бы произойти, опять-таки, путемъ соглашенія.

Необходимо признать, что „просительные пункты“ были со стороны грузинской монархіи признаніемъ полнаго своего безсилія. Вполнѣ естественно, что у царей не хватило духа отречься отъ своихъ прерогативъ до конца; отъ всего существеннаго они отреклись, но желали еще для себя привилегій; они готовы были стать, вмѣсто царей, наслѣдственными правителями Грузіи. Однако подобный чисто средневѣковый порядокъ вещей не могъ быть вовсе терпимъ въ XIX вѣкѣ. Разъ самая главная права власти переходили къ Россіи, то царская власть была бы уже формой безъ содержанія, своего рода скорлупой выѣденнаго яйца. Вышвырнуть за борть эту скорлупку было необходимо; сдѣлать это не могли представители самой династіи; не могли и грузины, у которыхъ для этого не хватило бы инициативы: это могло и должно было сдѣлать одно только русское правительство; оно и выполнило эту задачу, — неблагодарную задачу устраненія династіи, отжившей свое время.

III.

¹ Эти два принципа: распространеніе на Грузію силы общеимперскихъ законовъ и сохраненіе наслѣдственнаго царства за Багратіонами, ясно выражены въ „полномочіи, данномъ царемъ Георгіемъ посланникамъ своимъ, отправленнымъ имъ въ С.-Петербургъ“. *Цагарели*, II, № 175. См. Приложенія, D. Начала эти и были положены въ основу „просительныхъ пунктовъ“ 1800 года, а также позднѣйшей ноты, поданной грузинскими послами въ апрѣль 1801 года, уже послѣ перваго манифеста о присоединеніи.

Теперь посмотримъ, какъ пришло русское правительство къ манифесту 18-го января 1801 года.

За два дня до подачи грузинскими послами разобранной ноты — и за четыре дня до ихъ „аппробаціи“ имп. Павломъ, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ генералу Кноррингу (15 ноября 1800 года). Въ рескриптъ этомъ говорится о ходатайствѣ посольства грузинскаго относительно вступленія въ подданство: подчеркивается „важность дѣла сего, сколько въ отношеніе земли той самой по себѣ, столько по соображеніямъ спокойства границъ нашихъ“: поэтому, повелѣвается „представить Намъ немедленно мнѣніе Ваше, сколько изъ ввѣренныхъ Намъ войскъ можно отдѣлить для *занятія Грузіи* и пребыванія въ оной...“¹. Затѣмъ, въ виду ожидавшейся уже тогда кончины Георгія XII, дается такая инструкция: „отправьте, коль скоро кончина его послѣдуетъ, немедленно туда объявленіе отъ имени Нашего, чтобы *до полученія отъ насъ соизволенія даже не было приступаемо къ назначенію преемника на царство Грузинское...*“²

Въ этотъ моментъ, отношенія Грузіи къ Россіи опредѣлялись еще началами трактата 1783 года, и предписаніе имп. Павла не допускать наслѣдниковъ къ престолу является очевиднымъ нарушеніемъ внутренней независимости Грузіи.

Еще въ сентябрѣ 1800 года ген. Кноррингъ въ письмѣ Георгію XII ссылается на артикулы трактата³.

Теперь Императоръ, не ожидая „обоюднаго акта“, дѣлаетъ распоряженія относительно занятія Грузіи войсками и оставляетъ за собой право распорядиться ея престоломъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ рядъ постановленій, также отступающихъ отъ теоріи „обоюднаго Императорскаго акта“.

Одновременно съ отъѣздомъ изъ Петербурга грузинскихъ уполномоченныхъ, графъ Ростопчинъ писалъ Кноррингу о необходимости заблаговременнаго распространенія въ Грузіи слуха, что получено повелѣніе итти въ Грузію съ войсками, будто бы на защиту ея. А когда послы вернутся въ Петербургъ, то послѣ этого (предполагалось, въ апрѣлѣ 1801 года) генераль можетъ занять Грузію войсками; до того, пусть все остается безъ измѣненій⁴. Но 18 декабря судьба Грузіи уже рѣшена — въ мысли и на бумагѣ. Именно, въ этотъ день (значить, когда послы еще не доѣхали до Тифлиса) подписанъ манифестъ о присоединеніи Грузіи и посланъ Кноррингу.⁵

Моментъ опубликованія этого манифеста желали приурочить къ тому времени, когда послы выѣдутъ обратно въ Россію, а царь, наконецъ, умереть. Разсчетъ не оправдался — т. е. царь скончался не въ тотъ моментъ, когда въ Петербургъ ему предназначею было умереть, но это вещь второстепенная. Интересно для характеристики присоединенія Грузіи, что подписанъ манифестъ, помимо обоюдности; интересно, что не велѣно — впредь до указа — быть грузинскому царю; интересно, наконецъ, что того же 18-го декабря повелѣвается Кноррингу представить подробное описаніе Грузіи — чтобы „*можно было приступить къ образованію правленія*“.

¹ Т. е. сверхъ тѣхъ войскъ, которыя уже были въ Грузіи для ея защиты, по трактату, съ 1799 года.

² Акты, т. I-й, стр. 177–8. № 116. См. Приложенія, С.

³ Ib. стр. 147. № 66.

⁴ „И мы будемъ имѣть удовольствіе соучаствовать въ дѣлѣ столь Богу и Государю угодномъ“. Такой фразой оканчивается это письмо Ростопчина Кноррингу. Акты. т. I, стр. 181, № 124.

⁵ Ср. Бутковъ, Матеріалы, т. II, стр. 465.

Итакъ, пока послѣдній царь Грузіи лежалъ на смертномъ одрѣ, а послы его съ проектомъ „обоюдного акта“ тащились по этой безконечной россійской равнинѣ къ горамъ Кавказа — въ Петербургъ уже было произнесено властное слово.

Павель такъ торопился получить Грузію, что можно понять его нетерпѣніе. Какъ долго пришлось бы ждать исполненія послами ихъ маршрута! Поэтому, не надо удивляться, что его приказъ Кноррингу относительно незамѣщенія престола данъ за 4 дня до апробаціи „просительныхъ пунктовъ“.

Съ этого-то момента сложный путь „обоюдного“ соглашенія замѣняется болѣе простымъ и, для извѣстныхъ цѣлей, болѣе выгоднымъ — путемъ непосредственныхъ указовъ „кому вѣдать надлежитъ“ или „до кого сіе касаться можетъ“.

Не смотря на такое неожиданное рѣшеніе вопроса о Грузіи, императоръ Павель, тѣмъ не менѣе, предполагалъ устроить въ Петербургъ театральнй пріемъ и приведеніе къ присягѣ „депутатовъ“ отъ грузинскаго народа. Романтически настроенное воображеніе этого монарха предназначало Грузію къ высокой чести: замѣнить для ордена св. Іоанна Іерусалимскаго Мальту, потерянную кознями коварныхъ британцевъ. Но этого не случилось.

VI.

28-го декабря 1800 года скончался царь Георгій, и тотчасъ же объявлена населенію воля Императора относительно престола¹. Но, вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, прибыли, наконецъ, въ Тифлисъ князья Аваловъ и Палавандовъ. Оставаясь на почвѣ „пунктовъ“, копію съ которыхъ они привезли въ Грузію — мы уже знаемъ, для чего — грузинскіе уполномоченные, которые, очевидно, по самому существу миссіи, на нихъ возложенной, не могли еще считать Грузію окончательно присоединенной — вручили царевичу Давиду грамоту императора Павла, и, вообще, смотрѣли на него, какъ на естественнаго преемника грузинскаго престола².

15-го января 1801 г. царевичъ Давидъ опубликовалъ воззваніе къ грузинскому народу, въ которомъ заявлялъ: „...Высочайше повелено мнѣ торжественно приблизиться къ трону Грузіи по наслѣдству, въ званіи правителя оной. И такъ какъ необходимо было объявить о семъ всѣмъ моимъ народамъ, то симъ и извѣщаемъ о принятіи нами управленія наслѣдственнымъ престоломъ“... января 15, годъ хроникона 489³.

Однако, Давиду только и удалось „приблизиться“ къ трону. Рядомъ съ умирающимъ династическимъ правомъ, императорскіе манифесты и указы уже создавали постепенно

¹ Еще 2-го декабря Кноррингъ предписывалъ ген. Лазареву принять мѣры, чтобы не было приступлено къ провозглашенію царя. „Сіе извольте содержать въ той тайнѣ, которую требуетъ важность онаго дѣла; а въ случаѣ смерти царя объявите монаршую волю царевичамъ, дворянству и народу и удерживайте тогда все въ предѣлахъ повиновенія“... О всякой „важности“ поспѣшно сообщать; депеши поручать исправнымъ казачьимъ старшинамъ, а, извѣщая о кончинѣ царя, посланнаго снабдить сильнымъ казачьимъ конвоемъ до Моздока. Акты, ib., стр. 182, № 125. См. „циркуляръ“ Лазарева жителямъ Кахетіи 28-го декабря 1800 г. (день смерти царя), *Цагарели*, II, № 177.

² Собственно русскія власти желали временное правленіе поручить царевичу Іоанну.

³ Акты, I, стр. 297, № 358. Воззваніе насл. царевича Давида къ грузинскому народу.

базисъ для новаго строительства; уже готовились бочки охры и налаживались кисти, чтобы перекрашивать Грузію въ общеимперскій цвѣтъ¹.

18-го января 1801 г. обнародованъ въ Петербургѣ 1-й манифестъ о присоединеніи² — менѣ знаменитый и хуже написанный, но не менѣ дѣйствительный, чѣмъ манифестъ 12-го сентября.

18-го января Грузія объявлена уже частью русской территоріи, и если до 12-го сентября положеніе ея еще какъ бы не опредѣлилось окончательно, то только потому, что понадобилось нѣсколько мѣсяцевъ, пока личное правосознаніе Александра I примирилось съ *такимъ* присоединеніемъ, какое произошло при его отцѣ.

Характеръ состоявшагося по первому манифесту присоединенія Грузіи къ Россіи думали смягчить тѣмъ, что Императоръ рѣшилъ въ торжественной аудіенціи принять грузинскихъ депутатов³, при чемъ онъ самъ былъ бы въ одѣяніи древнихъ царей Грузіи и т. д. Однако, этотъ маскарадъ не вознаградила-бы за утраченную независимость, и теорія „обоюдности“ не сразу была оставлена грузинами. 18-го января 1801 г. (въ одинъ день съ опубликованіемъ манифеста въ Петербургѣ) царевичъ Давидъ писалъ Кноррингу, что, согласно Высочайшей волѣ, онъ отправилъ князей Авалова и Палавандова къ Государю полномочными министрами, какъ отъ себя, „такъ и отъ здѣшнихъ духовенства и свѣтскихъ вельможъ“... Онъ проситъ генерала оказать имъ содѣйствіе „для пріобрѣтенія, какъ онъ говоритъ, *мнѣ* и *царству моему* заблаговременно благоденственной Высокомонаршей милости⁴“.

Посылая уполномоченныхъ, царевичъ Давидъ придавалъ имъ то значеніе, какое вытекало изъ переданной Растопчинымъ Высочайшей воли. Но мы видѣли, что воля эта шла одновременно двумя путями — путемъ „обоюдности“ и путемъ болѣе упрощеннаго односторонняго волеизъявленія. Какъ бы то ни было, въ Петербургѣ тоже ожидали депутатовъ — они были нужны для „публичной аудіенціи“.

Павлу хотѣлось, чтобы „вееъ свѣтъ“ видѣлъ добровольное присоединеніе Грузіи.

Иронія судьбы вторично нарушила предположенный церемоніаль этого присоединенія. Тогда уполномоченные не застали въ живыхъ царя Георгія; теперь, раньше ихъ пріѣзда въ Петербургъ, скончался самъ императоръ Павелъ⁵. Это произошло 12 марта 1801 г.

Теперь вопросъ о пріемѣ Императоромъ депутатовъ въ торжественной аудіенціи уступаетъ мѣсто другому, болѣе важному — именно, Александръ I не рѣшается сразу взять на свою совѣсть присоединенія Грузіи, предписаннаго стремительнымъ манифестомъ

¹ Какъ пишетъ авторъ меланхолическаго мемуара о послѣднихъ дняхъ Грузіи, „царевичъ Давидъ занялъ престолъ отца своего по наслѣдственному праву, и ему принадлежала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ власть, которую имѣли во всей полнотѣ дѣдъ его и отецъ. Но обстоятельства и политическіе перевороты не позволили ему воспользоваться всѣми царскими прерогативами“. И, такимъ образомъ, „коренная перемѣна постигла Иверію“. *Mémoires inédits, relatifs à l'histoire etc. II-de partie, § 198.*

² См. Приложенія, Н. Какъ мы видѣли, манифестъ этотъ былъ подписанъ еще 18-го декабря 1800 г. См. выше стр. 202.

³ Рескриптомъ 18-го января (одновременно съ манифестомъ) повелѣно Кноррингу обнародовать этотъ манифестъ въ Грузіи и поспѣшить присылкой депутатовъ.

⁴ Акты, т. I, стр. 297–8, № 359. Письмо царевича Давида ген.-л. Кноррингу.

⁵ „По чудесному стеченію судебъ, пишетъ Бутковъ, полномочные грузинскіе, не обрѣвъ въ живыхъ своего царя, лишились счастья зрѣть еще и російскаго монарха“. Извѣстіе о смерти Павла застало ихъ въ Москвѣ.

императора Павла. Поддержанный въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ этому акту ближайшими своими сподвижниками, членами знаменитаго „тріумвирата“, молодой государь противопоставляетъ точку зрѣнія *права* — идеѣ государственнаго *интереса*, которой одной руководились, присоединяя Грузію.

2.

Черезъ мѣсяць послѣ опубликованія манифеста въ Петербургѣ, послѣдовало его обнародованіе въ Тифлисѣ.

Между тѣмъ, царевичъ Давидъ, взявшій, по побужденію грузинскихъ уполномоченныхъ, въ свои руки бразды правленія въ Грузіи, дѣйствовалъ, какъ настоящій блюститель престола и будущій царь. Это положеніе вещей создалось фактически, благодаря „послабленію“ русскихъ военныхъ властей въ Грузіи.

Такимъ образомъ, при восшествіи на престолъ императора Александра, хотя Грузія и была уже манифестомъ 18 января объявлена частью Имперіи, но окончательной оккупации, окончательнаго водворенія въ ней русскихъ властей еще не произошло.

Для „присоединеній“, какъ и для многоаго другого, не достаточно еще одной воли, хотя бы въ манифестѣ изъясненной; необходимо еще создать соотвѣтствующій этой волѣ фактическій порядокъ вещей. Требовался рядъ политическихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью лишить государство, предназначенное къ упраздненію, его органовъ. А такъ какъ естественнымъ и нормальнымъ представителемъ Грузіи, носителемъ ея исчерпаннаго уже политическаго бытія являлся царь, то незамѣщеніе престола, на основаніи Высочайшаго распоряженія, и было тою мѣрой, которая влекла за собой конецъ одного порядка и начало другого. Русскія военныя власти не допустили провозглашенія новаго царя. Такое провозглашеніе привело бы къ открытому столкновенію. Этого не произошло, между прочимъ, и потому, что надѣялись еще на старый путь — двусторонней сдѣлки.

Даже послѣ перваго манифеста отправленіе новой, многолюдной депутаціи, съ прежними уполномоченными во главѣ, съ грамотами отъ всѣхъ сословій — открывало русскому правительству возможность, не доводя оккупации до конца, пересмотрѣть и провѣрить свои права на Грузію.

Словомъ, обратный пріѣздъ уполномоченныхъ съ депутаціей въ Петербургъ, съ намереніемъ добиться обоюднаго торжественнаго акта и двустороннимъ соглашеніемъ закрѣпитъ присоединеніе Грузіи къ Россіи — давалъ прямой отвѣтъ на сомнѣнія императора Александра I указывая ему единственно правильный и простой способъ правомѣрнаго разрѣшенія вопроса. Но, въ томъ то и дѣло, что всѣ старанія уполномоченныхъ были тщетны, и нашлись иные способы примирить колебанія щепетильнаго императора съ политическими выгодами Имперіи.

V.

1.

Вопросъ о присоединеніи Грузіи былъ однимъ изъ первыхъ вопросовъ, какіе пришлось разсматривать вновь учрежденному Государственному Совѣту при императорѣ Александрѣ I; этотъ же самый вопросъ обсуждался въ предпослѣднемъ засѣданіи Совѣта

императора Павла. И, хотя судьба Грузии была рѣшена Павломъ, а Александръ лишь не зналъ, какъ отнестись къ совершившемуся уже факту; но сановники императора колеблющагося больше обнаружили вниманія и серьезнѣе посмотрѣли на дѣло, чѣмъ совѣтники рѣшительнаго императора Павла.

Наканунѣ подписанія манифеста, 17 декабря 1800 г., читано въ Совѣтѣ представленіе графа Мусина-Пушкина объ „удобности и выгодахъ присоединенія Грузии, къ Державѣ Россійской“. Совѣтъ вполнѣ соглашался съ „удобностью“ и не отрицалъ „выгодъ“ такого шага. Болѣе того, онъ нашелъ, что званіе „покровителя тѣхъ земель“, даетъ императору *право* принимать необходимыя для безопасности края мѣры — поэтому, *отъ Государя зависитъ, какъ достигнуть этого: увеличеніемъ ли своего вліянія во внутреннихъ дѣлахъ Грузии, или же совершеннымъ ея присоединеніемъ къ Россіи*. Обосновавъ юридически право присоединить Грузію, (именно, какъ вытекающее изъ протектората *sic*), Совѣтъ исчисляеть выгоды, какія произойдутъ отъ этого для Россіи: здѣсь указываются „уступаемыя нынѣ царемъ Георгіемъ сокровища, тамъ въ богатыхъ нѣдрахъ заключающіяся“; затѣмъ, „вѣщая удобность“ обуздать хищныхъ горцевъ; наконецъ, знаменитый аргументъ насчетъ торговли „не токмо съ сосѣдями, но и *индѣскими* народами“, и стратегическія выгоды, въ случаѣ войны съ Портой или Персіей¹.

Само собой разумѣется, что императоръ Александръ, еще наслѣдникомъ, былъ знакомъ съ вопросомъ о Грузіи: журналъ только что упомянутаго засѣданія Совѣта подписанъ именно имъ².

Вступивъ на престолъ, онъ нашелъ, строго говоря, Грузію уже присоединенной, т. е. воля присоединить ее была уже изъявлена, притомъ въ авторитетной формѣ манифеста. Мы показали, что былъ, сверхъ того, сдѣланъ и рѣшительный шагъ къ исполненію этой воли, т. е. не допущено было провозглашеніе новаго царя.

Однако, многое изъ стараго сохраняло силу. Нуженъ былъ еще цѣлый рядъ мѣръ, чтобы осуществить рѣшеніе императора Павла. Но, въ щепетильный душѣ его сына нашлось мѣсто для колебаній.

Александръ, этотъ удивительный и капризный монархъ, переживавшій тогда пору благороднѣйшихъ и никогда не осуществленныхъ замысловъ, усумнился въ правомѣрности акта, на основаніи котораго Грузія присоединена къ Россіи. Онъ видѣлъ въ этомъ несправедливость по отношенію къ законнымъ наслѣдникамъ грузинскаго престола³.

Замѣчательно, что ни императоръ Павелъ, ни его совѣтники не видѣли, что, упраздняя тронъ Багратидовъ, они нарушаютъ очевиднѣйшимъ образомъ принципъ, изъ-за котораго готовы посылать на смерть арміи и возводить китайскую стѣну между Европой и Россіей,— принципъ легитизма. Впрочемъ, могло казаться неумѣстнымъ обсуждать „азіатскія“ дѣла съ точки зрѣнія европейскихъ воззрѣній на богоустановленность монархій.

¹ Архивъ Государитвеннаго Совѣта, т. II, стр. 881–882. Бутковъ со словъ Вейдемейера, тогдашняго правителя канцеляріи Государственнаго Совѣта, сообщаетъ, что, собственно, большинство членовъ Совѣта высказалось противъ присоединенія, но, пока изготавлялся въ этомъ смыслѣ журналъ, генераль-прокуроръ Оболяниновъ объявилъ, что на присоединеніе Грузіи дано уже Высочайшее соизволеніе, и сообразно съ этимъ долженъ быть составленъ журналъ. Его и составили „сообразно“. Матеріалы. т. III, с. 333. Оболяниновъ былъ типичный „угодникъ“ Павловскаго времени, вмѣстѣ съ Архаровымъ, Аракчеевымъ etc. Ср. *Пыпинъ*. Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 56.

² Бутковъ, *ib.* 334.

³ Архивъ Госуд. Совѣта, томъ III, часть 2-я, стр. 1189.

Въ виду сомнѣній Императора, вопросъ о Грузіи былъ предложенъ на обсужденіе вновь образованнаго Государственнаго Совѣта¹. Въ числѣ членовъ его были теперь лица близко знакомыя съ дѣлами этой части Азіи, по опыту и по личной роли въ политикѣ — именно Платонъ и Валеріанъ Зубовы. При такихъ условіяхъ, при возбужденіи вопроса о правѣ рядомъ съ вопросомъ о выгодахъ, нельзя было уже ограничиться ссылками на хищниковъ-горцевъ и „индѣйскую“ торговлю. Дѣйствительно, мы видимъ, что присоединеніе Грузіи къ Россіи вызвало въ Государственномъ Совѣтѣ настоящіе дебаты по вопросу внѣшней политики; рѣдкій примѣръ въ исторіи Совѣта на этотъ вѣкъ.

2.

Впервые при императорѣ Александрѣ I Совѣтъ занимался Грузіей въ собраніи 11 апрѣля 1801 г.

Читаны были бумаги о присоединеніи, и Совѣтъ нашель, что присоединеніе это имѣло двѣ причины. Во-первыхъ, донесеніе гр. Мусина-Пушкина объ обильныхъ рудникахъ; во-вторыхъ, объявленіе посланниковъ царя Георгія о желаніи его, чтобы царство поступило въ непосредственное подданство Россіи и тѣмъ избѣгло бы гибели въ виду неизбѣжныхъ раздоровъ. Пословъ отправили въ Грузію, чтобы они вернулись съ нужными полномочіями — для учиненія торжественной присяги².

Мы подробно говорили о томъ, въ чемъ состояло „объявленіе“ (т. е. просительные пункты) грузинскихъ уполномоченныхъ, извѣстно намъ и то, для чего ихъ отправили обратно (привезти отвѣтную грамоту и полномочія для заключенія „обоюднаго“ акта). Повидимому, въ числѣ „бумагъ“, читанныхъ въ Совѣтѣ, не оказалось главнѣйшихъ! Въ результатѣ, ни слова о миссіи уполномоченныхъ, ни слова о старыхъ обязательствахъ по трактату 1783 г., подтвержденному въ 1799 г.

По мнѣнію Совѣта, необходимо „удержать“ Грузію подъ скипетромъ Россіи по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) чтобы избавить слабое царство отъ пагубныхъ междоусобій; 2) собственное достоинство Имперіи, издавней покровительницы царства, требуетъ сохраненія его въ цѣлости (а потому, присоединенія); 3) этого же требуетъ спокойствіе границъ. И необходимо не только оставить въ Грузіи занимающія ее войска, но и приступить къ организаціи временныхъ властей, прочно тамъ основаться, — такъ какъ съ занятіемъ Грузіи должно быть связано исполненіе екатерининскихъ плановъ 1796 г.³.

Легко узнать въ этихъ разсужденіяхъ сподвижниковъ Екатерины.

Государственный Совѣтъ, извращая самый вопросъ объ отношеніи Грузіи къ присоединенію, допуская такія разсужденія, какъ: царство грузинское должно быть сохранено въ цѣлости — поэтому его надо присоединить къ Россіи, едва ли стоялъ на высотѣ задачи, возложенной на него монархомъ.

Александръ не спрашивалъ; выгодно ли присоединить Грузію? Онъ спрашивалъ: нѣтъ ли въ этомъ несправедливости, т. е. не нарушается ли этимъ династическое право наслѣдниковъ? Если бы существовалъ какой-либо актъ отреченія царя Георгія или его наслѣдниковъ отъ царственныхъ правъ въ пользу русскаго Государя, то, надо полагать, этотъ актъ былъ бы извѣстенъ монарху; и тогда ему не зачѣмъ было бы колебаться и

¹ Первое образованіе Государственнаго Совѣта при Александрѣ I относится къ 30 марта 1801 г. Вопросъ о Грузіи разсматривался уже 11 апрѣля.

² Архивъ Г. С., ib.

³ Ib. стр. 1190–1191.

сомнѣваться въ своемъ правѣ на Грузію. Тогда могла бы итти рѣчь о цѣлесообразности, о томъ, выгодно ли это, стоитъ ли брать на себя это бремя? Но, никакого подобнаго акта не существовало: для Александра ни откуда не было ясно, что Грузія дѣйствительно вступаетъ въ подданство по доброй волѣ; да и не могло быть ясно, такъ какъ обоюднаго акта, какого желали грузины, не было заключено, а манифестъ о присоединеніи былъ уже объявленъ. Значить, надо было помочь государю выйти изъ его сомнѣній. вмѣсто того, чтобы указать на единственно возможный путь правомѣрнаго рѣшенія вопроса — путь взаимнаго соглашенія, путь „обоюднаго“ акта, казалось, освященный еще Павломъ, вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу грузинскимъ уполномоченнымъ, также желавшимъ болѣе правомѣрнаго исхода дѣла — Государственный Совѣтъ, вслѣдъ за вельможами, сторонниками присоединенія, игнорировалъ, собственно, желанія грузинъ, хотя вся рѣчь шла именно объ этихъ желаніяхъ.

Разъ отвергали путь обоюднаго разсмотрѣнія, то оставалось или доказывать, что всѣ грузины жаждутъ непосредственнаго подданства, или же настаивать на пользѣ, какая послѣдуетъ отъ присоединенія для грузинъ и для Россіи. Совѣтъ такъ и поступилъ: голословно утверждая о желаніи грузинъ быть въ подданствѣ Россіи, онъ не жалѣлъ красокъ, рисуя выгоды и пользу отъ присоединенія для обѣихъ сторонъ.

Однако, государь не удовлетворился разсужденіями Совѣта въ этомъ засѣданіи.

3.

Черезъ 4 дня, въ засѣданіи 15-го апрѣля 1801 г., приступлено снова къ обсужденію грузинскихъ дѣлъ. Генераль-прокуроръ Беклешовъ сообщилъ о „крайнемъ отвращеніи Государя къ принятію Грузіи въ подданство Россіи“, такъ какъ онъ, Государь, „почитаетъ несправедливымъ присвоеніе чужой земли“¹.

Въ засѣданіи 15-го апрѣля высказано много интереснаго: доводы становятся болѣе вѣсскими. Но, опять-таки, вопросъ о „справедливости“, т. е. правомѣрности, рѣшается далеко не убѣдительно.

Совѣтъ остался при первоначальномъ своемъ мнѣніи. Во-первыхъ, онъ доказываетъ, что изъясненное отъ всего народа желаніе быть подданнымъ російскими достаточно оправдываетъ присоединеніе, такъ какъ „устраняетъ отъ предпріятія сего всякій видъ несправедливости“. Но, какого подданства желали — этого Совѣтъ не касался.

Затѣмъ, вторая серія доводовъ касается тѣхъ слѣдствій, которыя повлечетъ за собой непріятіе въ подданство. Слѣдствія эти двоякаго рода: а) непріятіе въ подданствѣ — будетъ для Грузіи „конечною пагубою“. Персіяне всегда вредили грузинамъ, и теперь жаждутъ лишь улучшить благопріятную минуту, чтобы жестоко отомстить имъ за ихъ связь съ Россіей. Говоря объ этой постоянно угрожающей опасности, Совѣтъ высказалъ точку зрѣнія, имѣвшую рѣшительное значеніе на исходъ дѣла.

По его мнѣнію, если надо помогать Грузіи, то приходится выбирать одно изъ двухъ: или совершенно устраниваться отъ нея, или же принять ее въ полное подданство. Или предоставленіе ея собственной судьбѣ — или полная инкорпорация. Другого исхода нѣтъ. *Tertium non datur*.

„Покровительство, какое доселѣ Россія давала Грузіи, имѣетъ взаимныхъ неудобствъ столько, что между совершеннымъ оставленіемъ послѣдней и принятіемъ ея въ подданство первой — нѣтъ середины“.

¹ *Ib.*, 1191.

Чтобы прочнымъ образомъ обезпечить Грузіи спокойствіе — нужно держать тамъ постоянно такое количество войскъ, что это будетъ крайне дорого; если же ограничиваться присылкой помощи лишь по мѣрѣ надобности, то цѣль не будетъ достигнута, Кавказская линія отдѣлена отъ Грузіи труднопроходимыми горами, а персіяне въ какія-нибудь сутки могутъ быть уже у стѣнъ Тифлиса.

б) Но и самой Россіи неприсоединеніе Грузіи сулитъ огромный вредъ. Предоставленная себѣ, Грузія будетъ уничтожена, и вмѣсто христіанскаго владѣнія, на нашей границѣ окажутся заклятые враги — мусульмане. Между тѣмъ, и до сихъ поръ Грузія оказывала ту услугу Россіи, что мѣшала соединенію враждебныхъ намъ силъ въ краѣ, и горцы не могли дѣйствовать съ такой увѣренностью, имѣя Грузію у себя въ тылу.

Но если не присоединить это царство, грузины, чего добраго, предадутся Турціи, и тогда! тогда послѣдствія будутъ страшны для Россіи. Ей придется имѣть дѣло на разстояніи границы въ 800 верстъ съ враждебными силами Кавказа, объединенными Турціей. Не замедлятъ присоединиться сюда и внушенія другихъ державъ; тогда — ужасно даже подумать о томъ, что тогда будетъ. Въ силу всего этого, необходимо присоединить Грузію къ Россіи.

Но чтобы устранить послѣднія колебанія, Государственный Совѣтъ предлагаетъ слѣдующій, рѣшительный способъ дознанія истины. Пусть дадутъ секретное повелѣніе генералу Кноррингу ѣхать въ Грузію и „изыскать“ на мѣстѣ: 1) можетъ ли быть Грузія царствомъ независимымъ, собственными силами противостоять врагамъ, смутамъ etc.? 2) дѣйствительно ли просьба о принятіи въ подданство опирается на единодушное желаніе всего народа?¹.

Обратите вниманіе на ходъ разсужденій Государственнаго Совѣта. Онъ съ начала же устанавливаетъ дилемму: или инкорпорація, или оставленіе на произволъ судьбы; затѣмъ, указываетъ на неисчислимыя бѣдствія, которыя послѣдовали бы при второмъ рѣшеніи вопроса (т. е. въ случаѣ непринятія въ подданство); остается только первый исходъ, т. е. полное присоединеніе, такъ какъ иныя комбинаціи Совѣтъ прямо замалчиваетъ. Вслѣдствіе такой постановки вопроса, и вышло, что ген. Кноррингъ долженъ былъ рѣшить то, что было ясно уже съ давнихъ поръ.

Можетъ ли Грузія быть совершенно независимымъ царствомъ? Но она искала у Россіи помощи въ теченіе вѣковъ, и именно ради этого обмѣнивалась посольствами. Наконецъ, для чего-нибудь же искалъ Ираклій покровительства Екатерины?

Затѣмъ, дѣйствительно ли просьба о подданствѣ есть общая всѣхъ просьба?

Но, строго говоря, не въ этомъ было дѣло, а въ томъ, какого подданства искали. Желали, повторяемъ, подданства съ царемъ и двустороннимъ актомъ.

4.

Императоръ Александръ согласился съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и, согласно предположенію послѣдняго, поручилъ генералу Кноррингу ѣхать въ Грузію и удостовѣриться на мѣстѣ: 1) дѣйствительно ли внутреннее и внѣшнее положеніе страны таково, что она не можетъ собственными своими силами обезпечить себя извнѣ и искоренить внутреннія междоусобія? 2) единодушно ли и по собственному ли убѣжденію сословія искали подданства, или же это плодъ воздѣйствій и внушеній?

¹ Ib. стр. 1191–1194.

Такова была миссія, возложенная на генерала Кнорринга Высочайшимъ рескриптомъ 19-го апрѣля 1801 г.¹.

Въ сущности, едвали не было странно поручать русскому генералу, притомъ несомнѣнному кандидату на постъ главнокомандующаго въ Грузіи,— какъ бы экспертизу того, что можетъ и чего хочетъ Грузія, когда, одновременно съ этимъ, въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ, грузинскіе уполномоченные вновь подавали ноту, выражавшую желанія уполномочившихъ ихъ, и тщетно добивались того, чтобы вопросъ рѣшенъ былъ съ ихъ участіемъ.

Пока генераль Кноррингъ знакомился на мѣстѣ съ грузинскими дѣлами, въ Государственный Совѣтъ поступили на обсужденіе два важныхъ прошенія касательно Грузіи; именно, 3-го іюня, прошеніе вдовствующей грузинской царицы Дарьи о томъ, чтобы оставить Грузію на прежнемъ положеніи, по трактату 1783 г.; а 4-го іюня читано прошеніе царевича Давида о сохраненіи ему наслѣдства на царство Грузинское. Но разсмотрѣніе этихъ предметовъ Совѣтъ отложилъ до возвращенія изъ Грузіи генерала Кнорринга².

22-го мая Кноррингъ въѣхалъ въ Тифлисъ, и началось его ознакомленіе съ Грузіей³. Оказалось, что царевичъ Давидъ, „допущенный полномочными грузинскими къ участію въ правленіи, по послабленію мѣстнаго военнаго начальства, присвоилъ себѣ почти всѣ права прежней царской власти“⁴.

Теперь трудно представить себѣ, въ какомъ двусмысленномъ положеніи находилась Грузія въ это переходное время. Русскій оккупационный отрядъ не допустилъ бы провозглашенія кого-нибудь царемъ: но онъ не помѣшалъ Давиду стать временно „почти“ царемъ.

Сторонники завѣщанія Ираклія, приверженцы Юлона, партія, вообще болѣе консервативная (и болѣе многочисленная), чѣмъ партія Давида — въ глазахъ русскаго начальства — были уже прямые бунтовщики⁵. Имъ объявляли, что царевичъ Давидъ есть Высочайше утвержденный наслѣдникъ, а Давиду, опять-таки по Высочайшему повелѣнію, не позволяли провозгласить себя царемъ. Затѣмъ, насчетъ присоединенія — полная

¹ Акты, т. I.

² Архвъ, ib. 1195–1196.

³ „Пребываніе главнокомандующаго въ Грузіи было весьма кратковременно... Къ обозрѣнію сей области, къ Имперіи присоединенной, онъ времени нисколько не имѣлъ, проживъ все то время въ Тифлисѣ“. Соколовъ, Путешествіе въ Имеретію съ Линіи кавказской etc., 118. Этотъ Соколовъ ѣздилъ съ секретнымъ порученіемъ въ Имеретію въ 1802 г.

⁴ Бутковъ, Матеріалы, т. II, гл. 261.

⁵ Впрочемъ, еще раньше установлена на нихъ эта точка зрѣнія. Вотъ воззваніе генерала Лазарева отъ 26-го января 1801 г.: „Священнѣйшее духовенство, сіятельнѣйшіе князья, почтенные дворяне и народъ Карталинскій!... е. св. царевичемъ и наслѣдникомъ Давидомъ посланъ къ вамъ Манифестъ, въ силу Высочайше имъ полученной грамоты на имя покойнаго царя вашего, черезъ бывшихъ посланниковъ при Высочайшемъ дворѣ князей Авалова и Палавандова, но коей е. св. царевичъ управляетъ царствомъ Грузинскимъ до воспослѣдованія Высочайшей воли“... Но тамъ многіе не исполняютъ этого: „духовенство чинить поминаеніе царю, котораго нѣтъ (т. е. Юлону), ибо никто еще не назначенъ Г. И. и сіе совсѣмъ противво Его Высочайшей воли, почему и предлагаю вамъ всѣ таковыя дерзости, противныя благоустроенному порядку, оставить“... Непослушныхъ ожидаетъ принужденіе. Акты. т. I, № 363, стр. 298–299.

неизвѣстность: манифестъ Павла былъ обнародованъ въ церквахъ, а когда русскія войска присягали Александру, при его восшествіи на престолъ. грузинъ къ присягѣ не приводили. Многіе поняли это такъ, что Грузія будетъ опять вовсе очищена.

Примите въ расчетъ броженіе въ сосѣднихъ странахъ, угрозы Персіи, Дагестана; припомните, что рѣчь идетъ о народѣ, уже неоднократно обманутомъ въ своихъ ожиданіяхъ, и искавшемъ подданства для улучшенія, а не ухудшенія своей судьбы; и вы поймете, что генераль Кноррингъ не могъ найти въ Грузіи ничего, кромѣ той путаницы, какую онъ изобразилъ въ своемъ отчетѣ государю.

Но, затѣмъ, онъ впадаетъ въ ту же ошибку, что и многіе другіе официальные наблюдатели: ихъ глазъ, привыкшій къ порядкамъ плацъ-парада и канцеляріи, видѣлъ въ Грузіи одинъ хаосъ и безпорядокъ. Однако, „иррегулярность“ еще не означаетъ отсутствія жизнеспособности. Живописное сочетаніе варварства, патриархальности и патриотизма, вся картина жизни Грузіи, таившая въ себѣ вѣками неразрѣшенную политическую проблему,—оскорбляла хорошо дрессированныхъ служакъ, военныхъ и гражданскихъ.

Кноррингъ сообщаетъ о всяческихъ неустройствахъ въ Грузіи и, не говоря, собственно, ничего новаго, отвѣчаетъ *отрицательно* на вопросъ о томъ, можетъ ли Грузія устоять безъ помощи и *положительно* на вопросъ, единогласно ли желаютъ грузины подданства.

Постановка вопроса, допущенная Государственнымъ Совѣтомъ и перешедшая въ рескриптъ Императора, предрѣшила и исходъ миссіи Кнорринга.

Едва ли нужны были эксперты для засвидѣтельствованія незавиднаго положенія Грузіи. Не говоря о свѣдѣніяхъ, отъ обилія которыхъ ломились архивы Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ цѣломъ рядѣ грамотъ царей несчастія страны были изображены со всѣмъ краснорѣчіемъ патриотизма и страданія.

Но генераль Кноррингъ, какъ и многіе другіе, пріѣхалъ — и увидѣлъ только безпорядокъ, безпорядокъ вездѣ и во всемъ; отъ него нельзя было ожидать соображеній, основанныхъ на болѣе свободной оцѣнкѣ вещей, болѣе широкихъ политическихъ взглядахъ. Во что бы то ни было, насадить благочиніе — вотъ къ чему сводился для этихъ людей вопросъ о Грузіи. Онъ не могъ не замѣтить, какъ радовалось населеніе его пріѣзду, видя въ этомъ залогъ того, что войскъ не уведутъ. Но онъ сдѣлалъ отсюда тотъ выводъ — что необходимо принятіе въ подданство полное и безусловное; выводъ этотъ, въ концѣ концовъ, получилъ и высочайшее утвержденіе — но смуты ближайшихъ лѣтъ показали, что это было не такъ, что подданства искали, но не такого.

5.

Докладъ генерала Кнорринга былъ поданъ Императору 28-го іюня 1801 г. Но за четыре дня, 24-го іюля, представленъ былъ Государю документъ, представляющій большой историческій интересъ и ничего общаго не имѣющій со всѣмъ, что мы до сихъ поръ видѣли, — ни по глубинѣ, ни по ясности принциповъ и силъ доводовъ. Нашлись государственные люди, которые въ присоединеніи Грузіи видѣли нѣчто болѣе сложное, чѣмъ выгодную для Россіи оккупацию страны, нуждающейся въ ея помощи. Мы имѣемъ въ виду всеподданнѣйшій докладъ о Грузіи графа А. Воронцова и графа В. Кочубея¹ (являвшихся

¹ Архивъ, ib. стр. 1200–1207. Напомнимъ, что этотъ гр. Воронцовъ былъ человѣкъ стараго поколѣнія, но во многомъ раздѣлявшій мнѣнія неофициальнаго комитета, а Кочубей — одинъ изъ главнѣйшихъ выразителей того освободительнаго теченія, которое заставило Россію забыть о превратностяхъ предыдущаго царствованія.

выразителями мнѣній неофициальнаго комитета). Если колебанія императора Александра были лишь колебаніями щепетильнаго чловѣка, то здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ какъ общихъ соображеній, такъ и спеціальныхъ доказательствъ.

Прежде всего, докладчики напоминаютъ Императору основной принципъ его политики: заботиться не о распространеніи предѣловъ и безъ того слишкомъ обширнаго государства, а объ его внутреннемъ благоустройствѣ. Этого принципиальнаго соображенія было бы достаточно, чтобы отвергнуть самую мысль „присвоить Грузію“: но существуютъ еще и многіе другіе доводы противъ этого.

Какова была политика Екатерины II — по отношенію къ Грузіи? Со временн присоединенія Крыма и гарантій Яскаго трактата, кавказская граница могла считаться обезпеченной, и Императрица никогда не имѣла въ мысляхъ присоединять Грузію; а если она приняла ее подъ свое покровительство, то это въ интересахъ своего *вліянія* въ этой части Азіи, въ интересахъ престижа Россіи, какъ покровительницы христіанъ, наконецъ, чтобы тамъ не утвердилась Порта.

Императоръ Павелъ сначала относился довольно безразлично къ Грузіи и съ трудомъ согласился подкрѣпить ее двумя баталіонами, въ виду угрозъ Персіи. Но, затѣмъ, образъ мыслей его измѣнился, и онъ рѣшился присоединить Грузію къ Россіи, „вслѣдствіе, какъ кажется, разныхъ неосновательныхъ свѣдѣній и происковъ, увеличившихъ до крайности важность пріобрѣтенія сего“.

Если сопоставить мотивы императора Павла и соображеніе Госуд. Совѣта, высказанныя уже при импер. Александрѣ, въ пользу удержанія Грузіи подъ скипертомъ Россіи, то окажется, что присоединеніе Грузіи мотивируется, во-первыхъ, докладомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ имп. Павлу, получившимъ „аппробацію“, въ которомъ, среди другихъ неправильностей, утверждается, будто въ Грузіи населенія до 800,000 чел., между тѣмъ какъ ген. Кноррингъ не ручается и за 160,000; во вторыхъ, якобы общимъ желаніемъ народа; но какимъ образомъ могъ изъяснить такое единодушіе народъ, разсѣянный по деревнямъ, и дворянство, раздѣленное на партіи? И неужели можно повѣрить, что царевичи, имѣющія права на престолъ, такъ просто ихъ уступаютъ?

Эти два пункта относятся еще къ манифесту имп. Павла. Затѣмъ, слѣдуютъ три мотива, выставленныхъ преимущественно Госуд. Совѣтомъ. Въ третьихъ — богатство рудниковъ въ Грузіи; въ четвертыхъ, удобство къ „обузданію“ горскихъ народовъ; въ пятыхъ, опасность, что, по очищеніи Грузіи, она отдается Портѣ, и тогда произойдетъ важный ущербъ для Россіи.

Но Совѣтъ желаетъ присоединеніе Грузіи связать съ возрожденіемъ старыхъ замысловъ насчетъ Персіи! Что такое прикаспійскіе берега — это Россія знаетъ по горькому опыту Петровскаго похода въ Персію, обошедшемуся намъ такъ дорого, когда множество солдатъ „находило гробъ свой“ въ тамошнемъ климатѣ¹. Не даромъ имп. Анна Іоанновна вернула Персіи всѣ завоеванія своего дяди. Говорятъ о торговлѣ съ Персіей и даже Индіей. Но развѣ не ясно, развѣ не признано наилучшими политиками, что всякое молодое государство должно заботиться о своей туземной промышленности, а не о рискованныхъ отдаленныхъ спекуляціяхъ? Жалкое и все ухудшающееся положеніе астраханской торговли достаточно подтверждаетъ это. Наконецъ, гдѣ эти капиталы? Ихъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ эти фантастическіе планы, имѣвшіе приверженцевъ въ лицѣ Зубовыхъ, докладчики приступаютъ къ политической оцѣнкѣ

¹ Одинъ этотъ доводъ показываетъ, что говорятъ люди новой школы. Это не потемкинскія и не зубовскія рѣчи.

присоединенія Грузіи, помимо Персії и Индіи. Необходимо разсмотрѣть выгоды и невыгоды этого приобрѣтенія.

Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ грузинскими дѣлами, каждому очевидно, что охраненіе Грузіи, если она войдетъ въ составъ русской территоріи, будетъ стоить намъ несравненно дороже, чѣмъ если она будетъ лишь подъ нашимъ покровительствомъ. Потому что, въ первомъ случаѣ, вниманіе Персії и Турціи привлечено будетъ въ гораздо болѣе степени.

Ссылаются на богатство рудниковъ. Но, во-первыхъ, „подобныя спекуляціи приличнѣе купеческой компаніи, нежели большому государству“; во-вторыхъ, предполагаемый доходъ такъ ничтоженъ (30,000 р. въ годъ!), что лучше предоставить дѣло частной предприимчивости; наконецъ, вѣдь рудники уступаютъ намъ и такъ; значить, можно ихъ оборудовать, не касаясь самостоятельности Грузіи¹.

Остаются соображенія о безопасности границъ. Но объ этомъ можно бы было говорить только въ случаѣ полного разоренія Грузіи; а если оставить ее, на прежнемъ положеніи, и подкрѣпить небольшіи числомъ войскъ, то жаловаться на необезпеченность границъ нельзя будетъ.

Такова политическая аргументація авторовъ доклада. Они оцѣнивали присоединеніе Грузіи съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Россіи, и отнеслись отрицательно къ этому присоединенію². Что же касается точки зрѣнія права, то они, конечно, отлично знаютъ, что ни о какомъ правѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи³. Они прямо говорятъ: что достоинство Его Величества требуетъ отверженія всякой мѣры, несправедливости заключающей, и не только это, но и интересы государственные (Россіи) требуютъ оставить Грузію на томъ положеніи, какое создано было при императрицѣ Екатеринѣ.

Однако, докладчики не ограничиваются критикой присоединенія Грузіи съ точки зрѣнія политическихъ нуждъ и задачъ Россіи. Они не забывали, что вопреки всему этому — вопреки праву и интересамъ Россіи „были учинены разныя распоряженія“. Необходимо распутать фактическое положеніе, созданное неподавленными еще притязаніями царевичей и колеблющейся русской властью. Поэтому, предлагаются способы „основать какъ спокойствіе въ Грузіи, такъ и систему для ея будущаго состоянія“.

Во-первыхъ, необходимо избрать на царство одного изъ царевичей, слѣдуя ли порядку наслѣдства, или же соображая егю личныя свойства. Но, затѣмъ, утвердивши его на престолѣ, удалить, если это понадобится, въ Россію другихъ претендентовъ, пока все успокоится и войдетъ въ колею.

¹ Кочубей основательно опровергалъ преувеличенныя представленія Госуд. Совѣта о богатствѣ и доходахъ Грузіи. Какое богатство могло быть въ странѣ безъ населенія, въ пустѣ лежащей! Вообще, какъ это ни странно, но разбираемый докладъ изобличаетъ больше знанія, чѣмъ разсужденія Зубовыхъ, считавшихся специалистами по вопросу. Въ частности, богатыя руды существовали, кажется, болѣе въ представленіяхъ гр. Мусина-Пушкина, чѣмъ въ дѣйствительности.

² Также отрицательно относится къ соображеніямъ Мусина-Пушкина и подвергаетъ ихъ солидной критикѣ анонимный авторъ „Разсужденія о пользахъ и невыгодахъ приобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши (Мингреліи)“, напечатаннаго позже.

³ Гр. Кочубей близко зналъ ходъ дѣла о Грузіи, такъ какъ ему, въ качествѣ вице-канцлера, приходилось скрѣплять относящіяся сюда бумаги при императорѣ Павлѣ.

Во-вторых, для поддержания нами поставленного царя оставить в Грузии небольшое количество войска, и, вообще, взять за правило, что несколько батальонов с артиллерией всегда там должны быть „на продовольствии земли“.

В-третьих, привести население к присяге на подданство и объявить Высочайшим манифестом, что Государь Император оставляет попрежнему царство Грузинское в вассальстве России и не перестанет всегда и всеми мерами защищать и покровительствовать Грузии.

Правда, возражают, что если не удержать Грузию под скипетром России, то царство это подвергнется мщению от Турции и Персии. Но это не основательно. Слабость Турции и неповиновение смежных с Грузией пашей — гарантия того, что Порты нечего бояться. А что до Персии, то всем известно, что даже Ага-Магомед-хан не осмелился бы вторгнуться в Грузию, если бы заблаговременно было послано на помощь ей хотя малое количество наших войск.

В-четвертых, необходимо для приведения в действие всех этих планов, отправить в Грузию военным начальником человека безпристрастного, а, кроме того, назначить, по-прежнему, министра при царь. Наконец, в пятых, чтобы устроить судьбы царевичей, необходимо, при возвращении кому-нибудь из них царства, выговорить для других определенное положение. Присутствие русского главнокомандующего и министра обеспечить их от всякой опасности; но, на обязанности русских властей будет лежать, между прочим, и противодействие проискам царевичей против царя, поставленного Россией¹.

6.

Государь передал вопрос о Грузии на обсуждение неофициального комитета, еще по получении первых донесений от генерала Кнорринга из Тифлиса². Неофициальный комитет, в противоположность Государственному Совету, пришел к убеждению, что присоединение Грузии и невыгодно России, и не основано ни на каком праве. Разобранный доклад графов Воронцова и Кочубея является именно формулировкой мнений неофициального комитета.

8-го августа 1801 года произошло решительное заседание Государственного Совета относительно участи Грузии.

С каждым днем неопределенного выжидательного состояния, возрастала анархия в стране, и чем дальше, тем меньше можно было говорить о царстве Грузинском, как о чем-то, еще не окончательно упраздненном; даже при благоприятном для самостоятельности Грузии решении вопроса, пришлось бы теперь *реставрировать*

¹ Словом, докладчики желали возвращения к режиму 1783–1800 г.г., но требовали исполнения трактата *bona fide*. В разбираемом документе видно стремление согласовать интересы Империи с желанием и правом Грузии. Он является как бы ответом на давнишние искания грузин. „Просительные пункты“, конечно, гораздо больше урезывают автономию Грузии, но они явились именно потому, что трактат исполнялся не так, как могли того ожидать грузины — и как позже этого желали авторы доклада.

² „Государственный Совет. 1801–1901“. Составлено в Государственной Канцелярии, стр. 10–11. Членами знаменитого „неофициального комитета“ были Строганов, Кочубей, Новосильцев и Чарторыйский. Собственно, Государь поручил рассмотреть вопрос о Грузии Воронцову и Кочубею, которыми и составлен изложенный выше доклад 24-го июля.

присоединенную уже Грузию. Это, конечно, увеличивало шансы сторонников присоединения, так как всякий совершившийся факт внушает к себе суеверное уважение, и перед ним обыкновенно преклоняются.

В заседании Совета 8-го августа 1801 г.¹ заслушаны донесение генерала Кнорринга о состоянии Грузии, в каком он ее нашел, когда ѣздил туда по Высочайшему повелению „для осмотра“; а также вышеизложенный доклад действий тайн. сов. графа Воронцова и вице-канцлера гр. Кочубея.

Не надо ни на минуту сомневаться: заседание это имело огромное историческое значение не потому только, что здесь окончательно решена судьба Грузии; но еще больше потому, что здесь столкнулось два мировоззрения, две политические концепции, различие которых можно наблюдать во всех крупных политических обществах. Какая из этих концепций восторжествует в данный момент в России — от этого зависело многое в грядущих судьбах Азии и Европы. Против империализма екатерининских орлов, не щадивших ни денег, ни людей для достижения порой необходимых, порой только величественных политических замыслов, здесь выступает столь характерное для первого десятилетия царствования императора Александра культурно-гражданственное направление.

Тогда как сторонники присоединения Грузии прямо ставят в связь с ее присоединением дальнейшее распространительное движение на Восток; противники соединения относятся отрицательно к замыслам на Переднюю Азию; ссылаясь на политическую экономию, они говорят, что такие страны, как Россия, не богатеют от заморских спекуляций; персидские походы напоминают им не о недобытых лаврах, а о массе жертв, походами этими поглощенных; ссылаясь на общие политические принципы императора Александра, они указывают что присоединение Грузии свидетельствует о таком течении, которое не вяжется с задачами культурного обновления России.

При других условиях, при большей живости общественного мнения, при наличии прессы и гласности, вопросы эти должны бы были повести к грандиозным политическим дебатам. В России, конечно, этого не было, но важность события от этого не изменяется, разногласие в Государственном Совете остается фактом многозначительным и крайне знаменательным.

7.

Донесение генерала Кнорринга окончательно убедило Совет в необходимости и неизбежности инкорпорации Грузии.

К соображениям о пользах, высказанным Советом в предыдущих разсуждениях, присоединяется еще один своеобразный довод. В интересах достоинства России необходимо не отступать от сделанного уже приобретения, известного не только сопредельным Грузии странам, но уже и всей Азии и всей Европе.

Совет обращает особенное внимание на общую радость населения, проявленную при въезде Кнорринга в Тифлис. Он полагает, что если среди членов царской семьи и среди вельмож найдутся некоторые, которые посмотрят с недовольством на подчинение Грузии российскому скипетру — то неужели можно уважить ропот этого меньшинства и отдать „многочисленнейшую и лучшую часть на жертву мщения и алчности нескольких злонамеренных людей, изурявших досель бедный край?“

¹ Архивъ, ib. стр. 1196–1200.

Затѣмъ, Совѣтъ указываетъ, что, благодаря двумъ претендующимъ на корону царевичамъ, возникаетъ неразрѣшимое противорѣчіе: права Юлона установлены завѣщаніемъ царя Ираклія; права Давида — духовной царя Георгія. Правда, Георгій, назначеніемъ Давида въ наслѣдники, поступилъ вопреки волѣ Ираклія; но Давидъ получилъ Высочайшее утвержденіе, какъ наслѣдникъ. Итакъ, назначеніе Давида царемъ противорѣчило бы завѣщанію Ираклія и желаніямъ грузинъ; а назначеніе Юлона — Высочайшему утвержденію.

Наконецъ, повторяются соображенія объ удобствахъ къ „обузданію хищныхъ горскихъ народовъ“, и необходимости предупредить турокъ и персіянъ, которые неминуемо захватятъ Грузію.

Все это ни мало не убѣдило авторовъ доклада. Графъ Воронцовъ объявилъ, что остается при своемъ мнѣніи, что не видитъ никакихъ основаній перемѣнить его.

Точно также вице-канцлеръ Кочубей, въ заключительномъ словѣ повторилъ сказанное въ докладѣ о невозможности для Россіи распространять свои границы, которыя и такъ изнурительно защищать; затѣмъ, онъ подчеркнул несправедливость присоединенія Грузіи съ точки зрѣнія началъ наслѣдственной монархіи; — а въ Грузіи цари правятъ именно наслѣдственно, а не по избранію; разъ представители династіи не только не отрекаются отъ своихъ правъ, но даже настаиваютъ на нихъ¹, то присоединеніе Грузіи было бы „насильство, ихъ наслѣдному праву надъ Грузіей учиненное“. Поэтому, графъ полагаетъ сохранить Грузію на положеніи вассальномъ, какъ было при Екатеринѣ II; задачи покровительства и интересы Россіи будутъ обезпечены войсками и полномочнымъ отъ Высочайшаго двора, который будетъ имѣть попеченіе и о мирѣ и тишинѣ среди членовъ царской фамиліи.

Но, ни политическіе доводы, ни указанія на неприкосновенность династическихъ правъ не поколебали давно сложившагося рѣшенія сильныхъ людей. Большинство Совѣта рѣшило утвердительною вопросъ о присоединеніи Грузіи, и рѣшеніе это получило санкцію императора².

¹ Въ какой фазисъ вступили отношенія Россіи къ старой грузинской династіи, можно видѣть изъ слѣдующаго діалога между гр. Мусинымъ-Пушкинымъ и царевичемъ Вахтангомъ. На вопросъ, не жалѣетъ ли царевичъ и мать его о грузинской коронѣ, изъ дому Багратіоновъ вышедшей, онъ подумалъ и отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ: „Не могу! жалѣю и сильно жалѣю! Заслуживали бы мы почтены быть безумными, если бы таковое сожалѣніе не существовало“. „Не того ли же заслуживаете, представилъ ему графъ, если не дѣлаете разсчета, что всѣми покушеніями дома вашего и вооруженіями скитающихся хищниковъ и разслабленныхъ войскъ азіатскихъ (намекъ на лезгинъ и персіянъ), не можете противостоять могуществу Россійской Имперіи и войскамъ, отъ которыхъ неоднократно трепетала вся Европа?“ Изъ письма гр. Мусина-Пушкина къ Д. П. Трощинскому. Акты, I, стр. 395, № 502.

² Еще послѣ засѣданія 8 августа, уже внѣ стѣнъ Государственнаго Совѣта, продолжалась борьба мнѣній по вопросу о присоединеніи Грузіи. Государь все еще колебался. 12 августа онъ получилъ по этому предмету записку отъ гр. Валеріана Зубова и послалъ ее Новосильцеву для разсмотрѣнія вмѣстѣ съ Строгановымъ. На слѣдующій день, 13 августа, все засѣданіе неофіціального комитета прошло въ преніяхъ по вопросу о присоединеніи Грузіи. Члены комитета оставались при прежнемъ мнѣніи, но Государь постепенно склонился къ рѣшимости присоединить Грузію. См. извлеченіе изъ „засѣданій неофіціального комитета“ въ приложеніяхъ къ I тому „Исторіи царств. имп. Александра I“ Богдановича, стр. 47.

VI.

Пока вопросъ о Грузіи обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, грузинскіе уполномоченные до послѣдней минуты старались добиться того, чтобы добровольное по существу присоединеніе Грузіи было и по формѣ дѣйствительно такимъ. Въ апрѣлѣ 1801 г. подана была пространная нота¹, въ которой они утверждали, что всѣ сословія Грузіи имѣютъ твердое желаніе вступить въ подданство Имперіи, непосредственно подъ ея законы; они просили императора Александра — и этого желали особенно настойчиво — чтобы совершившееся уже принятіе въ подданство утвердить торжественнымъ обоюднымъ актомъ². Они попрежнему ходатайствовали, чтобы кто-нибудь изъ царевичей былъ царемъ въ Грузіи³, т. е. назывался бы тамъ царемъ, а въ Россіи именовался бы императорскимъ намѣстникомъ; управлялъ бы совмѣстно съ руссійскимъ вельможей, который имѣлъ бы второе послѣ царя мѣсто; точно так же и въ учрежденіяхъ быть первымъ грузинамъ, вторымъ — русскимъ чиновникамъ (п. 2-й).

Вообще же, они желали, что бы всѣ мѣропріятія касательно устройства Грузіи, принимались бы съ ихъ совѣта и согласія, какъ представителей добровольно присоединяющагося грузинскаго народа.

Но, какъ обсужденіе вопроса о Грузіи въ Совѣтѣ, такъ и выработка организаціонныхъ актовъ (по устройству управленія въ Грузіи) происходили помимо всякаго ихъ участія⁴.

Въ концѣ 1801 г. всѣ трое грузинскихъ уполномоченныхъ удостоились представленія Государю Императору, „но отнюдь не на аудиенціи и не въ качествѣ посольскомъ, ибо предметъ ихъ дипломатическаго званія давно уже миновалъ, а партикулярно, какъ дворяне при отъѣздѣ изъ столицы въ свою землю“, полагалъ тотъ же Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 9 декабря 1801 г.⁵

Вопросъ былъ рѣшенъ или, вѣрнѣе, не *перерѣшенъ*: Грузія осталась присоединенной, какъ была присоединена императоромъ Павломъ. Только окончательно прекратилась неизвѣстность, въ которой томилось населеніе, и если не ясно еще было, что будетъ, то было видно, чего не будетъ.

Время отъ перваго до втораго манифеста представляетъ лишь заминку въ осуществленіи того, что постановлено было 18 января 1801 г.

¹ Нота эта, содержащая 20 пунктовъ, приведена цѣликомъ въ соч. *Платона Юсселиани* „Жизнь царя Георгія XIII“ (на груз. яз). 2-ое изд., стр. 118–440, а также у проф. *Цагарели*, II, Грузинскіе тексты, № 181.

² Этимъ актомъ Императоръ обѣщалъ бы за себя и премниковъ своихъ, что отеческое попеченіе ихъ не отнимется отъ грузинъ, добровольно вступившихъ въ подданство; что имъ будутъ даны тѣ же права и преимущества, какими пользуются старые подданные Е. И. В.; что дарство и его предѣлы будутъ защищены отъ вторженій и пр. (ib. 119). Прил. 3.

³ Этимъ разрѣшалось затрудненіе, которое такъ подчеркивалъ Госуд. Совѣтъ — соперничество двухъ претендентовъ. Въ концѣ-концовъ, призракъ междоусобія былъ преувеличенъ; царевичъ, поддержанный русскимъ правительствомъ, былъ бы признанъ всей Грузіей. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

⁴ Бутковъ, матеріалы. т. II, стр. 473 и 485.

⁵ Архивъ, I, ib., стр. 1210.

VII.

Но, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, столько было волненій, ожиданій; крупинки истины такъ легко выростали въ фантастическія лавины; сплетались, безъ конца, нити интригъ, и уныніе передъ утратой привычнаго ошущалось многими; обстоятельства дѣлали необходимымъ новое обнародованіе Высочайшей воли. Это и было исполнено достопамятнымъ манифестомъ 12-го сентября 1801 года, даннымъ Александромъ въ Москвѣ, наканунѣ коронованія, имѣвшего мѣсто 15 го сентября. Этотъ прекрасный памятникъ официальнаго краснорѣчія принадлежитъ перу кн. Платона Зубова.

Спустя семь мѣсяцевъ, 12-го апрѣля 1802 г. манифестъ этотъ обнародованъ въ Тифлисѣ. Онъ прочитанъ въ Сіонскомъ соборѣ, а затѣмъ приведены къ присягѣ царевичи, католикось, наконецъ, сословія Карталиніи и Кахетіи дали клятву въ вѣрности новому порядку.

Договорное отношеніе, опредѣлявшееся началами трактата 1783 г., уступило мѣсто оккупации, которая сопровождалась упраздненіемъ царской власти, носительницы политическаго бытія Грузіи, затемъ, оккупация эта замѣнилась распространеніемъ русскаго государственнаго порядка на страну, т. е. инкорпоращей. Вотъ схема присоединенія Грузіи къ Россіи.

Такъ была рѣшена судьба одного изъ древнѣйшихъ престоловъ христіанскаго міра, и произнесенъ суровый приговоръ исторіи надъ послѣдними, жалкими обломками нѣкогда сильной монархіи и народа, украсившаго свою родину и многія мѣста православнаго Востока забытыми теперь памятниками своего благочестія и христіанства.

Но, ни христіанство, ни монастыри, ни несравненная воинственность не могли помочь этому народу выпутаться изъ чащи отсталости и бѣдствій, въ которой онъ блуждалъ.

Для того, чтобы дать этимъ странамъ самыя первыя условія гражданственности — сколько-нибудь обезпеченный порядокъ и замиренность, требовались такіе ресурсы, такія средства, какихъ туземная жизнь въ началѣ XIX вѣка не имѣла.

Кто могъ дать эти условія, тотъ приносилъ этимъ пользу не только странѣ, но и себѣ — такъ какъ лишь этимъ путемъ — путемъ явныхъ культурныхъ заслугъ — власть пускаетъ корни въ чуждую почву.

Поскольку необходимыя требованія гражданской жизни осуществлялись въ присоединенной странѣ, блѣднѣли и утрачивали важность шероховатости сближенія Грузіи съ Имперіей. Въ шероховатостяхъ этихъ бесплодно винить отдѣльныхъ людей: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ стихійнымъ различіемъ государствешхъ складовъ, которое, рано или поздно, должно было сказаться.

Какъ бы то ни было, прекрасная традиція „добровольнаго“ присоединенія Грузіи вытекла не изъ фактовъ всецѣло, а изъ позднѣйшихъ настроеній и изъ общаго смысла событія. Традиція эта правильна въ томъ смыслѣ, что Грузія вѣками искала сближенія съ Россіей и желала тѣсной политической связи съ Имперіей. Но условія самого присоединенія не соотвѣтствуютъ въ точности этой традиціи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Заключительная.

I.

1.

Совершенно праздно обсуждать въ настоящее время, что бы было, еслибъ русское правительство, вмѣсто того, чтобы присоединять Грузію, оставалось при протекторатѣ, и, отложивъ временно вопросъ о болѣе тѣсномъ единеніи, не мѣшало Давиду провозгласить себя царемъ, а, напротивъ, поддержало бы его, какъ наслѣдника, утвержденнаго въ этомъ достоинствѣ самимъ Императоромъ. Точно также, лишнее гадать, что бы произошло, еслибы, какъ одно время думали, тотчасъ послѣ смерти Георгія, были уведены русскія войска изъ Грузіи¹, и предоставлено было претендентамъ самимъ рѣшить — какъ имъ угодно — вопросъ о грузинскомъ престолонаслѣдіи.

Мы не касаемся всѣхъ этихъ споровъ между царевичами, дѣленій на партіи, исканія помощи извнѣ и т. д. — основныя черты этой пестрой картины тянутся черезъ всю грузинскую исторію за послѣдніе вѣка; предприимчивые царевичи, стремящіеся добыть престолъ съ помощью персіянъ или лезгинъ; эти дяди, оспаривающіе корону у племянниковъ — все это старыя, давно знакомыя грузинамъ, вещи; все это связано съ тѣмъ уровнемъ общественности, на которомъ стояла Грузія; любая страна переживала, въ свое время, эти распри. Но Грузія издавна искала такихъ условій, при которыхъ можно бы было перейти къ болѣе высокимъ формамъ гражданственности. Такъ что, тѣ неурядицы которыя въ глазахъ Россіи дѣлали присоединеніе Грузіи политически необходимой мѣрой, тѣ невзгоды, которыя какъ бы служили оправданіемъ русскому правительству, вынужденному, для ихъ устраненія, уничтожить самостоятельность Грузіи — эти неурядицы и невзгоды существовали искони и они-то и побуждали Грузію, въ теченіе вѣковъ, искать русскаго подданства, какъ она его понимала.

Мы уже не разъ говорили, что внѣшняя необезпеченность и внутренняя шаткость — взаимно обуславливали другъ друга.

Политическая обстановка Грузіи 1800–1801 г. не представляетъ чего-нибудь чрезвычайнаго, невиданнаго до того. Конечно, страна, особенно за послѣднюю четверть вѣка, вынесла много испытаній и стала много слабѣе; но не это является новостью, а то, что теперь явилась съ твердымъ намѣреніемъ упрочиться въ Грузіи уже не Персія и не Турція, а Имперія съ европейски организованными военной силой и администраціей. Каждое изъ государствъ, желавшихъ обосноваться въ Грузіи, примѣняло для достиженія этой цѣли тѣ средства — военныя и админістративныя — какими оно располагало. Благодаря несовершенству этихъ средствъ у персіянъ, никогда ихъ власть въ Грузіи, даже послѣ опустошительныхъ походовъ лучшихъ шаховъ, не могла быть прочной. Но Россія, съ ея мощной арміей, и съ ея развитой, при всей односторонности, техникой управленія, очевидно примѣнила къ Грузинъ тѣ приемы, къ которымъ издавна привыкла обращаться у себя дома. Она не могла дать Грузіи ни хановъ, ни резидентовъ на англійскій ладъ, — она прислала генераль-губернаторовъ, генераловъ и капитанъ-исправниковъ.

¹ Въ этомъ смыслѣ данъ былъ Высочайшій рескриптъ Кноррингу 29-го октября 1800 г., т. е. незадолго до ноябрьскихъ рескриптовъ, приведенныхъ выше. См. *Бутковъ*, т. III. стр. 324.

Опредѣлять права Имперіи къ подвластному народу¹ двустороннимъ соглашеніемъ — это нѣчто предполагающее либо слабость, либо очень высокую культуру. А тогда еще не возвысились даже до пониманія необходимости опредѣлять отношеніе власти къ подданнымъ закономъ, а если и возвысились, то не умѣли и не желали осуществить этотъ принципъ на дѣлѣ.

Такъ что, между тѣмъ, чего Грузія ожидала отъ Россіи, тѣмъ способомъ соединенія, который Грузія считала для себя необходимымъ — и тѣмъ, что Россія могла ей дать, тѣмъ, какъ она могла отвѣтить на ея исканія, не только не было предустановленной гармоніи, а, напротивъ, было явное несоотвѣтствіе.

2.

Прослѣдите исторію грузино-русскихъ сношеній за рядъ вѣковъ и вы увидите, что основная идея грузинскихъ просьбъ — это идея подданства. Ищутъ подданства у Россіи. Это „подданство“ — стержень, вокругъ котораго повернулась Грузія въ 1801 году, чтобы изъ царства стать русской провинціей.

Просили подданства въ 1800 и въ 1801 году также, какъ и въ концѣ XVI вѣка, какъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ — подданства съ царемъ. Россія же приняла эту просьбу, но въ ея русской редакціи: какъ просьбу о подданствѣ полномъ. Отсюда произошло присоединеніе безусловное, *annexion pure et simple*².

Но вѣками выработанная идея не сразу забывается, и въ 1802 году грузины еще разъ формулировали свое завѣтное, но не отвѣчавшее уже обстоятельствамъ желаніе: мы приведемъ цѣликомъ этотъ замѣчательный документъ, отголосокъ многовѣковой исторіи, отчетливо выражающій политическое воззрѣніе старыхъ грузинъ-легитимистовъ на ихъ присоединеніе къ Россіи.

Прошеніе на Всевысочайшее Е. И. В. имя. „Всѣ Кахетинскіе жители, духовные и свѣтскіе, на колѣняхъ стоя, просимъ у В. И. В. Все милостивѣйшаго покровительства.

Все милостивѣйшій Государь! когда мы присягали на вѣрность В. И. В., тогда объявленъ былъ намъ Высочайшій Манифестъ, въ которомъ между прочимъ изображено, якобы мы донесли Высочайшему двору, что царя не желаемъ имѣть и будто безъ царя поступили мы подъ покровительство Е. И. В.

Сіе было бы съ нашей стороны республиканство на французскій ладъ! Наши цари предъ нами никакой вины не сотворили и намъ отъ нихъ не для чего отречься. Болѣе 1000 лѣтъ, какъ родъ Багратіоновъ есть царственный; многіе изъ нихъ за Христа и за насъ мученіе воспріяли и кровь свою проливали, и мы при нихъ умирали.

Итакъ, отрицаніе отъ нихъ не есть наше дѣло, а выдумка обманщиковъ, наше желаніе и просьба въ томъ состоитъ, чтобъ духовное завѣщаніе ознаменовавшаго себя великими подвигами на пользу отечества, покойнаго царя Ираклія было утверждено ж по силѣ его данъ бы былъ намъ царь, съ которымъ оставались бы мы подъ Высочайшимъ

¹ Въ данномъ случаѣ имѣется въ виду отношеніе къ Грузіи правительства императора Александра I, при вступленіи на престолъ котораго Грузія была уже присоединена и, въ этомъ смыслѣ, подвластна.

² Собственно, въ 1801 году желали осуществленія того, что номинально существовало уже давно: чтобы Императоръ сталъ дѣйствительно „Государемъ Иверскія земли и грузинскихъ царей“, какъ сказано въ титулѣ и какъ цари русскіе именуются съ 1586 г.

покровительствомъ Вашимъ и по мѣрѣ силъ нашихъ употребили бы себя на службу В. В. Сего просимъ отъ В. И. В. съ колѣнопреклоненіемъ и воздыханіемъ“¹.

Шероховатости и конфликты, сопровождавшіе введеніе русскихъ порядковъ, вслѣдъ за паденіемъ царства Грузинскаго, должны были быть тѣмъ сильнѣе, непріятности и разочарованія тѣмъ ощутительнѣе, что, не смотря на многовѣковое общеніе, грузины имѣли самое смутное представленіе о Россіи. Добиваясь ея поддержки, они не старались — да и не могли бы отдать себѣ отчета въ томъ, что сулить имъ помощь Россіи, чѣмъ все это можетъ кончиться, каковы, вообще, строй Россіи, ея государственные порядки и т. д. Грузины хорошо знали, были наслышаны о могуществѣ Россіи, затѣмъ, глядѣли на нее суевѣрными глазами православныхъ людей, ищущихъ спасенія отъ „агарянъ“ въ третьемъ Римѣ. Впрочемъ, мы уже говорили о несложности и нехитрости ихъ политики. Далѣе, этотъ народъ, состоявшій изъ дворянства, духовенства и крестьянъ — всѣхъ одинаково поработанныхъ всяческой рутиной — такъ привыкъ къ формамъ и явленіямъ жизни, не измѣнявшимся вѣками; этотъ консервативный, въ силу этого, народъ, говорю я, не могъ предвидѣть, какая коренная и всесторонняя ломка его ожидается; поэтому, не удивительно, что грузины почувствовали себя на первыхъ порахъ очень жутко, когда очутились лицомъ къ лицу съ государственностью иного масштаба и иного пошиба, чѣмъ привычные для нихъ.

Народъ во всѣхъ отношеніяхъ „иррегулярный“, они не могли сразу сжиться со строгостями такого полицейскаго государства, какимъ была Россія; вдумайтесь въ это обращеніе кахетинскаго дворянства къ ген. Гулякову, лѣтомъ 1802 г. — сопоставьте его съ приведеннымъ выше адресомъ Государю, и міровоззрѣніе тогдашнихъ грузинъ будетъ у васъ на ладони².

Но времена измѣнились, и это обращеніе, въ каждой строкѣ котораго чувствуется старина, съ ея наивной пластикой словъ и убѣждений, цѣльныхъ, какъ глыба, выкованная молотомъ исторіи на наковальнѣ времени, — это обращеніе приобщено было къ дѣлу о бунтѣ. И, конечно, хотя мало соотвѣтствія между благороднымъ стилемъ этихъ заявленій и тѣми героями военной и гражданской службъ, которые призваны были судить ихъ авторовъ, но именно послѣдніе были представителями умирающаго прошлаго, осужденнаго исторіей, а первые, или, вѣрнѣе, тотъ порядокъ, представителями котораго они являлись, открывалъ для Грузинъ двери если не лучшаго, то болѣе „регулярнаго“ будущаго.

¹ Акты. I, стр. 387.

² Отъ дворянства Кахетіи къ ген. Гулякову отъ 21-го іюля хроникона 490 (1802).

„Первый нашъ докладъ таковъ: Мы, Грузины, составляемъ одну маленькую землю. Съ нами воевалъ султанъ, который есть великій государь, съ нами воевалъ шахъ, и мы бывали его подвластными; съ нами воевалъ Дагестанъ,— тоже большая земля, но ни одному изъ нихъ мы не покорились. Хотя они дѣлали намъ насиліе, иногда и забирали насъ, но мы ни одному не сдались, ибо они были язычники. Когда они насъ покоряли, ни тогда, ни послѣ того они *не отмѣняли у насъ царскаго званія, не отмѣняли архіерейства, не отмѣняли княжества, не отмѣняли крестьянства* — что видятъ ваши собственные глаза. Не имѣя покоя отъ столь сильныхъ враговъ, мы многократно оборонялись отъ нихъ и шашкой, и словомъ то правымъ, то ложнымъ и уплатой дани Дагестану удаляли его отъ себя. Будучи въ такомъ стѣсненіи, наши цари умоляли Всемилостивѣйшаго Государя, чтобы онъ ради христіанства сдѣлалъ милость, принявъ насъ подъ покровительство Россіи, дабы и царямъ нашимъ прибавилось чести и славы, и церквамъ, архіереямъ, князьямъ, крестьянамъ и пребывали бы мы въ безопасности...“

Акты, т. I, стр. 388.

Какъ совершалось водвореніе и упроченіе русскихъ властей въ краѣ; какъ постепенно Грузія стала на новыя рельсы, и какъ старая лойяльность переродилась въ иную, имперскую лойяльность, какіе изъ этой лойяльности получались результаты для грузинскаго народа,— все это выходитъ за предѣлы нашей темы и относится къ исторіи Кавказа въ XIX вѣкѣ.

Но не сразу рушились всѣ элементы старой Грузіи: сначала пало царство и царь, затѣмъ самостоятельная церковь, наконецъ, медленно, но все ускоряясь, шло и идетъ распаденіе старыхъ сословій, старыхъ формъ хозяйства, старыхъ суевѣрій, нравовъ, обычаевъ.

II.

Императрица Екатерина II, какъ мы показали, смотрѣла на Грузію съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ Турціи и Персіи. Для чего нужны были грузины въ 1769–74 годахъ; и какое отношеніе имѣлъ трактатъ 1783 г. къ персидскимъ предпріятіямъ Россіи — все это нами разсмотрѣно.

Спрашивается, что побудило императора Павла такъ неожиданно присоединить Грузію? Присоединеніе это не входило въ планы екатерининскихъ вельможъ перваго и втораго призыва, конечно, не изъ уваженія къ „нравамъ народовъ“, а просто потому что объ этомъ не думали, это не стояло на очереди. Правда, когда между графомъ Тотлебенемъ, начальникомъ экспедиціоннаго отряда, и царемъ Иракліемъ произошли крупныя разногласія, дѣло дошло до того, что Тотлебенъ сталъ приводить населеніе къ присягѣ на вѣрность Императрицѣ и собирался низложить Ираклія; когда посылали въ Грузію и снабжали инструкціей гвардіи офицера Языкова — для разслѣдованія дѣла — то ему давали указанія и на тотъ случай, если *Ираклій уже лишенъ Тотлебенемъ владѣнія*¹. Такъ широко понимали въ Петербургѣ полномочія русскаго генерала, и такъ мало значили тамъ права царя, приглашеннаго, въ качествѣ единовѣрца, дѣйствовать въ борьбѣ съ общимъ непріателемъ².

Но позже преемнику Тотлебена, генералу Сухотину, внушали, что не имѣютъ въ виду приобрѣтенія Грузіи³.

¹ Въ случаѣ, если Т. „лишилъ уже Ираклія его владѣнія и пожалованной отъ насъ ему кавалеріи ордена св. Андрея“, то необходимо разсмотрѣть „сколь нужно примиреніе Ираклія съ генераломъ, или возстановленіе его въ лишенныя владѣнія и возвращеніе кавалеріи“. Предусматривали и такую комбинацію, что Ираклій низложенъ, но грузины все же продолжаютъ военныя дѣйствія вмѣстѣ съ Тотлебенемъ. *Цагарели*, Грамоты etc., № 59, п. 1–й. Инструкція Языкову.

² Зато Екатерина хорошо понимала, что „безъ сумазбродства Ираклію не можно вздумать себѣ присвоивать власть поставить командировъ надъ моими войсками“. См. письма ея къ Панину (1760 г.) въ Сборн. Русск. Истор. Общества. т. X. стр. 442. Письмо это вызвано извѣстіемъ о готовившемся заговорѣ съ цѣлью арестовать Тотлебена.

³ „Не проча мы... Грузіи въ непосредственную собственность имперіи нашей“, *ib.*, № 218, п. 3–й. Инструкція ген. Сухотину. 13 января 1771 г. Впрочемъ еще 16–го іюля 1770 г. Панинъ писалъ Тотлебену, что если приводъ къ присягѣ грузинъ происходитъ безъ принужденія, и отъ этого лучше будутъ идти военныя предпріятія, то можно и продолжать; думать же о большемъ теперь не время: „сверхъ того, прибавляетъ Панинъ, отдаленность Грузіи и трудность проѣздовъ — два обстоятельства, которыя присвоеніе сей земли также непрочнымъ дѣлаютъ. *Можетъ стать, что въ продолженіе времени представятся и средства, по которымъ сіи неудобности не будутъ больше такими казаться*“... *ib.* № 65.

Въ 1783 году начинается протекторатъ Россіи надъ Грузіей; рушатся предположенія Потемкина насчетъ овладѣнія персидскими провинціями — и протекторатъ осуществляется вяло, чтобы не сказать большаго. Съ предпріятіемъ похода въ Персію 1796 года, Грузія опять привлекаетъ вниманіе; и не только не думаютъ присоединять ее, но, напротивъ, мечтаютъ объ ея усиленіи, объ увеличеніи ея территоріи, объ упроченіи тамъ царской власти. Но это желаніе видѣть Грузію сильной имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и желаніе Панина, чтобы всѣ грузинскіе владѣтели дѣйствовали дружно, заодно: пока смотрятъ на Грузію, какъ на орудіе, предпочитаютъ, чтобы оно было въ полной исправности.

Что это именно такъ, слѣдуетъ изъ того, что, какъ было указано, тѣ же самые Зубовы, которые убѣждали Ираклія въ преимуществахъ единовластія и остерегали его дѣлать царство на удѣлы, были въ 1801 г. главными сторонниками присоединенія Грузіи.

Когда походъ 1796 г. окончился отозваніемъ войскъ обратно, то ушелъ и отрядъ, находившійся въ Грузіи. Отношеніе Павла къ Грузіи началось съ полной индифферентности. Если въ 1798–99 годахъ трактатъ 1783 года какъ бы возобновленъ во всей своей силѣ, если присланъ былъ резидентъ и проч. — то это потому, что, въ противномъ случаѣ, можно было ожидать со стороны Грузіи какого-нибудь соглашенія съ одной изъ двухъ мусульманскихъ державъ. Такъ что въ этихъ актахъ императора Павла нѣтъ ничего, кромѣ желанія сохранить уже добытыя связи и вліяніе, не уступать ихъ другимъ. Инструкція, данная резиденту — совершенно дипломатическаго характера: предписывается оберегать силу русскаго вліянія отъ всякихъ на него покушеній; до полнаго присоединенія еще такъ далеко, что предлагается поощрять грузинъ къ устройству регулярной арміи и артиллеріи¹.

Но ужъ такова была полная неожиданностей политика императора Павла: начавъ съ отозванія вспомогательныхъ войскъ изъ Грузіи, онъ кончилъ ея присоединеніемъ.

Съ двухъ сторонъ его вниманіе привлекалось и сосредоточивалось на Грузіи.

Во-первыхъ, исканія царя Георгія, желавшаго самаго тѣснаго единенія съ Россіей; мы говорили уже, въ чемъ заключались эти желанія. Форма и содержаніе „просительныхъ пунктовъ“ были таковы, что не оставалось сомнѣнія въ серьезности и искренности исканій Грузинскаго царя.

Къ этому присоединились и одновременно вліяли на Императора донесенія графа Мусина-Пушкина. Этотъ искатель рудъ и политикъ-доброволецъ исчерпалъ рѣшительно всѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можно говорить о желательности, пользѣ, выгоды, необходимости и неизбѣжности присоединенія Грузіи — и все это съ такой наглядностью, такой увѣренностью, что, можно положительно утверждать, именно эти донесенія, подкрѣпляя и восполняя просьбу грузинскихъ уполномоченныхъ, побудили Павла рѣшиться на присоединеніе Грузіи². А разъ эта мысль запала въ его душу, то съ такой же судорожностью, съ какой онъ отозвалъ за четыре года назадъ свои войска изъ Грузіи — онъ торопится не упустить изъ рукъ того, что такъ неожиданно добыто. И вотъ, не ожидая исполненія программы, имъ же начертанной, насчетъ двухстороняго соглашенія, онъ порывисто произноситъ свое рѣшительное и окончательное слово, и вмѣсто того, чтобы начать съ пріема депутатовъ, выслушать ихъ, а затѣмъ манифестомъ объявить о присоединеніи Грузіи, онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: начинается съ манифеста, а

¹ Инструкція Коваленскому. т. II, Акты, стр. 93–95.

² Ср. *Бутковъ*, т. II, гл. 255 и собственные слова графа Мусина-Пушкина въ письмѣ къ Троцинскому. Акты I, 395. То же самое говоритъ авторъ „Разсужденія о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши (Мингреліи)“, написаннаго въ началѣ XIX вѣка.

затѣмъ вызываетъ депутатовъ, желаетъ принять ихъ въ торжественной аудіенціи и даже готовить для этого особый костюмъ. Прибавимъ сюда намѣреніе сдѣлать Грузію великимъ пріорствомъ ордена іоаннитовъ, и согласимся, что стиль царствованія императора Павла Петровича соблюденъ вполнѣ. Въ Грузіи не сталкивались интересы европейскихъ державъ; ее можно было присоединить, ничѣмъ не рискуя. Философія ея присоединенія императоромъ Павломъ не сложнѣе, чѣмъ философія любого выгоднаго и легкаго, ничѣмъ не грозящаго пріобрѣтенія — все равно, частнаго или государственнаго. Итакъ, именно *это стеченіе обстоятельствъ вліяло на то, какъ была присоединена Грузія при Павлѣ.*

При восшествіи на престолъ Александра, дѣло уже было сдѣлано. Сомнѣній императора хватило на то, чтобы отложить на нѣсколько мѣсяцевъ рѣшительныя дѣйствія, но и только. Достаточно, однако, этихъ сомнѣній, чтобы предположить, что, на мѣстѣ отца, Александръ поступилъ бы иначе.

Затѣмъ, торжество въ Государственнымъ Совѣтѣ мнѣній гр. Зубова очень понятно: дѣйствительно, наконецъ-то добились серьезнаго успѣха въ этой части Азіи. Подумать, чего стоили предпріятія въ Персіи, и какъ мало они дали результатовъ. Теперь, съ присоединеніемъ Грузіи, начинается новая эра въ исторіи Передней Азіи. Попытки утвердиться на южномъ берегу Каспія не увѣнчались успѣхомъ, потому что базой не могла же быть Астрахань! Безкровное пріобрѣтеніе Грузіи, съ точки зрѣнія цѣнности и выгоды — нѣчто легендарное, случающееся въ тысячелѣтіе разъ. Въдѣ очутившись въ центрѣ Закавказья, на равномъ разстояніи отъ двухъ морей, Россія уже и не замѣтитъ, какъ овладѣетъ всѣми землями между этими морями. Округленіе новыхъ границъ, созданіе, постепенно, изъ первоначальнаго пріобрѣтенія цѣлаго огромнаго края — все это уже шло само собой.

Ослабленіе Турціи, униженіе Персіи, превращеніе Каспійскаго моря въ русское озеро — и дальнѣйшее распространеніе колоній и владѣній въ Среднюю Азію; власть надъ прекрасными странами и приливъ силъ, благодаря позиціямъ и шансамъ, выгоды которыхъ и теперь далеко еще не исчерпаны; словомъ, могущество Россіи въ этой части Азіи — вотъ что, въ конечномъ результатѣ, означало и значило для Россіи пріобрѣтеніе Грузіи, рѣшительный шагъ на этомъ пути.

Въ что особенно важно: Грузія пріобретена, такъ сказать, заблаговременно; еще немного, и, быть можетъ, въ эти заброшенные края проникли бы агенты державы, которой присоединеніе Грузіи грозило въ будущемъ осложненіями и тревогами.

Итакъ, въ общемъ итогѣ, даровое пріобрѣтеніе это съ избыткомъ покрывало безплодныя траты прежняго времени — стоимость персидскихъ затѣй Петра и Екатерины. Русскіе политики стучались не въ ту дверь; а когда, неожиданно для нихъ, открылась по сосѣдству другая, и увидѣли, какія за ней открываются заманчивыя перспективы, то стремительно бросились внутрь, сбивъ съ ногъ довѣрчиваго гостепріимнаго хозяина; на минуту стало неловко и подумывали даже уйти обратно, но, затѣмъ, предпочли остаться — и ужъ навсегда.

III.

Крайне своеобразно было положеніе Грузіи въ международномъ оборотѣ. Въ XVIII стол. разныя грузинскія владѣнія, сосѣднія ханства и пашалыки — представляютъ особый мірокъ „международныхъ“ отношеній, съ договорами, коалиціями, войнами, дипломатіей, посольствами и проч. Эта плеяда политическихъ единицъ какъ бы заслоняла Грузію отъ болѣе широкой арены международного общенія. Попытки ея завязать сношенія съ

державами Европы не удавались — державы эти не имѣли съ ней никакого соприкосновенія¹. Съ торговлей вывозной Грузія не имѣла ничего общаго. Грузинскія земли, прилежающія къ Черному морю, вели мѣншой торгъ съ турецкими купцами — поставляя невольниковъ² и всякое сырье. Классическое описаніе этого хозяйства, гдѣ не имѣютъ примѣненія деньги, находимъ у Шардена, бывшаго въ Грузіи во 2-ой половинѣ XVII-го вѣка. Торговые люди Восточной Грузіи, преимущественно армяне, были, конечно, и тогда умѣлыми коммерсантами — но еще въ восточномъ стилѣ. Европейскія торговыя сношенія съ Персіей были очень живы при Сефевидяхъ; въ томъ Испаганѣ, который намъ описали многочисленные путешественники, можно было встрѣтить купцовъ всѣхъ европейскихъ національностей. Тогда и Восточная Грузія, вела оживленную торговлю съ Персіей; но это была пора царей-мусульманъ и наибольшаго иранскаго вліянія. Позже, въ XVIII ст., возродились національныя стремленія въ Грузіи, но въ эту эпоху безконечныхъ гражданскихъ войнъ въ Персіи падаетъ ея торговля съ Европой; благодаря отсутствію всякой обезпеченности, европейскіе товары не направляются уже туда въ такомъ количествѣ, страна бѣднѣетъ, пустѣетъ.

Поэтому, условія для сближенія Грузіи съ Европой въ XVIII ст. едва ли не хуже, чѣмъ въ XVII. Европейскія вліянія могли придти еще путемъ католической пропаганды; и, дѣйствительно, міссіонеры не мало принесли пользы грузинамъ, но католицизмъ не получилъ большого распространенія. Такъ что, не будучи рынкомъ ни для вещественныхъ, ни для духовныхъ продуктовъ, отдаленная изолированная Грузія мало занимала Европу.

Въ концѣ концовъ, Грузія имѣла дѣло только съ восточными государствами и съ Россіей. Мы подробно говорили о томъ, какъ складывались ея отношенія къ сосѣдямъ, и какъ это завершилось протекторатомъ Россіи.

Протекторатъ этотъ своеобразенъ потому, что былъ съ самаго начала какъ бы домашнимъ дѣломъ между Россіей и Грузіей; но это трогательное единеніе не было выгодно для послѣдней. Если бы протектировать этотъ осуществлялся въ условіяхъ междунаго общенія — въ атмосферѣ взаимодѣйствія нѣсколькихъ, притомъ цивилизованныхъ государствъ, дѣло приняло бы другой оборотъ. Тогда пришлось бы исполнять обязательства, лежащія на сюзеренѣ, съ гораздо большей точностью; иначе, конкурирующимъ державамъ открывался бы поводъ привлечь на свою сторону, недовольное сюзереномъ, подначальное государство. Именно этой обстановки не было въ нашемъ случаѣ; и именно поэтому протекторатъ Россіи осуществлялся такъ, какъ мы видѣли.

То же самое надо сказать и о присоединеніи. Что оно совершилось такъ, а не иначе, это прямо зависѣло отъ того, что Россія, рѣшая судьбу Грузіи, считалась только со своими интересами — и своей щепетильностью; ей не приходилось бороться съ встрѣчными

¹ Не забудемъ, что Черное море до послѣдней четверти XVIII в. было сплошь турецкимъ моремъ. Надо прочесть о мытарствахъ, какія испыталь Саба-Сухтанъ-Орбеліани въ началѣ XVIII вѣка, когда ѣздилъ завязывать сношенія съ Европой — чтобы видѣть всю непреодолимость стѣны, отдѣлявшей Грузію отъ Европы. Еще наканунѣ заключенія трактата, съ Россіей, Ираклій обращался къ правительству Людовика XVI, но безуспѣшно.

² Съ работорговлей боролись лучшіе цари и іерархи церкви, какъ съ Восточной, такъ и Западной Грузіи. Иногда широкій кругъ лицъ связывалъ себя взаимной клятвой — не продавать въ рабство людей. Въ XVIII ст. работорговля значительно ослабѣваетъ въ Западной Грузіи, совсѣмъ почти уничтожается въ Восточной. Развращающее вліяніе на Западную Грузію оказывала близость турецкихъ невольничьихъ рынковъ. Окончательное искорененіе этого торга относится къ XIX ст.

вліяніями однаково сильних і культурних державств. Если бы это было такъ, то, конечно, присоединеніе Грузіи, чреватое огромными послѣдствіями, произошло бы въ иной обстановкѣ и въ другихъ формахъ.

Но, повторяемъ, моментъ присоединенія былъ чрезвычайно удачный для Россіи — этихъ краевъ еще не коснулась стихія стяжанія съ разныхъ концовъ, соперничества разныхъ народовъ, стихія, родившаяся изъ себя такъ часто оклеветанное, но все же необходимое международное право.

Немного позже, обстоятельства уже усложняются. Споръ Персіи съ Россіей изъ-за Закавказья былъ сначала, по выраженію одного автора, поединкомъ безъ свидѣтелей, пока не выступили на сцену, въ качествѣ секундантовъ, Франція и Англія¹. Наполеонъ въ своемъ грандіозномъ планѣ борьбы съ Англіей остановился на смѣломъ замыслѣ — нанести ей ударъ въ чувствительномъ мѣстѣ — Индіи. Черезъ Персію думалъ онъ двинуть свои арміи — и вотъ что привело его агента Жобера (Jaubert) ко двору Фетали-шаха, съ подарками и предложеніемъ союза. Передъ Персіей явилась сладкая надежда вернуть Грузію и отнятыя уже Россіей ханства, при посредствѣ французскаго императора. Въ 1807 г., въ лагерѣ Наполеона при Финкенштейнѣ, заключенъ былъ между Франціей и Персіей оборонительный и наступательный союзъ.

Какъ французскіе инструкторы муштровали войска сына Фетали-шаха, Аббасъ-мирзы, заклятаго врага Россіи и правителя Азербейджана; какъ окончилась неудачно миссія генерала Гардана и какъ, послѣ Тильзитскаго мира, соглашеніе съ Россіей не позволило Франціи исполнить обѣщанное ею Персіи; какъ этимъ ловко воспользовалась англо-индійская дипломатія, и французское вліяніе уступило мѣсто англійскому, изложеніе всего этого выходитъ за предѣлы нашей темы.

Россія остановилаеъ у Аракса, и эта рѣка, съ помощью международного права и политическихъ балансовъ, стала границей Россіи, вмѣсто такой „естественной“ преграды, какъ Кавказскій хребетъ.

Присоединеніе Грузіи и было тѣмъ, событіемъ, которое, наперекоръ расчетамъ природы и людей, привело къ неожиданному и до сихъ поръ еще не исчерпанному циклу явленій.

IV.

Мы видѣли, какъ исторія навязала Грузіи связь съ Ираномъ, и какъ уходя отъ этой связи, страна эта обращалась къ Россіи. Мы видѣли, какъ до самаго послѣдняго времени смотрѣла Персія на Грузію; видѣли и то, что Россія всегда знала Грузію, какъ православное царство, ищущее ея поддержки. Никогда Россія не считала его частью Персіи.

Къ этимъ двумъ воззрѣніямъ на Грузію — грузино-русскому и персидскому примыкають два ряда политическихъ событій въ дальнѣйшемъ. На почвѣ перваго рождается сперва протекторатъ, затѣмъ полное политическое сліяніе.

Европейскія же державы, Англія и Франція, не знавшія Грузіи, смотрѣвшія на нее глазами Персіи² — проглядѣли присоединеніе ея къ Россіи. А позже, съ упроченіемъ Россіи

¹ v. *Schlechta-Wssehrd*. Die Kämpfe zwischen Persien und Russeand in Transkaukasien. Sitzungsberichte der Wiener Akademie Phil. Hist. Cl. Bd. 46 (1864).

² Точка зрѣнія Малькольма, дипломата и историка, на Грузію, въ его извѣстной *History of Persia*, есть точка зрѣнія персидскихъ шаховъ. Малькольмъ былъ современникомъ приооединенія Грузіи. Но и теперь Керзонъ, тоже писатель и политикъ, серьезно думаетъ,

въ краѣ, притязаніе Персіи на Грузію и надежда вернуть ее съ помощью Франціи и Англіи — были несбыточной мечтой. Гюлистанскимъ трактатомъ 1813 г., Персія отказалась отъ того, что утратила уже очень давно, задолго до присоединенія Грузіи — отъ своихъ „правъ“ на эту страну; „правъ“ которыя христіанская Грузія никогда не переставала, съ оружіемъ въ рукахъ, отрицать и во время ихъ силы.

IV.

1.

Для освѣщенія многихъ фактовъ, изложенныхъ въ этомъ очеркѣ и для большаго уясненія того, почему мы такъ мало встрѣчались съ примѣрами соблюденія простѣйшихъ истинъ международнаго права, не лишнее будетъ привести замѣчательное изложеніе принциповъ русской азіатской политики, сдѣланное самимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ въ 1816 году. По мнѣнію гр. Нессельроде, „отношенія Россіи къ государствамъ и народамъ Азіи, находящимся въ этой части свѣта у нашихъ границъ, *до такой степени своеобразны, что подвергаешься величайшимъ неудобствамъ, примѣняя къ нимъ начала, на которыхъ основываются политическія отношенія въ Европѣ.* Тутъ все основывается на взаимности и добросовѣстности; у народовъ азіатскихъ, напротивъ, только страхомъ можно себя обезпечить, и святости трактатовъ у нихъ не существуетъ“.

Но и страхъ перестанетъ быть для нихъ сдерживающимъ стимуломъ, если явится надежда, съ помощью третьей державы, противостоять интересамъ другой стороны. Поэтому-то твердо усвоенъ въ русской азіатской политикѣ принципъ: никогда не допускать ни посредничества, ни вмѣшательства, ни даже добрыхъ услугъ иностранныхъ державъ и „разсматривать эти отношенія скорѣе какъ дѣла домашнія“.

Принципъ этотъ обратился въ Россіи въ политическую аксіому, и „если имѣется держава, которая наилучшимъ образомъ въ состояніи понять причины, не позволяющія отступать отъ этой аксіомы, то это Англія, отношения которой съ народами Индіи представляютъ столько сходства и аналогіи съ нашими азіатскими сношеніями“¹.

Въ данномъ случаѣ, рѣчь шла о „нaroдахъ Азіи“, враждебныхъ Россіи. Но не трудно понять, что подъ категорію „домашнихъ дѣлъ“, отношенія къ Грузіи подходили больше, чѣмъ что бы то ни было. Грузія была клочкомъ Азіи, „домашнее“ отношеніе къ которому усугублялось его единовѣріемъ и дружественностью.

Благодаря азіатству, православію и дружественности, дѣла Грузіи и рѣшались такъ патріархально (недаромъ Екатерина изъявляла грузинамъ „матернее“ благоволеніе, а уполномоченные просили у императора Александра „отеческаго благопрізнанія“).

что по Гюлистанскому трактату Россія получила отъ Персіи — Грузію, Имеретію, Мингрелію, сверхъ того, что ей было и могло быть дѣйствительно уступлено Персіей. *Curzon, Persia and the pers. Question, vol. II. p. 589.* На самомъ дѣлѣ „уступка“ грузинскихъ земель Персіей въ Гюлистанскомъ трактатѣ просто наборъ словъ, имѣющій историческій смыслъ, но не юридическое содержаніе.

¹ Писано Нессельроде гр. Ливену (послу въ Лондонѣ) по поводу русско-персидскихъ отношеній, приведено у *Мартенса, Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. XI, стр. 265.*

2.

Однако, въ вопросѣ о протекторатахъ разница между Англіей и Россіей особенно велика. Почти одновременно съ присоединеніемъ Грузіи, въ Индіи усвоена и стала въ большихъ размѣрахъ примѣняться система превращенія независимыхъ до того туземныхъ государствъ въ подвластныхъ союзниковъ (subject allies или какъ ихъ еще называютъ „Subsidiary Allies“). Англія содержитъ войска въ такихъ государствахъ и защищаетъ ихъ, съ отнесеніемъ расходовъ на счетъ туземныхъ принцевъ. Послѣдніе сохраняютъ за собой внутреннее управленіе цѣликомъ — но, понятно, въ дѣйствительности, агентъ британской власти, имѣющій пребываніе въ столицѣ каждаго такого государства, вліяетъ и на внутреннее управленіе¹.

Система эта, связанная съ именемъ лорда Корнваллиса, является, конечно, разумнымъ примиреніемъ англійскихъ интересовъ въ Индіи, и неполной хотя бы, независимости туземныхъ государей. Иначе, для Англіи было бы невысказано распространять власть на такое огромное и такъ населенное пространство Индіи, при ограниченности вооруженныхъ силъ и малочисленности тамъ англичанъ. Россія же не могла усвоить такой системы, потому что для этого она должна была быть, во-первыхъ, слабѣе, во-вторыхъ, она слишкомъ привыкла у себя къ всестороннимъ, всепоглощающимъ способамъ управленія.

Соотношеніе силъ и административныя традиціи Россіи не благопріятствовали протекторатамъ надъ грузинскими владѣніями. Роль сюзерена никогда не нравилась Россіи, и все феодальное, „иррегулярное“, отнюдь не прельщало тѣхъ, кто прошелъ школу Руси Московской и Петра Великаго.

VI.

Два теченія, столкнувшіяся въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу вопроса о Грузіи, одинаково исходили изъ того, что этотъ шагъ неминуемо повлечетъ за собой большое напряженіе военныхъ и финансовыхъ силъ Россіи, что онъ разростется въ цѣлую новую отрасль русской политики.

Но одни открыто говорили, что съ присоединеніемъ Грузіи свяжется исполненіе завѣтныхъ плановъ относительно Азіи, и провѣтствовали это присоединеніе, другіе считали такой шагъ уклоненіемъ отъ задачъ гражданской культуры и внутренннхъ улучшеній².

Въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣніе гр. Кочубея оказалось въ меньшинствѣ; какъ и вообще люди этой полосы составляли меньшинство въ Россіи, скоро увидѣвшей паденіе и ссылку Сперанскаго. Были ли они не правы? Нельзя этого сказать. Но ихъ противники, очевидно, ближе стояли къ истинному духу русской политики. Тѣ методы разрѣшенія

¹ *Creasy*. The imperial and colonial constitutions of the Britannic Empire, 231.

² Отмѣтимъ, что позже именно гр. Кочубей, принципиальный противникъ такого присоединенія Грузіи, какое состоялось, съ особенной энергіей настаивалъ на смѣщеніи Кнорринга. Кочубей находилъ, что разъ Грузія занята, то надо изъ этого пріобрѣтенія извлечь наибольшія выгоды, но для достиженія этой цѣли необходимо имѣть тамъ способнаго человѣка, а не такого, какъ Кноррингъ. См. Извлеченія изъ „Засѣданій неофициальнаго комитета“ въ приложеніяхъ къ I-му тому „Исторіи царствованія императора Александра I“ Богдановича, стр. 76–77. Это было въ засѣданіи 31-го марта 1802 г. Чудовищныя злоупотребленія при Кноррингѣ вызвали назначеніе, вмѣсто него, въ Грузію князя Циціанова.

вопроса о Грузіи, которые предлагались противниками ея полного присоединенія, едва ли когда-нибудь примѣнялись Россіей. Напротивъ, сторонники присоединенія говорили языкомъ и тономъ, какіе Россіи пришлось слышать очень часто.

Течение, побѣдившее въ разобранномъ нами случаѣ, побѣждало почти всегда и позже. Очевидно, ему благопріятствовала „исторія“, и несовмѣстимость „имперіализма“ съ „гражданскими“ стремленіями не разъ еще дала себя почувствовать.

Императоръ Александръ I довольно благожелательно относился къ народамъ нерусской національности, которымъ довелось стать при немъ русскими подданными. Нежеланіе Императора доводить до конца оккупацию Грузіи и лишать ее всякой независимости, противъ воли ея населенія, вполнѣ вытекаетъ изъ его характера и тѣхъ убѣжденій, съ которыми онъ выступилъ на свое политическое поприще. Правда, на этотъ разъ точка зрѣнія государственнаго интереса взяла верхъ надъ нерѣшительностью, проявленной было монархомъ; и первоначальное настроеніе его не принесло Грузіи осязательныхъ результатовъ. Зато, восемь лѣтъ позже, финляндцамъ явлены были въ полной мѣрѣ знаки расположенія Императора, желавшаго нравственной связи съ новыми своими подданными, а не одной матеріальной, основанной (въ данномъ случаѣ) на завоеваніи. Всѣмъ извѣстно, что отсюда послѣдовало для Финляндіи, и какъ судьба ея рѣзко отличалась отъ судьбы Грузіи.

Еще позже, послѣ Вѣнскаго конгресса, Александръ даровалъ конституцію русской Польшѣ, учреждая сперва въ завоеванной странѣ представительный порядокъ правленія, который онъ думалъ ввести затѣмъ и во всей Имперіи.

Въ отношеніи императора къ финляндцамъ и полякамъ легко узнать Александра, не пожелавшаго, по вступленіи на престолъ, согласиться на присоединеніе Грузіи, считая такое присоединеніе несправедливостью. Тотъ же человекъ, то же настроеніе; и если такъ различны результаты, то виной этому, прежде всего, обстановка, при которой разрѣшались вопросы: „домашніе“ приемы, умѣстные по отношенію къ Грузіи, не годились, когда дѣло происходило на глазахъ всей Европы.

Конечно, многое надо отнести и на счетъ разницы культуръ: но мы видѣли, что и грузины не были вовсе безгласны, и держались опредѣленной, вѣками выработанной почвы.

Именно, въ условіяхъ международнаго оборота, различныхъ для Грузіи и ея европейскихъ товарищей по судьбѣ, надо искать разгадку того, страннаго на первый взглядъ, явленія, что больше вниманія было удѣлено желаніямъ завоеванной шведской провинціи, и русской части разсѣченной на-трое Польши, чѣмъ просьбамъ единовѣрнаго, искони-дружественнаго народа, имѣвшаго, вдобавокъ, старинную, хотя и крайне отсталую, государственную организацію.

Послѣ паденія царства Карталино-кахетинскаго, присоединеніе остальныхъ грузинскихъ владѣній — Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, Абхазіи — было дѣломъ лишь времени. Мы знаемъ, какъ широки были планы, подсказавшіе инкорпорацию Грузіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Чернаго моря, Россія не могла остановиться — а остановить ее не могли владѣтели, съ упоеніемъ терзавшіе другъ друга. Въ ближайшихъ интересахъ могущества Россіи, и безъ особеннаго ущерба для грузинскаго народа, какъ бы то ни было сплоченнаго теперь подъ одними законами, владѣнія Западной Грузіи постепенно лишились автономіи, путемъ отчасти добровольнымъ, отчасти *manu militari*, притомъ, не безъ „авангарда“ изъ благородныхъ металловъ.

Золотое руно Колхиды нашло, наконецъ, своего хозяина; явился онъ изъ Скифіи, а не изъ Эллады. Но, безчисленные аргонавты разныхъ породъ и разныхъ вѣковъ, много вырвали ключевъ изъ этого руна,— и въ какомъ поврежденномъ видѣ попало оно въ руки Россіи! Какъ оно износилось со времянь Язона!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Трактахъ 1783 года.

(Полное Собрание Законовъ, т. XXI, № 15.835).

Іюля 24. Договоръ, постановленный между Ея Императорскимъ Величествомъ и Царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ Іракліемъ Вторымъ.

Отъ давняго времени Всероссійская Имперія, по единовѣрію съ Грузинскими народами, служила защитой, помощію и убѣжищемъ тѣмъ народамъ и Свѣтлѣйшимъ владѣтелямъ ихъ противъ угнетеній, коимъ они отъ сосѣдей своихъ подвержены были. Покровительство Самодержцами Царямъ Грузинскимъ, роду и подданнымъ ихъ даруемое, произвело ту зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, которая наипаче оказывается изъ самаго Россійско-Императорскаго титула. Ея Императорское Величество, нынѣ благополучно Царствующая, достаточнымъ образомъ изъявила Монаршее Свое къ симъ народамъ благоволеніе и великодушный о благѣ ихъ промыслъ сильными Своими стараніями, приложенными о избавленіи ихъ отъ ига, рабства и отъ поносной дани отроками и отроковицами, которую нѣкоторые изъ сихъ народовъ давать обязаны были, и продолженіемъ Своего Монаршаго призрѣнія ко Владѣтелямъ оныхъ. Въ семъ самомъ расположеніи, снисходя на прошенія, къ Престолу Ея принесенныя отъ Свѣтлѣйшаго Царя Карталинскаго и Кахетинскаго Іраклія Теймуразовича, о принятіи его со всѣми его наслѣдниками и преемниками, и со всѣми его Царствами и Областями въ Монаршее покровительство Ея Величества и Ея Высокихъ Наслѣдниковъ и Преемниковъ, съ признаніемъ Верховной власти Всероссійскихъ Императоровъ надъ Царями Карталинскими и Кахетинскими, Всемилоствѣйше восхотѣли поставить и заключить съ помянутымъ Свѣтлѣйшимъ Царемъ дружественный договоръ, посредствомъ коего съ одной стороны Его Свѣтлость именемъ своимъ и своихъ преемниковъ, признавая Верховную власть и покровительство Ея Императорскаго Величества и Высокихъ Ея Преемниковъ надъ владѣтелями и народами Царства Карталинскаго и Кахетинскаго и прочихъ областей, къ нимъ принадлежащихъ, ознамениль бы торжественнымъ и точнымъ образомъ обязательства свои въ разсужденіи Всероссійской Имперіи; а съ другой Ея Императорское Величество такожъ де могла бѣ ознаменить торжественно, каковыя преимущества и выгоды отъ щедрой и сильной Ея десницы даруются помянутымъ народамъ и Свѣтлѣйшимъ ихъ Владѣтелямъ.

Къ заключенію таковаго договора Ея Императорское Величество уполномочить изволила Свѣтлѣйшаго Князя Римскія Имперіи Григорья Александровича Потемкина, войскъ Своихъ Генераль Аншефа, повелѣвающаго легкою конницею регулярною и нерегулярною и многими другими военными силами, Сенатора, Государственной Военной Коллегіи Вице-Президента, Астраханскаго, Саратовскаго, Азовскаго, и Новороссійскаго Государева Намѣстника, Своего Генераль-Адъютанта и Дѣйствительнаго Камергера, Кавалергардскаго Корпуса Поручика, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку подполковника, Главнаго

Начальника Мастеровой Оружейной Палаты, кавалера орденовъ Святыхъ Апостоловъ Андрея, Александра Невского, Военнаго Святаго Великомученика Георгія и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра большихъ крестовъ; Королевскихъ, Прусскаго чсрнаго и Польскаго бѣлаго Орловъ, и Святаго Станислава, Шведскаго Серафимовъ, Датскаго слона и Голстинскаго Святыя Анны, со властію, за отсутствіемъ Своимъ избрать и снабдить полною мочію отъ себя, кого онъ за благо разсудить; который потому избралъ и уполномочилъ Превосходительнаго Господина, отъ арміи Е. И. В. Генераль-поручника, войсками въ Астраханской Губерніи командующаго, Е. И. В. Дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Россійскихъ Св. Александра Невского, военнаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія и Голстинскаго Св. Анны кавалера Павла Потемкина; а Его Свѣтлость Карталинскій и Кахетинскій Царь Ираклій Теймуразовичъ избралъ и уполномочилъ съ своей стороны Ихъ Сіятельствъ своего Генерала отъ лѣвой руки Князя Ивана Константиновича Багратіона, и Его Свѣтлости Генераль-Адъютанта Князя Гарсевана Чавчавадзева. Помянутые полномочные, приступивъ съ помощію Божіею къ дѣлу и размѣнявъ взаимныя полномочія, по силѣ ихъ постановили, заключили и подписали слѣдующіе артикулы.

Арт. 1. Его Свѣтлость Царь Карталинскій и Кахетинскій, именемъ своимъ, наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ торжественно навсегда отрицается отъ всякаго вассальства, или подъ какимъ бы то титуломъ ни было, отъ всякой зависимости отъ Персіи или иной Державы; и симъ объявляетъ предъ лицомъ всего Свѣта, что онъ не признаетъ надъ собой и преемниками инаго Самодержавія, кромѣ Верховной власти и покровительства Ея Императорскаго Величества и Ея Высокихъ Наслѣдниковъ и Преемниковъ Престола Всероссійскаго Императорскаго, обѣщая тому Престолу вѣрность и готовность пособствовать пользѣ Государства во всякомъ случаѣ, гдѣ отъ него то потребовано будетъ.

Арт. 2. Ея Императорское Величество, пріемля со стороны Его Свѣтлости столь чистосердечное обѣщаніе, равномѣрно обѣщаетъ и обнадеживаетъ Императорскимъ Своимъ словомъ за Себя и Преемниковъ Своихъ, что милость и покровительство ихъ отъ Свѣтлѣйшихъ Царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ никогда отъемлемы не будутъ. Въ доказательство чего, Ея Величество даетъ Императорское Свое ручательство на сохраненіе цѣлости настоящихъ владѣній Его Свѣтлости Царя Ираклія Теймуразовича, предполагая распространить таковое ручательство и на такія владѣнія, кои въ теченіи времени и по обстоятельствамъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ за нимъ утверждены будутъ.

Арт. 3. Въ изъявленіе того чистосердечія, съ каковымъ Его Свѣтлость Царь Карталинскій и Кахетинскій признаетъ верховную власть и покровительство Всероссійскихъ Императоровъ, постановлено, что помянутые Цари, вступая наслѣдственно на Царство ихъ, имѣютъ тотчасъ извѣщать о томъ Россійскому Императорскому Двору, испрашивая чрезъ Посланниковъ своихъ Императорскаго на царствѣ подтвержденія съ инвеститурою, состоящею въ грамотѣ, знамени съ гербомъ Всероссійской Имперіи, имѣющимъ внутри себя гербъ помянутыхъ Царствъ, въ саблѣ, въ повелительномъ жезлѣ и въ мантии, или епанчѣ горностаевой; сіи знаки или Посланникомъ вручены будутъ, или же чрезъ пограничное начальство доставлены будутъ къ Царю, который при полученіи ихъ, въ присутствіи Россійскаго Министра долженствуетъ торжественно учинить присягу на вѣрность и усердіе къ Россійской Имперіи и на признаніе верховной власти и покровительства Всероссійскихъ Императоровъ по формѣ, прилагаемой при семъ трактатѣ. Обрядъ сей и нынѣ исполненъ да будетъ со стороны Свѣтлѣйшаго Царя Ираклія Теймуразовича.

Арт. 4. Для доказательства, что намѣренія Его Свѣтлости въ разсужденіи толь тѣснаго его соединенія со Всероссійскою Имперіею и признанія верховной власти и покровительства Всепресвѣтлѣйшихъ тоя Имперіи Обладателей суть непорочны, обѣщаетъ

Его Свѣтлость безъ предварительнаго соглашенія съ главнымъ пограничнымъ Начальникомъ и Министромъ Ея Императорскаго Величества, при немъ аккредитуемымъ, не имѣть сношенія съ окрестными Владѣтелями; а когда отъ нихъ пріѣдутъ посланцы или присланы будутъ письма, оныя принимая, совѣтовать съ главнымъ пограничнымъ Начальникомъ и Министромъ Ея Императорскаго Величества о возвращеніи таковыхъ посланцевъ и о надлежащей ихъ Владѣтелямъ отвѣди.

Арт. 5. Чтобъ удобнѣе имѣть всякое нужное сношеніе и соглашеніе съ Россійскимъ Императорскимъ Дворомъ, Его Свѣтлость Царь желаетъ имѣть при томъ Дворѣ своего министра или Резидента, а Ея Императорское Величество милостиво то пріемля общаетъ, что оный при дворѣ Ея принимаемъ будетъ на ряду съ прочими Владѣтельныхъ Князей Министрами равнаго ему характера, и сверхъ того соизволяетъ и съ Своей стороны содержать при Его Свѣтлости Россійскаго Министра или Резидента.

Арт. 6. Е. И. В., пріемля съ благоволеніемъ признаніе верховный Ея власти и покровительства надъ Царствами Карталинскимъ и Грузинскимъ (sic), общаетъ Именемъ Своимъ и преемниковъ своихъ: 1) народы тѣхъ Царствъ почитать пребывающими въ тѣсномъ союзѣ и совершенномъ согласіи съ Имперіей Ея и, слѣдственно непріятелей ихъ признавать за своихъ непріятелей; чего ради миръ съ Портою Оттоманскою, или Персією, или иною державою и областію заключаемый, долженъ распространяться и на сіи покровительствуемые Ея Величествомъ народы, 2) Свѣтлѣйшаго Царя Ираклія Теймуразовича и его дому наслѣдниковъ и потомковъ сохранять безпремѣнно на царствѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ; 3) Власть, со внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей представить Его Свѣтлости Царю въ полную его пользу, запрещая своему Военному и Гражданскому начальству вступаться въ какія либо распоряженія.

Арт. 7. Его Свѣтлость Царь, пріемля съ достодолжнымъ благоговѣніемъ толь милостивое со стороны Ея Императорскаго Величества обнадеживаніе, общаетъ за себя и потомковъ своихъ: 1) быть всегда готовымъ на службу Ея Величества съ войсками своими; 2) Съ начальниками Россійскими, обращая во всегдашнемъ сношеніи по всѣмъ дѣламъ до службы Ея Императорскаго Величества касающимся, удовлетворять ихъ требованіямъ и подданныхъ Ея Величества охранять отъ всякихъ обидъ и притѣсненій, 3) Въ опредѣленіи къ мѣстамъ и возвышеніи ихъ въ чины отмѣнное оказывать уваженіе на заслугу предъ Всероссійскою Имперією, отъ покровительства коея зависитъ спокойствіе и благоденствіе Царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго.

Арт. 8. Въ доказательство особливаго Монаршаго благоволенія къ Его Свѣтлости Царю и народамъ его, и для вѣщаго соединенія съ Россією сихъ единовѣрныхъ народовъ, Ея Императорское Величество соизволяетъ, чтобы Католикось, или начальствующій Архіепископъ ихъ состоялъ мѣстомъ въ числѣ Россійскихъ Архіереевъ въ восьмой степени, именно, послѣ Тобольскаго, Всемилостивѣйше жалуя ему навсегда титулъ Святѣйшаго Синода Члена. О управленіи же Грузинскія церкви и отношеніи, каковое долженствуетъ быть къ Синоду Россійскому, о томъ составитъ особый артикулъ.

Арт. 9. Простирая милость свою къ подданнымъ Его Свѣтлости Царя, Князьямъ и Дворянамъ, Е. И. В. устанавливаетъ, что оныя во Всероссійской Имперіи будутъ пользоваться всѣми тѣми преимуществами и выгодами, кои Россійскимъ благороднымъ присвоены; а Его Свѣтлость, пріемля съ благодарностью толь милостивое къ подданнымъ снисхожденіе, обязывается прислать ко двору Е. В. списки всѣхъ благородныхъ фамилій, дабы по онымъ можно было знать въ точности, кому таковое отличное право принадлежить.

Арт. 10. Постановляется, что всѣ вообще уроженцы Карталинскіе и Кахетинскіе могутъ въ Россіи селиться, выѣзжать и паки возвращаться безвозбранно; плѣнные же, если оныя оружіемъ или переговорами у Турокъ и Персіянъ, или другихъ народовъ освобождены будутъ, да отпустятся во свояси по ихъ желаніямъ, возвращая только издержки на ихъ выкупъ и вывозъ; сіе самое и Его Свѣтлость Царь обѣщаетъ исполнять свято въ разсужденіи Россійскихъ подданныхъ, въ плѣнъ къ сосѣдамъ попадающихся.

Арт. 11. Купечество Карталинское и Кахетинское имѣетъ свободу отправлять свои торги въ Россіи, пользуясь тѣми же правами и преимуществами, коими природные Россійскіе подданные пользуются; взаимно же Царь обѣщаетъ постановить съ главнымъ начальникомъ пограничнымъ или съ Министромъ Ея Величества о всемѣрномъ облегченіи купечества Россійскаго въ торгѣ ихъ въ областяхъ его, или въ проѣздѣ ихъ для торгу въ другія мѣста, ибо безъ такового точнаго постановленія и условія о выгодахъ его купечества мѣста имѣть не можетъ.

Арт. 12. Сей договоръ дѣлается на вѣчныя времена; но ежели что-либо усмотрѣно будетъ нужнымъ перемѣнить, или прибавить для взаимной пользы, оное да возымѣетъ мѣсто по обоюдному согласенію.

Арт. 13. Ратификаціи на настоящій трактатъ должны быть въ шесть мѣсяцевъ отъ подписания его, или и скорѣе, буде возможно.

Въ достовѣреніе чего, нижеподписавшіеся полномочные, по силѣ ихъ полныхъ мочей, подписали сіи артикулы и приложили къ нимъ свои печати въ Георгіевской крѣпости, Іюля 24 дня 1783 года.

(Далѣе слѣдуетъ образецъ присяги, приносимой царями).

Высочайше утвержденный дополнительный Артикулъ къ договору съ Царемъ Иракліемъ II. 30 сентября 1783 года (П. С. З. № 15.840).

О вѣнчаніи и помазаніи на Царство Царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ.

Какъ Карталинскіе и Кахетинскіе цари отъ древнихъ временъ вѣнчаются Царскимъ вѣнцомъ и помазуются на Царство Святымъ миромъ; то Е. И. В. именемъ Своимъ и Преемниковъ своего Императорскаго престола не только Всемилостивѣйше дозволяетъ помянутымъ Царямъ употребленіе сего Священнаго обряда, но еще въ вѣдѣе доказательство отличнаго Своего благоволенія, жалуетъ имъ сверхъ прочихъ знаковъ Императорской на Царство инвеституры въ договорѣ положенныхъ обыкновенную Царскую корону, которую какъ Его Высочество нынѣ владѣющій Царь Ираклій второй употребляетъ, такъ Свѣтлѣйшіе Его преемники тою же вѣнчаемы быть должны.

Его Высочество Царь Ираклій сію Высочайшую милость Е. И. В. съ достоуважаемымъ благоволеніемъ и благодарностью пріемля, обѣщаетъ именемъ своимъ и преемниковъ своихъ, что обрядъ Священнаго тѣхъ преемниковъ Его на Царство вѣнчанія и помазанія не прежде совершаемъ будетъ, какъ по учиненіи положенной трактатомъ присяги на вѣрность Всероссійскому Императорскому Престолу и по полученіи утвердительной Императорской грамоты съ инвеститурой.

Сей Артикулъ имѣетъ почитаемъ быть принадлежащимъ къ числу другихъ, трактатъ составляющихъ. Въ достовѣріе чего уполномоченные къ подписанію того трактата по данной имъ довѣренности оный подписали и печатями укрѣпили.

**Представление от царя Георгия имп. Павлу
(Октябрь 1798 года).**

(Грузинский текст этого „представления“ во II-мъ томъ
„Грамотъ“ проф. Цагарели, № 143).

Просить восшедшій на законный царскій престолъ свой, по кончинѣ отца своего царя Ираклія II, царь Карталинскій и Кахетинскій Георгій тринадцатый о нижеслѣдующемъ:

а.

Въ 1783 году данъ нами обѣтъ, извѣстить по восшествіи на престолъ Грузія, Ваше Императорское Величество о воспріятіи законнаго и наслѣдственнаго нашего престола и испросить отъ Вашего Императорскаго Величества подтвержденія.

б.

Нынѣ, восшедъ на свой законный и наслѣдственный престолъ Грузіи и Кахетіи, нижайше прошу В. И. В. о подтвержденіи сего, а также о признаніи и утвержденіи наслѣдникомъ по мнѣ перворожденнаго сына моего Давида, достославной службы В. И. В. генераль-маіора.

Всемиловѣйшій Государь, всеподданнѣйше прошу удовлетворенія этой моей просьбы. Октябрь 1798 года. Подписалъ царь Карталиніи, Кахетіи и прочихъ Георгій XIII.

с.

**Утвердительная Е. И. В. грамота царю Грузинскому
Георгію отъ 18-го апрѣля 1799 года
С. П. (по большомъ Е. И. В. титулѣ).**

(Акты, собранные Кавказскою Археограф. Комиссіею т. II, стр. 1147, № 24).

Его Высочеству свѣтлѣйшему Карталинскому и Кахетинскому царю Георгію XIII Наша Императорская милость и поздравленіе. По поданному отъ вашего высочества всеподданнѣйшему прошенію пребывающимъ при Императорскомъ дворѣ Нашемъ полномочнымъ министромъ вашимъ кн. Гарсеваномъ Чавчавадзе, коимъ вы по силѣ священнѣхъ обѣтовъ заключеннаго въ 1733 году трактата, по восшествіи вашемъ по родителѣ на прародительскій наслѣдственный царскій Карталинскій и Кахетинскій престолъ, просить изволите о утвержденіи васъ преемникомъ онаго царства нынѣ и такомъ же утвержденіи будущимъ по васъ того же царства наслѣдникомъ старшаго сына вашего, Императорской службы Нашей генераль-маіора Давида,— Мы, пріемля оное со всемиловѣйшей благоудностью и на основаніи того-жъ трактата 3-ой статьи, сею Нашею Императорскою грамотою утверждаемъ Васъ нынѣ преемникомъ онаго царства, а сына вашего Давида будущимъ по васъ наслѣдникомъ“...

(По полученіи вновь посылаемыхъ инвенститурныхъ знаковъ, царь долженъ учинить присягу по формѣ).

Подписано „Павелъ“. Контрасигноваль вице-канцлеръ гр. Кочубей.

D.

**Полномочіе, данное царемъ Георгіемъ посланникамъ своимъ,
отправляемымъ имъ въ С.-Петербургъ.**

(Ориг. текстъ во II-мъ томѣ „Грамотъ“ проф. Цагарели, № 175, стр. 181).

1799 г. 7 сентября. Касательно представленій, имѣющихъ быть сдѣланными Его Императорскому Величеству, преподаемъ слѣдующее вѣрноподданнымъ нашимъ, господамъ посланникамъ, отправленнымъ отъ насъ:

Царство и владѣніе мое отдайте непреложно и по христіанской правдѣ и поставьте его не подъ покровительство Императорскаго Всероссійскаго престола, но отдайте въ полную его власть и на полное его попеченіе, такъ чтобы отнынѣ царство Грузинское было бы въ Имперіи Россійской на томъ же положеніи, какимъ пользуются прочія провинціи Россіи.

Затѣмъ, низайше представьте Императору Всероссійскому, чтобы, принимая царство Грузинское въ полную свою власть, онъ обнадежилъ бы меня Всемилоствѣйшимъ письменнымъ обѣщаніемъ, что достоинство царское не будетъ отнято у дома моего, но что оно будетъ передаваться изъ рода въ родъ, какъ при предкахъ моихъ.

Точно также преподнесите Всемиловѣйшему Государю низайшую просьбу о пожалованіи мнѣ и дѣтямъ моимъ, въ предѣлахъ Россійской Имперіи, подходящихъ деревень, въ полное и наслѣдственное обладаніе, каковое пожалованіе будетъ для меня знакомъ окончательнаго подчиненія.

Царь всея Грузіи Георгій.

Испросите также, пристойнымъ образомъ, по удовлетвореніи вышеписаннаго, содержаніе.

Царь Георгій.

Князь Гарсеванъ Чавчавадзе.

E.

Просительные пункты.

(Акты Кавказ. Археограф. Комиссіи, т. I, стр. 179–181.

Нота Грузинскаго посольства о Грузіи).

Е. И. В. въ 19-й день ноября сего 1800 г. Всемиловѣйше апробовать соизволилъ по всѣмъ пунктамъ нижеписанную ноту, врученную высокому Его министерству уполномоченными его высочества Карталинскаго и Кахетинскаго царя, князьями Гарсеваномъ Чавчавадзе, Георгіемъ Аваловымъ и Елеазаромъ Палавандовымъ, въ силу данной имъ отъ него, царя, уполномочія, кои пункты, за подписаніемъ перваго присутствующаго Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ графа Ростопчина съ двумя изъ вышеозначенныхъ уполномоченныхъ князьями Георгіемъ Аваловымъ и Елеазаромъ Палавандовымъ отправляются къ е. в. царю, съ тѣмъ что, буде онъ донинѣ остается въ прежнихъ мысляхъ своихъ непоколебимъ быть единожды навсегда принятымъ въ покровительство и подданство Высочайшаго Всероссійскаго двора подъ всѣми тѣми правами и выгодами, каковыми подданные Е. И. В. пользуются, то слѣдуетъ е. в. царю на

принятіе сей Высокомонаршей милости прислать къ Г. И. съ сими-жъ посланными благодарительную грамоту, наименовавъ всѣхъ трехъ уполномоченныхъ, какъ отъ себя, такъ и отъ всего царства своего послами, по возвращеніи коихъ и будетъ по всѣмъ онымъ прошеніямъ его заключенъ обоюдный Императорскій актъ.

„Е. в. царь, нашъ государь, еще при жизни родителя своего царя Ираклія, будучи наслѣдникомъ, имѣлъ въ мысляхъ съ приверженными къ нему особами до сего времени въ тайнѣ предать себя и царство свое великому Всероссійскому Государю на всегда въ полную зависимость и подданство и оставаться во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи и зависимости.

„По кончинѣ блаженной памяти родителя его царь нашъ оставался въ прежнихъ своихъ мысляхъ, но еще не объявляя оныхъ, ожидалъ отъ находящагося при Высочайшемъ дворѣ министра своего князя Чавчавадзе присылки Всемиловѣйшаго отвѣта, отъ коего и присланъ былъ нарочный съ письмами къ нему, царю, въ коихъ князь Чавчавадзе доносилъ, чтобы онъ, царь, вспомнилъ прежнее свое желаніе и прислалъ бы письменно, но е. в. царь нужнымъ счелъ, во первыхъ, принять наслѣдственннй царскій престолъ, получить признаніе Е. И. В., яко верховнаго своего властителя, потомъ поспѣшить отправить къ помянутому своему министру донесенія на Высочайшее Е. В. имя и просить о утвержденіи его на царствѣ, яко законнаго наслѣдника, и о пожалованіи царевой инвеституры и въ тожъ время объ обнародованіи всему царству по обычаю, чтобы признавали его природнымъ своимъ государемъ царемъ. Получа отъ великаго и Богомъ избраннаго Монарха и покровителя православія подтвержденіе, царскіе знаки съ отправленнымъ тогда ко двору его министромъ Коваленскимъ, а бывшій при высочайшемъ дворѣ министръ родителя его князь Чавчавадзе отправленъ впередъ съ грамотою и поздравленіемъ съ вступленіемъ на царство.

„Царь, получа оныя высокомонаршія отъ великаго Государя милости и покровительство, принесъ теплыя молитвы ко Всевышнему, назначилъ насъ троихъ и, уполномочивъ, отправилъ къ Высочайшему двору, съ тѣмъ, чтобы, во первыхъ, пасть къ освященнымъ стопамъ Е. И. В. и принесть всеподданѣйшую благодарность за оказанныя высокія Императорскія ему, царю, и народу его милости и во вторыхъ, представить слѣдующія прошенія:

1) „Е. в. царь Георгій Грузинскій, Кахетинскій и прочихъ, нашъ государь, вельможи, духовенство и народъ его желаетъ единожды навсегда принять подданство Всероссійской Имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца.

2) „Всеподданѣйше просить, чтобы при врученіи царства его былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его на престолѣ съ титуломъ царей, добровольно подвергши себя и царство подданству Всероссійской Имперіи и имѣть имъ, царямъ, главное въ своемъ царствѣ правленіе по тѣмъ законамъ, кои отъ Всевысочайшаго двора даны быть имѣютъ. Отъ себя жъ имъ безъ особаго повелѣнія никакихъ узаконеній не вводить.

3) „Для наивящщаго и дѣйствительнаго себѣ узаконенія и приверженности къ подданству е. в. царь просить къ доказательству вѣрности своей Всемиловѣйше опредѣлить ему жалованье и содержаніе и пожаловать въ Россіи деревни. Доходы же царства Грузинскаго е. в. царь, такъ какъ подданный, представляетъ въ полную власть Г. И. обратить куда Е. В. благоугодно, на содержаніе войскъ и на другія тамошнія надобности для первыхъ временъ, какъ то: къ обращенію тамошнихъ землевладѣльцевъ въ вящую любовь и приверженность своему Г. И. Всемиловѣйше дать, на сколько лѣтъ благоугодно будетъ, льготы въ податяхъ.

4) „По принятіи въ Высокороссійское подданство царя и царства его на первыя времена необходимо нужно въ тѣхъ мѣстахъ имѣть до 6,000 человекъ войска, коимъ занять всѣ тѣ мѣста, гдѣ заблагопринято будетъ главноначальниками тѣхъ войскъ, къ защищенію отъ сосѣдственныхъ бродягъ, также нужна принадлежащая къ онымъ артиллерія и съ прочимъ оружіемъ.

5) „Всѣ находящіяся нынѣ въ Грузіи крѣпости и укрѣпленія заняты должны быть Россійскими войсками и комендантами оныхъ; а буде благоугодно будетъ Императору нашему, то нѣкоторыхъ чиновниковъ изъ природныхъ Грузинскихъ благородныхъ присовокупить къ онымъ и съ нѣкоторымъ числомъ людей.

6) „Прислать людей знающихъ фортификацію и буде гдѣ надобность будетъ вновь сдѣлать какія либо крѣпости и укрѣпленія, Всемилостивѣйше приказать оныя возстановить; относительно же до рабочихъ людей могутъ быть по наряду тамошнихъ начальниковъ изъ природныхъ Грузинъ и прочихъ, платя имъ положенную плату.

7) „Дать Высочайшее повелѣніе увѣщательнымъ образомъ на первой случай какъ благороднымъ, такъ и прочимъ, чтобы они вступали въ высоко-Императорскую службу по примѣру въ Имперіи узаконенному, кои для защищенія и содержанія карауловъ служили-бы своему царству съ обыкновеннымъ жалованіемъ и аммуниціею и дабы ихъ на первый разъ по непривычкѣ ободрить — объявить, что обмундированіе ихъ будетъ національное.

8) „Находящіяся въ Грузіи разныя руды, серебряныя, золотыя и прочихъ металовъ, кои по причинѣ иновѣрныхъ и непріязненныхъ сосѣдей находятся закрытыми, на открытіе ихъ благоволить прислать людей знающихъ сіе ремесло, а рабочихъ испытанныхъ къ сему въ царствѣ найдется довольное число, коихъ опредѣлить къ работѣ съ положеніемъ къ содержанію ихъ жалованья мѣсячнаго или годового.

9) „Царь просить, чтобы находящійся тамо монетный дворъ увеличить или оставить по прежнему дѣлать по нынѣшнему образцу золотую, серебрянную и мѣдную монету, со изображеніемъ знаковъ: на правой сторонѣ вензеля Императорскаго съ надписью Россійской, а на другой герба Грузинскаго царства — съ Грузинскою, изъ тѣхъ самыхъ, кои въ царствѣ получаемы будутъ и изъ покупаемыхъ изъ сосѣдственныхъ мѣстъ привозимыхъ металовъ.

10) „Во избѣжаніе и предосторожность нареканій на первыя времена, пока все устроено и приведено будетъ въ совершенное состояніе, нужное число провіанта для находящагося въ тѣхъ мѣстахъ вышесказаннаго войска покупать по состоящей тамо рыночной цѣнѣ или сдѣлать здѣсь съ полномочными оному положеніе.

11) „Со времени вступленія царя Ираклія мирнымъ договоромъ утвержденнымъ подъ покровительство Всероссійской Имперіи, буде кто нынѣ изъ сосѣдей дерзнетъ напасть на тѣ границы подъ какимъ либо предлогомъ, то дано было-бъ повелѣніе военнымъ начальникамъ совокупно съ грузинцами возбранить таковыя наглости, до совершенія нынѣ благоугоднаго дѣла, по окончаніи коего не преминетъ царь изъяснить въ подробности все то, до какихъ мѣстъ простирались въ древнія времена границы царства Грузинскаго.

12) „Сосѣдствующіе намъ Адзербейджанскіе ханы, какъ-то Ганджинскій и Эриванскій, изъ древнѣйшихъ временъ всегда были въ преданности и повнѣговеніи Грузинскихъ царей, коими и защищаемы были отъ разныхъ ихъ непріятелей, что и поднесъ продолжается. Въ знакъ же ихъ приверженности къ царямъ Грузинскимъ они ежегодную дань или даръ присылаютъ царямъ, и противу непріятелей царей нерѣдко и вооружались; но какъ нынѣ они, узнавъ совершенное и непоколебимое покровительство великой Имперіи, для своихъ выгодъ за благо сочтутъ, для благоденствія своего быть приверженными царству Грузинскому, постановленіе коихъ оставить до прибытія къ царю отъ Императорскаго двора

назначенной особы, которая по совѣту съ царемъ можетъ сдѣлать и положеніе о нихъ, но до прибытія и утвержденія всего выше сказаннаго благоволено–бъ было ему царю, въ случаѣ нужды, тѣмъ ханамъ дѣлать вспомошествованія отъ прочихъ ихъ сосѣдей имъ равныхъ, хотя Грузинскимъ войскомъ.

13) „Не токмо вышеупомянутые, но и прочіе прилеглые къ Грузіи Персидскіе ханы, узнавъ таковую Государеву милость, черезъ Грузинъ и себѣ для обезпеченія своего народа искать не преминуть.

14) „Черезъ находящагося начальника Россійскихъ войскъ въ Грузіи дать знать Турецкому и Ахалцихскому пашѣ, дабы онъ пріудержался въ пропускѣ черезъ владѣнія Оттоманской порты Лезгинцовъ въ Грузинскія границы и у себя оныхъ Лезгинцовъ не содержать.

15) „Всѣ подданные царя Грузинскаго, какъ дворянство, духовенство, купечество, такъ и прочій ремесленный народъ имѣть быть на равныхъ правахъ и законахъ, какъ и Россійскіе подданные.

16) „Но какъ у насъ не в обычай переписывать народъ нашъ по–душевно, то и мы не можемъ донести, сколько каждаго рода душъ князей, дворянъ, духовенства, купечества, цеховыхъ и крестьянъ во всемъ царствѣ находится; но отправленный отсюда вельможа съ помощію царя подробную опись всему можетъ сдѣлать и представить Г. И.

17) „Буде чего въ сихъ нашихъ, подносимыхъ по повелѣнію царя нашего, пунктахъ не достаётъ къ дополненію, то оное по прибытіи туда отъ Высочайшаго двора посланнаго, въ силу повелѣнія, безотговорочно учреждено быть имѣть, безъ всякаго упущенія, а нынѣ мы, будучи отдалены отъ царства нашего, о всѣхъ прочихъ малозначущихъ вещахъ припомнить не можемъ.

Подлинный подписалъ графъ Ростопчинъ.

Г.

Рескриптъ Е. И. В. Павла I, данный въ С.–Петербургѣ 23 ноября 1800 г.

Ів. 181 (№ 122).

Свѣтлѣйшій царь, всеподданнѣйшее благодареніе ваше за утвержденіе на царство и за пожалованіе вамъ царскихъ знаковъ, прибывшими ко двору Нашему в. в. уполномоченными князьями Гарсеваномъ Чавчавадзе, Георгіемъ Аваловымъ и Елеазаромъ Палавандовымъ Намъ изъясненное, приняли мы съ Высокомонаршимъ Нашимъ благоволеніемъ и удостоивъ также Всемиловитѣйшей апробаціи Нашей поданную ими высокому Нашему министерству ноту о прошеніяхъ вашихъ къ принятію васъ въ подданство Наше, повелѣли первому присутствующему Нашей Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ графу Ростопчину сообщить вамъ о Высокомонаршемъ Нашемъ благорасположеніи къ особѣ вашей и ко всему царству вашему, узнавъ же, что в. в. находитесь нездоровы, не можемъ не изъяснить чувствительное наше о томъ соболѣзнованіе, желаемъ чтобы грамота сія нашла васъ въ совершенномъ здравіи. Впрочемъ, увѣряя о Высокомонаршемъ Нашемъ къ вамъ благоволеніи, пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

Г.

Рескриптъ генералу Кноррингу отъ 15-го ноября 1800 г.

(Акты, т. I, 177–8, № 116).

Господинъ генераль-лейтенантъ Кноррингъ 2. Царь Грузинскій Георгій Иракліевичъ, видя угроженнымъ царство свое сколько внѣшними непріятелями, столько же, а можетъ быть еще и больше отъ возникающихъ въ собственной семьѣ его междоусобій касательно наслѣдства къ престолу, поручилъ посольству своему, здѣсь находящемуся, изъяснить Намъ желаніе видѣть земли Грузинскія въ непосредственномъ Намъ подданствѣ; входя въ важность дѣла сего, сколько въ отношеніе земли той самой по себѣ, столько и по соображеніямъ спокойства границъ нашихъ, повелѣваемъ вамъ представить Намъ немедленно мнѣніе ваше, сколько изъ ввѣренныхъ вамъ войскъ можно отдѣлить для занятія Грузіи и пребыванія въ оной, присоединя къ войскамъ тамъ уже находящимся, не ослабя кордона противъ горскихъ народовъ. Ослабленіе здоровья царева даетъ поводъ ожидать его кончины; почему и отправьте, коль скоро она послѣдуетъ, немедленно туда объявленіе отъ имени Нашего, чтобы до полученія отъ Насъ соизволенія даже не было приступаемо къ назначенію преемника на царство Грузинское. Дѣло сіе трактуется здѣсь и въ скоромъ времени отправленъ будетъ изъ полномочныхъ Грузинскихъ здѣсь находящихся, для принесенія Намъ отъ царя и народа Грузинскаго грамоты и желанія ихъ быть въ Нашемъ подданствѣ и подъ управленіемъ нашихъ законовъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Е. И. В. рукою тако: Павелъ.

Н.

Манифестъ Имп. Павла 18 янвиря 1801 г.

(Подписанъ 18 декабря 1800 г.¹)

Съ давнихъ уже временъ Грузинское Царство, угнетаемое иновѣрными сосѣдями, истощало силы свои непрестаннымъ ратованіемъ въ собственную оборону, чувствуя неизбѣжныя слѣдствія войны, почти всегда несчастливой. Къ симъ присовокупились несогласія въ домѣ Царскомъ, угрожающія довершить паденіе Царства сего, возродя въ немъ междоусобную войну. Царь Георгій Иракліевичъ, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и самъ народъ грузинскій прибѣгли нынѣ къ покрову Нашему, и не предвидя инаго спасенія отъ конечной гибели и покоренія врагамъ ихъ, просили чрезъ присланныхъ полномочныхъ о принятіи областей Грузинскому Царству подвластныхъ въ непосредственное подданство Императорскому Всероссійскому Престолу. — Внимая прошенію сему по сродному Намъ ко всѣмъ единовѣрцамъ Нашимъ милосердію и по всегдашнему Нашему о пользахъ Грузинскаго народа попеченію, опредѣлили Мы исполнить Царя Георгія Иракліевича и Грузинскаго народа желаніе, и для того повелѣли, сколько для удержанія внутренняго въ землѣ устройства, столько для огражденія оной отъ внѣшнихъ нападеній ввести войска Наши въ области Грузинскія. И симъ объявляемъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, что по присоединеніи Царства Грузинскаго на вѣчныя времена подъ Державу Нашу не только предоставлены и въ цѣлости соблюдены будутъ, Намъ любезновѣрнымъ новымъ подданнымъ Нашимъ Царства Грузинскаго и всѣхъ оному

¹ П. С. З. № 19,721.

подвластныхъ областей, всѣ права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая, но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣть пользоваться тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древніе подданные Россійскіе по милости Нашихъ предковъ и Нашей наслаждаются подъ покровомъ Нашимъ. Впрочемъ пребудемъ удостовѣрены, что сіи новые подданные Наши и ихъ потомки сохраненіемъ непоколебимой вѣрности Намъ и Преемникамъ Нашимъ и усердіемъ къ пользѣ Имперіи Нашей, коей по всеблагому промыслу Всевышняго учинились сочленами, потщатся заслуживать Монаршее благоволеніе Наше.

I.

Изъ ноты, поданной грузинскими полномочными въ апрѣль 1801 г.

(Груз. текстъ у Пл. Юсселиани (Жизнь ц. Георгія)
и во II-мъ томѣ „Грамотъ“ проф. А. Цагарели).

1.

По силѣ пункта перваго перваго прошенія поданнаго нами еще до кончины е. в. царя Грузинскаго, государя нашего, отъ его имени высокому министерству, каковое прошеніе, согласно повелѣнія Е. И. В., послано было въ Грузію; имѣемъ честь всеподданнѣйше доложить о нижеслѣдующемъ: вельможи Грузіи, духовенство и народъ желаютъ единожды навсегда принявъ подданство великой Россійской имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца. Въ виду того, что какъ этотъ, такъ и прочіе пункты вышеозначенной ноты были рассмотрѣны, по Высочайшему соизволенію, и царство сіе на вѣки было принято въ подданство Всероссійскаго Императорскаго Престола, посему всеподданнѣйше просимъ Е. В. Всемилоствѣйшаго Государя нашего, дабы Онъ подтвердилъ принятіе царства сего въ подданство заключеніемъ торжественнаго Императорскаго акта, причемъ обнадежены будутъ новые подданные, что отеческое благопризрѣніе какъ Его самого, такъ и Преемниковъ Его отъ нихъ не отнимется; равно какъ и попеченіе о благосостояніи народа, который по собственной своей волѣ отдался навѣки въ подданство; и что дарованы будутъ имъ тѣ же права, преимущества и выгоды, коими старые подданные Е. И. В. пользуются; что царство и предѣлы его будутъ защищены отъ вторженія всѣхъ сосѣдственныхъ враговъ, ущербъ и всякихъ супротивностей; и установлены такія повинности, какія посильно будетъ новымъ подданнымъ нести и исполнять.

2.

На основаніи сего пункта, которому мы согласны придать распространительное толкованіе, да соблаговолитъ Е. И. В. назначить кого ему угодно изъ царевичей правителемъ царства Грузинскаго, съ тѣмъ чтобы онъ носилъ званіе Императорскаго намѣстника и считался царемъ Грузіи...

Манифестъ 12-го септембра 1801 г.

(П. С. З. № 20,007).

Божією милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ обывателямъ Царства Грузинскаго, кому о томъ вѣдать надлежить. Покровительство и Верховная власть Россійской Имперіи надъ Царствомъ Грузинскимъ всегда налагали на Монарховъ Россійскихъ и долгъ защиты. Въ 1796 году противъ сильнаго впаденія къ вамъ Аги-Магометъ-хана, въ Бозѣ почивающая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна послала часть войскъ своихъ. Столь успѣшное тогда не токмо спасеніе Царства Грузинскаго, но и счастливое покореніе всѣхъ Областей и народовъ отъ береговъ Каспійскаго моря до рѣкъ Куры и Аракса; ограждали васъ отъ всякихъ опасностей; оставалось токмо внутреннимъ благоучрежденіемъ благоденствіе наше утвердить на вѣки. Но внезапное и скоропостижное отступление войскъ Россійскихъ изъ Персіи, Арменіи и изъ предѣловъ вашихъ, изпровергли справедливое ожиданіе ваше. — Всѣ потомъ претерпѣнные Вами бѣдствіи, нашествіе невѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, раззореніе городовъ и селеній, поработеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей вашихъ, — наконецъ раздоръ Царской Фамиліи, и раздѣленіе народа между разными искателями Царскаго достоинства влекли васъ въ междоусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на Царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединеніемъ всѣхъ сихъ золь не токмо народъ, но даже и имя народа Грузинскаго, храбростію прежде столь славнаго во всей Азіи, потребилось бы отъ лика земли. Стоя въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство Россійское. Вступленіе войскъ Нашихъ и пораженіе Омаръ-Хана Аварскаго пріостановили гибель вашу, устранивъ всѣхъ хищниковъ наполняющихъ горы Кавказскія и тѣхъ кои раздирають область Персіи и Великой Арменіи; затихли крамолы посреде васъ и всѣ вы единодушно и торжественно воззвали власть Россійскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на Всероссійскій Престоль, обрѣли царство Грузинское присоединенное къ Россіи, о чемъ и Манифестъ въ 18 день Генваря 1801 г. изданъ былъ во всенародное извѣстіе. — Вникая въ положеніе ваше, и видя, что посредство и присутствіе войскъ Россійскихъ въ Грузіи и до нынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови Намъ единовѣрныхъ, и конечную гибель уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали Мы испытать еще нѣтъ ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ Нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и безопасности. — Но ближайшія по сему изслѣдованія наконецъ убѣдили Насъ, что разныя части народа Грузинскаго, равно драгоцѣнныя Намъ по челоуѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти. — Поелику противъ всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ себя обнаружила. — Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобій и кровопролитія; сверхъ того бывшее правленіе даже и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности. Напротивъ столь кратно вовлекало васъ въ бездну золь, на краю коей и нынѣ вы стоите, и въ которую по всѣмъ соображеніямъ должны вы будете низвергнуться, если мощная рука справедливой власти отъ паденія сего васъ не удержитъ.

Сила обстоятельствъ сихъ, общее по сему чувство ваше, и гласъ Грузинскаго народа, преклонилъ Насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великодушной защитѣ Россіи. — Возбужденная надежда ваша сей разъ обманута не будетъ. — Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. — Единое достоинство, единая честь и человечество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи Правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. — А по сему избравъ Нашего генераль-лейтенанта Кнорринга быть Главноуправляющимъ посредѣ Васъ, дали Мы ему полныя постановленія открыть сіе Правленіе отъ Имени Нашего объявленіемъ и привести въ силу и дѣйствіе предначертанное отъ Насъ постановление, къ исполненію коего пріобщая избранныхъ изъ васъ по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы ввѣряясь Правленію сему, несомнѣнно подѣ сѣнію онаго начальнаго спокойствіе и безопасность обрѣщете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе.

Всѣ подати съ земли вашей повелѣли Мы обращать въ пользу вашу, и что за содержаніемъ Правленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе раззоренныхъ городовъ и селеній. Каждой пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободнымъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранять удѣлы свои кромѣ отсутствующихъ; а симъ годовой доходъ съ удѣловъ ихъ ежегодно производимъ будетъ деньгами, гдѣ бы они ни обрѣтались, лишь бы сохраняли долгъ присяги. — Во взаимность сихъ великодушныхъ попеченій Нашихъ о благѣ всѣхъ и каждаго изъ васъ, Мы требуемъ, чтобы вы для утвержденія постановленіемъ надъ вами власти дали присягу въ вѣрности по формѣ при семъ приложенной. Духовенство, яко Пастыри душевные, первые должны дать примѣръ. Наконецъ, да познаете и вы цѣну добраго правленія, да водворится между вами миръ, правосудіе, увѣренность какъ личная, такъ и имущественная, да пресѣкутся самоуправство и лютыя истязанія, да обратится каждый къ лучшимъ пользамъ своимъ и общественнымъ, свободно и невозбранно упражняясь въ земледѣліи, промыслахъ, торговлѣ, рукодѣліяхъ подѣ сѣнію законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ. Избытки и благоденствіе ваше будетъ пріятнѣйшею и единственною для Насъ наградою. Данъ въ Престольномъ градѣ Москвѣ, Сентября 12 дня 1801 года.